

АДАМ МАЛЬДЗІС

ад Скарыны
і Фёдарова –
у XXI стагоддзе

АДАМ МАЛЬДЗІС

ад Скарыны
і Фёдарова —

у XXI стагоддзе

Зборнік эсэ

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
«ЧАТЫРЫ ЧВЭРЦІ»
2018

УДК 087.5:94(476)

ББК 63.3

М21

*Прадмова Алеся Карлюкевіча
Пасляслоўе Ліліяны Анцух*

Мальдзіс, А. І.

М21 Ад Скарыны і Фёдарова — у XXI стагоддзе : зборнік эсэ / Адам Мальдзіс; прадм. А. Карлюкевіча, паслясл. Л. Анцух. — Мінск : Чатыры чвэрці, 2018. — 208 с.

ISBN 978-985-581-087-3.

Зборнік складаецца з артыкулаў-эсэ, прысвечаных развіццю беларускага пісьменства, рукапіснага і друкаванага, якое пачалося з прыняццем хрысціянства ў Полацкім і Тураўскім княствах, пасляхова працягвалася ўжо ў друкаваным выглядзе ў Вялікім Княстве Літоўскім, а затым — у Расійскай імперыі і Савецкім Саюзе і дасягнула свайго апагея з набыццём Беларуссю незалежнасці. Развіццю мастацкай і навуковай літаратуры, далучэнню да біблейскага Слова Божага садзейнічалі выдатныя сыны і дачкі зямлі беларускай, сумежнай з Усходам і Захадам Еўразійскага кантынента.

Выданне разлічана на ўсіх зацікаўленых у пазнанні сваіх каранёў і гісторыі Айчыны.

УДК 087.5:94(476)

ББК 63.3

ISBN 978-985-581-087-3

© Мальдзіс А. І., 2018

© Карлюкевіч А. М., прадмова, 2018

© Анцух Л. Ф., пасляслоўе, 2018

© Афармленне. ТДА «Выдавецтва
“Чатыры чвэрці”», 2018

Час Адама Мальдзіса

Мне здаецца, што з папяровай кнігай развітвацца яшчэ рана. Па-першае, з-за таго, што інтэлектуальныя багацці за некалькі апошніх стагоддзяў збіраліся менавіта праз кнігу, праз друкаваныя выданні. Па-другое, папера матэрыялізуе адрасна тыя ці іншыя сучасныя адкрыцці і знаходкі. У інтэрнэце ж, бязмежнай электроннай прасторы, хапае «кашы для мазгоў», але нестae сістэмнасці і паслядоўнасці, якую стагоддзямі ўсталёўвала прастора друкаваных выданняў; нестae тых галін, якія абслугоўвалі і працягваюць абслугоўваць Яе Вялікасць Кнігу; нестae бібліятэказнаўства, бібліятэчнай увогуле справы; нестae бібліяграфічнага духу... З гэтага Часу Кнігі вылучаюцца і многія постаці нашых сучаснікаў. Тых, хто працаваў ці працуе і зараз дзеля назапашвання інтэлектуальных багаццяў папярэднікаў, у самых розных галінах. Такі ў гэтым паважаным асяроддзі — доктар філалагічных навук Адам Мальдзіс.

Высокі дар працалюбства, прыроджаная інтэлігентнасць, дэмакратызм у сацыяльным і палітычным вымярэнні, незалежна ад таго, у якім часе, у якіх абставінах яму даводзілася жыць і працаваць, вылучаюць гэтую асобу ў рад светачаў беларускай справы. Письменница Людмила Рублеўская назвала яго Чалавекам Адраджэння, напісаўшы: «Усё, што ён робіць, успрымаецца як належнае і вартae павагі». Параўнала яго імя «...у сённяшняй беларускай культурнай прасторы ... з гэтым жа архетыпам, як слова “камень”...» Мне падаецца, што Адам Мальдзіс у любым стагоддзі знайшоў бы сваё месца публіцыста — будзіцеля грамадскіх з’яў.

Кнігі доктара філалогіі даўно выйшлі за межы літаратурна-знаўчых пошукаў. Жаданне вучонага разгледзець мінуўшчыну праз літаратурныя помнікі, праз тыя артэфакты прыгожага пісьменства, што ў розны час ствараліся на тэрыторыі Беларусі, прывяло да будаўніцтва сістэмнага ведання пра ўплывы на далейшае літаратурнае і культурнае развіццё народа, нацыі, краіны.

А яшчэ — і гэта не меней важна, чым усе астатнія наробкі Адама Мальдзіса, — у апошнія дзесяць-пятнаццаць гадоў вучоны засведчыў сябе цікавым публіцыстам, журналістам, які ў «Советской Белоруссии», у газеце «Голас Радзімы» і іншых перыядычных выданнях дзяліўся сваімі меркаваннямі, аналізаваў прысутнасць Беларусі ў свеце праз дзейнасць розных гістарычных асоб. Гэта надзвычай важны аспект, лёсавызначальны напрамак. Адам Мальдзіс паказаў іншым, што знойдзенае, здабытае ў архіўных сховішчах, адкрытае праз самыя розныя крыніцы памяці павінна стаць часткай агульнай інфармацыйнай прасторы, павінна дайсці да шырокай грамадскасці, да чытача-індывідуума, да людзей, якія раней, можа, і не задумваліся над тымі ці іншымі асветніцкімі, гісторыка-культурнымі тэмамі і з'явамі. Пагадзіцеся, старонкі масавай газеты з паўмільённым накладам — самая што ні ёсць выгадная і вартая для гэтага пляцоўка.

І ўсё ж вяртаюся да сваіх «папяровых» разваг... Зробленае, усталяванае Адамам Мальдзісам, падказанае ім як шлях для далейшых пошукаў, для работы па фарміраванні гістарычнай свядомасці вартая любой інфармацыйнай прасторы. Інтэлектульная электронная работа, тое сеціва, якое будзе развівацца для чалавека разумнага, удумлівага, без Мальдзіса, яго публіцыстыкі не абыдзецца. Каб пераканацца ў гэтым — знайдзіце ўсё ім напісанае і прачытайце. Вас чакаюць гадзіны разваг над лёсам Беларусі і ўвогуле — разваг над жыццём.

Алесь Карлюкевіч

I. Карані беларускага пісьменства

Корень и крона истории

Почему белорусам важно осмыслить сущность Великого Княжества Литовского

Размышления, навеянные ураганом

Начну со сравнения. Как-то летом неожиданно налетел с юга, с Черного моря, ураган, принесший много беды прежде всего сельхозугодьям. Но досталось и лесам, и городским деревьям. Когда утром я вышел во двор и стал рассматривать уложенные ветром на землю стволы, заметил: прежде всего пострадали обладатели «поверхностной» корневой системы, не уходившей глубоко в землю. Также пали жертвой деревья, стоявшие отдельно или наклоненные в одну сторону, — их не спасли ни разветвленная крона, ни толстый ствол. Глядя на развернувшуюся картину, неожиданно для себя подумал: вот так же и «здание» государства. Крона — крыша строения: то есть органы власти; ствол — стены дома: экономика страны; ну а корни — фундамент: исторические, национальные, культурные традиции народа, его самосознание. Чем прочнее, глубже в столетия уходят они, тем устойчивее здание, тем прочнее стоит дерево.

Помнится, последствия урагана ликвидировали быстро и эффективно. А почему? Да потому, что власть приняла незамедлительные решения, позволившие свести к минимуму потери. Потому что после довольно продолжительного шатания от всяких ветров устой-

чивее стали экономические стены нашего государственного строения. А как же фундамент? Прочно ли он зацементирован, глубоко ли уходит в землю — в национальную историю? Конечно, история БССР — очень мощный пласт! Но мы живем сегодня в другой стране, которая носит имя — Республика Беларусь. Многие исследователи по-настоящему осознают, что «копать» необходимо глубже — туда, где рождалась нация, имеющая огромную тысячелетнюю историю. Эти поиски неизменно приводят ученых к Полоцкому, Туровскому, Витебскому, Минскому, Городенскому, Друцкому и иным княжествам, княжеству Новгородскому, из которого «родилось» Великое Княжество Литовское.

И вот тут, при переходе от Новгородского княжества к Великому Княжеству Литовскому, Русскому и Жемайтийскому, начинается некий сбой в нашем мышлении. Полоцкое, Туровское — вроде бы (или, конечно же!) наши, а вот Литовское — вроде бы уже и нет. Ибо в память вьелся советский стереотип, рожденный в 1930-е годы, что ВКЛ — государство, чуждое нам, навязанное, враждебное. Ибо литовские князья завоевали нас, покорили, а потом эксплуатировали...

И самое парадоксальное, такой взгляд целиком удовлетворяет многих нынешних литовских историков, с которыми мне, белорусу с литовскими корнями, приходилось спорить на самых разных конференциях — от Рима и Люблина до Гродно и Тракая, Гервят и Рымдюн (этнические литовские деревни на территории Гродненщины).

А имею ли я право на спор?

Такой вопрос родился у меня, когда начал писать не только данную статью. Ведь действительно могут сказать и наши, и литовские историки в мой адрес: он — доктор филологических наук, занимался историей белорусской литературы XVI–XIX столетий, так чего лезет в чужой огород?! Во-первых, «огород» для меня не чужой с детства. Помню, с каким недоумением мои одно-

сельчане встретили весть, что по решению Кремля в пяти километрах от нашей деревни «по живому» пройдет граница, и нельзя уже будет запрячь лошадь и просто так поехать в Вильно, издревле сложившееся как экономический, политический, культурный центр и этнических литовских, и этнических белорусских земель. После войны мать настаивала, чтобы я поступал в Вильнюсский университет (ближе, да и родня там), но вмешался отец: мол, раз пробует что-то писать по-белорусски, пусть отправляется в Минск. Однако связи с Вильнюсом не прерывались. Когда стал работать в академическом Институте литературы, охотно ездил к соседям на конференции. А потом предложил им: давайте дружить институтами! И дружили по-настоящему: провели немало научных встреч, вместе отдыхали на Нарочи и Свитязи, в Тракае и Каунасе. И только улыбались, когда до нас доносилось эхо утверждений будто «враги-литовцы» нас «заполнили». Только неизвестно, где, в какой битве...

Помню, литовская фольклористка Ванда Мисявичене (именно она установила, что литовские жатвенные песни гораздо ближе к белорусским, чем к родственным латышским), хитро улыбаясь, сказала: «А вы знаете, ваши историки правы: белорусский фольклор сохранил доказательство, что такая битва состоялась... Послушайте, — и продиктовала текст, который я записал:

— *Ой, наехала Літва —
Будзе ў нас бітва.
Будзем Літву біці —
Вольку бараніці!*

После чего, глянув в мой блокнот, уточнила: «Слово “литва” пишется здесь с малой буквы: не государство же наехало, а его жители, дружина. Потому что “Волька” — это не “воля”, а невеста. По мелодии песня — свадебная. То есть понаехали дружки жениха — надо не упустить свое, взять с них выкуп».

Теперь второй аргумент. Моим «выкупом» и за литовские корни, и за гостеприимные встречи стало согласие написать совместно с литовской исследовательницей Альмой Лапинскене книгу

о наших литературных связях. Включили тему в договор между институтами. Мне надлежало описать контакты до 1939 года, моему соавтору — более поздний и насыщенный сотрудничеством (по крайней мере, переводами и декадами) период. Вскоре появилось наше совместное белорусское «чадо» под названием «Перазовы сяброўскіх галасоў» (1988). И хотя я, естественно, начинал, вторгаясь в историю, издавека, от ВКЛ, никаких возражений в печати мои утверждения об общности государства, добровольности и плодотворности его создания не вызвали. Как и повторение этих утверждений в литовской версии — «Литовско-белорусские литературные связи» (1989). Правда, одну мою фразу, несмотря на споры, длившиеся целый день, вплоть до самого отправления поезда «Чайка», все же переделали. Речь шла о государственном языке ВКЛ. Вслед за нашими лингвистами, славистами других стран я настаивал на его определении как древнебелорусский книжный. Когда же открыл напечатанный литовский вариант, увидел: язык преобразовался в «канцелярский язык» княжества. Что, конечно, возмутило меня: а какова же его этническая основа?! Ведь она имела даже у эсперанто! Тем не менее «война» между нами из-за такого несовпадения взглядов не началась. Вскоре доктор Альма Лапинскене возглавила Литовскую ассоциацию белорусистов, начала говорить по-белорусски, переводить с него. Одним словом, стала «полпредом» белорусской литературы в Литве.

Наши разногласия

Нтак, одно из существенных, но не основных наших разногласий заключалось в том, что мы с литовскими коллегами по-разному характеризуем государственный язык ВКЛ. Мы утверждаем: литовцы приняли наш книжный язык. Их точка зрения — тот язык был чем-то вроде древнего эсперанто. Однако основные споры происходили по другим, более кардинальным вопросам: чьим интересам

соответствовало создание ВКЛ, чье это было государство, каковы были его элиты и кто кого в нем угнетал? А также какие плодотворные уроки можно извлечь из истории ВКЛ, кому принадлежит оставшееся культурное наследие и стоит ли (а если стоит, то в каких случаях) его «делить»? Обо всем этом и пойдет речь дальше.

Но сначала позвольте еще раз обратиться к истории вопроса, что поможет, как я считаю, прояснить несколько существенных моментов.

Благословение Папы Римского

Очевидно, мои работы о белорусско-литовском, белорусско-польском, белорусско-русском и белорусско-украинском литературном и, шире, культурном взаимодействии не остались незамеченными. Этим объясняю поступившее мне в апреле 1990 года приглашение в Италию на международную конференцию, посвященную культурному наследию стран Центрально-Восточной Европы, которые образовались на территории бывшей Речи Посполитой, — Беларуси, Литвы, Польши и Украины. От каждой из них в Рим направилось по шестерке ученых — по три из «метрополии» и от диаспоры. Из Беларуси вместе со мной поехали известный историк, профессор Анатолий Грицкевич и языковед Вячеслав Веренич.

Конференцию проводил Папский институт в Ватикане, где при Иоанне Павле II работало много поляков. Поэтому, увидев, что число оных превышает количество всех остальных в несколько раз (и какие имена: сам нобелевский лауреат Чеслав Милош прилетел из США), мы внутренне сжались от напряжения, ожидая, что главными «спорщиками» окажутся белорусы и поляки, что опять всплывут вопросы о «крессах восточных» и так далее. И ошиблись. Ибо поляки знали и прекрасно усвоили пророческие утверждения редактора парижской «Культуры», минчанина родом, Ежи Гедройца о том, что на «крессах» возродятся суверенные белорусская, литовская и украинская державы, и уже смирились

с утратой «восточных земель». Зато литовцы встретили (за единственным исключением) дружелюбные и конструктивные высказывания белорусов в штыки: мол, ВКЛ — государство только литовское и ни о каком общем наследии нет и речи. С их стороны посыпались вопросы: «В состоянии ли белорусы выжить как нация и на что они возлагают надежды в своем оптимизме?», «Смогли бы возникнуть украинская и белорусская нации, если бы их земли в свое время не вошли в состав ВКЛ?». И наконец: «Можно ли считать белорусов народом государствотворческим, а древнебелорусский язык — государственным языком ВКЛ?» Мы отвечали корректно, хорошо аргументированно. Иногда нас поддерживали украинцы и поляки.

На конференции известный польский историк Ежи Ключовский предложил: поскольку все мы «обречены» на соседство и наши корни тесно переплетены, давайте напишем четыре национальные истории и переведем их на три других языка. Каждая сторона вольна оценивать себя настолько, насколько ей позволяет чувство объективности. Но в «историях» не должны содержаться два самых опасных изъяна: нельзя оскорблять достоинство другого народа или страны и нельзя допускать взаимоисключающих утверждений. Мне показалось, литовские коллеги явно приуныли: белорусы ведь напишут, что литовцы их не завоевывали, а для литовцев это — краеугольный камень в оценке ВКЛ.

Идею написания таких исторических текстов одобрил Папа Иоанн Павел II, который радушно принял участников конференции в Ватикане и нашел несколько минут для разговора с каждым. От имени белорусской делегации я вручил понтифику энциклопедический справочник «Францыск Скарына», посвященный, пожалуй, самой светлой личности в ВКЛ — зачинателю книгопечатания на этих землях, переводчику и толкователю Священного Писания. Знаменательно, что в одних случаях он называл себя, повторяю, русином, имея в виду этническое происхождение, в других — литвином, указывая на государственную принадлежность.

Продолжение «римских» споров

После «Рима-I» через год прошел «Рим-II» в Люблине, затем — «Рим-III» в Каменце-Подольском, потом дошла очередь и до Беларуси. «Рим-IV» решили провести в Гродно. И на всех этих форумах продолжались дискуссии о сущности Великого Княжества Литовского. Но вильнюсские коллеги либо уклонялись от прямых ответов, либо заявляли, что «ни с кем делить ВКЛ не собираются». Разве что согласны считать белорусскими земли за Днестром и Двиной. Исключение составлял лишь известный географ и краевед профессор Чесловас Кудоба, призывавший не накладывать прежние терминологические трафареты на сегодняшнюю действительность, не путать этнос с государственностью. Ведь названия «путешествуют» (яркий пример — Пруссия). То же случилось и с Литвой: во времена ВКЛ — это западная и центральная части этнических белорусских земель, а территории, населенные предками нынешних литовцев (только не «летувисов», ибо, как доказали мне вильнюсские белорусы, такое название противоречит правилам лексикологии), назывались Жемайтией, Аукштайтией, Дзукией...

И вот в древнем литовском замке Тракай проводится «Рим-V». Белорусы (Геннадий Саганович и Захар Шибека) первыми представили тексты своей истории (кстати, она уже издана в двух книгах — на белорусском и польском языках и переводится на украинский). Первый из авторов, написавший семь разделов о ВКЛ, охарактеризовал княжество как уникальное для Европы того времени федеративное государство, созданное в общих интересах — прежде всего для защиты от крестоносцев и татаро-монгольской орды. Кстати, о федеративности свидетельствует уже само официальное название державы: Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтийское. Что же касается угнетения, то оно имело не этнический, а феодальный характер: если боярин владел поместьями и в Жемайтии, то угнетал предков нынешних литовцев, а если кунигасы (князья) Радзивиллы (от литовского *erelis* — «орел») владели Несвижем и Слуцком, то все происходило с точностью до наоборот.

Вслед за белорусами заявили о готовности своих работ поляки. Отдельные разделы привезли для обсуждения украинцы. И только литовцы, почувствовав, что их текст войдет в противоречие с белорусским и тем самым нарушит одно из двух основных «римских» требований, не предоставили ни одной страницы и даже не назвали никаких возможных сроков. В вильнюсской прессе появились публикации, что все в Тракае вели себя хорошо, даже поляки, а вот белорусы проявили агрессивность, претендовали и на часть ВКЛ, и на общность наследия. Переговоры зашли в тупик. «Рим-V» оказался последним. Попытки реанимации результатов не дали.

Нетрадиционные «круглые столы»

Белорусско-литовские научные распри тревожили зарубежных коллег — уже не только из «римской четверки», но и белорусистов из других стран. Поэтому почетный профессор многих университетов мира, в том числе и БГУ, Анжей Цехановецкий, потомок князей Мстиславских и Заславских, собрал в Лондонском университете небольшое совещание. Прибыли профессора Норманн Девис, Джим Дингли, князь Замойский. Они говорили нам: не хватало еще, чтобы литовцы поссорились с белорусами, своими не только соседями, но и «родственниками» (через знаменитый «балтский субстрат» в крови). Раз многосторонние конференции результатов не дают, тогда, может, лучше встретиться вам с литовцами напрямик? Мы готовы дать Международной ассоциации белорусистов личные деньги на организацию такой встречи...

Но тут уже нам пришлось признать: нет «мира» и среди самих белорусов. Наряду с традиционным, советским мнением, что это литовцы «покорили» нас, слабеньких, появилось и нашло сторонников, особенно среди молодежи, противоположное утверждение. Уважаемый Микола Ермалович, желая отогнуть перегнутую палку, добился того же эффекта, но только в противоположную сторону:

мол, это мы, мощные, «завоевали» «Аукштоту и Жамойть», ВКЛ — целиком и полностью наше государство.

— Ну вот, — вздохнул Норманн Девис, чьи книги о славянах читались тогда, как откровение, — как же вы будете дискутировать с литовцами, коль в вас самих согласия нет. Надо сначала собраться белорусам и прийти, если не к единому, то близкому мнению.

— А я готов приехать в качестве арбитра, — добавил Анджей Цехановецкий. — Заодно посмотрю, как там лежит у вас, в академическом музее, подаренный мной слуцкий пояс. Картину с видом Несвижа начала XIX века добавлю.

— И я готов поехать, — продолжил разговор Джим Дингли. — Думаю, профессор Грачиотти из Рима, профессор Бардах из Польши, другие объективные специалисты по временам ВКЛ присоединятся к нам.

И вот мы встретились за «круглым столом» в Минске. Прессу и публику, дабы не разжигать страсти, не приглашали, чем накликали на себя волны гнева. Начали по телефону протестовать и литовцы: как же так, разговор будет идти о ВКЛ, но без нас?! На что мы спокойно отвечали: сначала дайте прийти к единому мнению нам самим. А потом белорусы уже встретятся (без «арбитров») с литовцами где-нибудь на пограничье.

Споры продолжались два дня. Микола Ермалович сначала держался категорично, но потом, когда ему задали вопрос: а где же, в каком месте состоялись наши победы над балтами, стал более конструктивен и подписал «примирительный» заключительный документ, в котором говорилось: да, были вооруженные нападения, но они носили не этнический, а династический характер. А иногда просто грабили друг друга, что во времена феодальной раздробленности наблюдалось во многих странах. Сущность заключения лаконично и мудро изложил профессор Юльюш Бардах, специалист по Литовским статутам:

— Как мне кажется, здесь вообще нет проблемы. Если смотреть из Минска, ВКЛ можно считать белорусско-литовским государством, а если смотреть из Вильнюса — литовско-белорусским. Ведь основное ядро в нем — экономическое, территориальное, культурное — белорусское, а военное, политическое — больше литовское.

С тем мы и поехали через пару месяцев в Герваты Островецкого района на встречу с литовцами. В нашу команду входили видные белорусские историки. Литовцев же представляли преимущественно политики, филологи, аспирантская молодежь. Диалог в первый день складывался явно не в пользу гостей. Чтобы поднять им настроение, мы повели их по этническим литовским деревням, где женщины поили всех парным молоком, угощали первой клубникой. А вечером на мосту у «чертова млына» литовские, белорусские, польские, русские песни пели «самодеятельницы» из деревни Гири. Однако не все литовские коллеги спокойно слушали концерт. Некоторые побежали на почту, чтобы на завтра вызвать из Вильнюса подмогу, «тяжелую артиллерию».

Следующий день начался с того, что два ксендза отслужили в местном костеле мессу за наше взаимопонимание. Притом белорусский священник правил службу по-литовски, а приехавший с Витебщины литовец — по-белорусски. А там подъехал и микроавтобус из Вильнюса: прибыли директор академического Института истории Литвы профессор Антанас Ти́ла, уже знакомый нам Чесловас Кудабá (кстати, уроженец Мядельщины), другие известные ученые. Дискуссия приобрела конкретный и конструктивный характер. Определение ВКЛ, данное в Минске профессором Бардахом, вроде бы устраивало, с мелкими оговорками, всех (кстати, через несколько лет я с удовлетворением встретил близкую формулировку во втором томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», где ВКЛ характеризовалось как «Беларуска-Літоўская дзяржава»). Затем по-деловому принялись за составление текста коммюнике. Его зачитали и раздали представителям СМИ уже в Островце, где нас нетерпеливо ждали, надеясь на «жареное». Но «жареного» не получилось, ибо, казалось нам, наконец победили логика, здравый смысл, факты. Правда, то коммюнике белорусы опубликовали, а литовцы — нет. Кто тут повлиял или что повлияло — точно не знаю, могу лишь догадываться.

Лет через восемь невдалеке от Гервят, в Рымдюнском литовском культурно-образовательном центре, была сделана еще одна попыт-

ка наўнаго примірэння. К сожаленію, паўтарыўся пражны сцэнарыі. Беларускую старону прадставалі серызныя спецыялісты, а із Вільнюса прыехалі толькі адін палітык і адін спецыяліст па частнаму вопросу — па Літовскай метрыке. Правада, засяданне прашло не без пользы: высказывалось немало прадложаенняў па поведу многатомнаго ізданнага дакументаў Літовскай метрыкі, хранячыхся преймушчэствэнна ў Маскве. Кстаті, ў Мінску ўвудела свет кніга № 560 «Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага». Значыт, усё же можам саауднічаць, не деля эту самую метрыку на нашу і вашу...

Історуаграфія — маць істыны?!

Готовясь напісаць прадлагаемыя вам размышленія, я рэшл іще раз пасмотреть, што публікавалось другімі — і раньшэ, і тэперь. Іще раз перелістаў вузавскія і школьныя ўчэбнікі, паходіл па кніжныя магазінах, купіл немало навінак. Среда нях — «Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.» (Мінск, 2006) с багатаейшэй бібліаграфіяй, «Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага» (Мінск, 2007), а із пражнего — скромна ізданнае пасабіе для ўчытэляў «Гісторыя Беларусі. 10 клас (схемы, табліцы, тэкст)» (Мінск, 2001) Наталы Шаровай і Любоў Селіцкай. Первыя дзве кнігі ўключаюць ў сябя матэрыялы Міжнароднаго «круглага стала» і Міжнароднай наўчнай канфэрэнцыі, праведзеныя ў Гродно саотвэтствэнна ў 2003 і 2004 гадах. Із ітых ізданіяў лёгка сдэлаць два вывада: інтэрес к ВКЛ не угасае, но цэнтр яго ізучэння перакочыввае із Мінска ў прыгранічнае Гродно, што, наўверное, істэствэнна.

Но когда я перачытаў старыя запісы і познакаміўся с прыобрэтеніямі, прашл, как гаворят, ў тыхій ужас: што ні аўтор — то свая, часта протывоположная канцэпцыя. І кождый стрэмітся как-то абойтн глаўное, сущностное, а іменно вопрос: імеем лі мы право счытаць сябя наслэднікамі ВКЛ? Неужелі, подумалось, со всіма прідэцца спорыць, кождого цытаваць? Да на это же потрэбуюцца

годы и не газетная статья, а книга-фолиант. Но однажды утром пришло успокоение: я же, используя, конечно, свои прежние публикации, сказанное и услышанное на конференциях и «круглых столах», излагаю собственный, во многом писательский взгляд на проблему, не претендующий на истину в последней инстанции.

Кстати, из приобретенного понравилось пособие Н. Шаровой и Л. Селицкой. Правда, и они обходят поставленный выше вопрос, но деликатно подводят к нему. Одна из предложенных ими схем имеет название «Федеративный характер и восточнославянский этнический фундамент ВКЛ», а из содержания ясно: Полоцкое княжество вошло в ВКЛ благодаря «дипломатическим соглашениям», а Витебское — благодаря «брачным связям», захват же был применен только к Подолью, Подляшью и Волини. Затем указываются главные черты автономности белорусских княжеств, вошедших в федерацию. Далее речь идет о причинах объединения: с одной стороны — «остановка нажима крестоносцев на восточных славян, балтов», со второй — «возвращение белорусско-литовской державе лидерства в проведении восточной политики», защите от татаро-монгольской орды и крымских татар и, с третьей стороны, для меня лично совершенно новой, — «отвоевать в Польше место западноевропейского форпоста в Восточной Европе». Кратко, но емко.

Великое Княжество Литовское — государство многих этносов, конфессий, культур и элит

Подзаголовок предлагаемой части статьи навеян названием когда-то присланной мне книги профессора Ежи Томашевского «Речь Посполитая многих наций». Подумалось: а ведь к польской части Речи Посполитой времен ВКЛ такое определение мало подходит, ибо до Люблинской унии она была этнически почти монолитной. Только потом, с добавлением украинских, подляшских, прусских земель, польская часть превратилась в многоэтничную. Правда, заспорит иной читатель: всегда счита-

лось, что Речь Посполитая — держава «обоих народов», но ведь под «народами» имелись в виду не этносы, а шляхетские элиты. Это значило, что был «народ» польской Короны и «народ» ВКЛ. Другие сословия, кроме магнатов и шляхты, сюда не входили.

Элиты Великого Княжества Литовского

Если излагать коротко и поэтому несколько упрощенно, элиты ВКЛ складывались по-разному, с «разрывом» (отставанием) между восточной и западной его частями на несколько столетий. В принявших православие княжествах кривичей, дреговичей и радимичей государственный «аппарат» сформировался еще в X–XI столетиях. Существовали светская (князь) и духовная (епископ) власть, княжеская дружина, элитное боярство, наконец, городское «вече» или его подобие. А предкам нынешних литовцев и латышей «государственным строительством» некогда было заниматься. Приходилось постоянно воевать, защищаться от крестоносцев и меченосцев, рыцарей из разных европейских стран, которые направлялись в Палестину, чтобы защищать от «неверных» (мусульман) христианские святыни, но вместо этого высаживались на Балтийское побережье возле устья Немана и Двины, дабы обращать «огнем и мечом» в христианскую веру язычников-балтов — здесь и к дому ближе, и комфортнее. А что верящий в Магомета мусульманин, что верящий в силы природы «поганин» — разницы особой тогда не видели... Правда, кривичи подобным путем распространения своей новой веры не шли — очевидно, потому что сами только недавно нелегко распрощались с Перуном и прочими божествами предков.

Сражаясь с крестоносцами и меченосцами, отстаивая свои пущи, балтские князья вольно или невольно перенимали многие черты от европейского рыцарства. (Потом шляхта ВКЛ, хотя сама сражалась с крымскими татарами и турками, немало «одолжила» у них — вплоть до женской одежды, роскошных шатров с коврами,

громких барабанов и «янычарских» оркестров.) Предки Гедиминовичей и Ягеллоновичей не имели времени на государственное устройство, не любили заниматься сельским хозяйством. Зато они могли воевать и воевать хорошо — как викинги. И вот когда над соседями-славянами нависала внешняя опасность, те стали приглашать к себе править хороших воинов балтских князей. Так попал на престол в православном Новгороде князь Миндовг (Миндаугас). Он быстро справился с «налетчиками» с юга, из Галичского княжества и вскоре стал первым князем ВКЛ, а затем, приняв католическую веру, увенчался папской короной. Заметим, что по документам, найденным в Ватикане, а затем переведенным и опубликованным нашим известным латинистом Алесем Жлуткой, действовали в коронации не крестоносцы, что было бы логичнее, а отдаленные меченосцы. Ведь укрепись новая вера в ВКЛ — крестоносцам не было бы в Пруссии что делать... Ну и приостановилась (без руки извне тут не обошлось) христианизация Литвы больше чем на столетие — вплоть до Ягайлы, до его решительного крещения все еще языческой и племенной Литвы. А там уже и до Грюнвальда, невозможного без объединения «литвинских», «русинских» и польских сил, недалеко. И к XVI столетию орден крестоносцев зачас окончательно, преобразовался в герцогство. Польза от объединения, преодоления феодальной раздробленности стала всем очевидна.

«Ищите женщину!»

Однако в период, длившийся более столетия, между убийством Миндовга и коронацией Ягайлы великие литовские князья не были изолированы от христианства. Они не раз пытались установить тесные и прочные связи с Полоцким и Витебским княжествами, уже давно принявшими православие, а с ним и письменность, книжность. И в упрочении этих связей решительную роль сыграли женщины. Так уж случилось, что среди кривичей произвелись князья из рода Рогволодовичей. А тут пошли слухи о мужественных

князьях литовских, их нелегких победах, приглашениях на княжение. И взоры женской части полоцкой, витебской, минской элиты обратились к Понемонью. Кроме всего прочего, князьям хотелось обратиться «варваров» в христианскую, православную веру, превратить в настоящих рыцарей. Однако великие литовские князья понимали: православие вряд ли окончательно спасет их от набегов крестоносцев. Это способна была сделать только корона, возложенная по благословению Папы Римского — авторитета и для крестоносцев. Тем не менее Гедиминовичи и их воинская элита охотно брали в жены дочерей и вдов славянских князей, что соединяло не только сердца, но и земли, войска. В 1318 году сын Гедимины Ольгерд женился на Марии, дочери последнего витебского князя Ярослава Васильевича, после смерти которого княжество, естественно, досталось зятю. И таких случаев — на разных социальных уровнях — отмечалось немало.

Язык, «навязанный» еще в колыбели

И вот представьте себе: такая Мария Ярославна приезжает в замок великого князя литовского. Ее сопровождают родственницы, подружки, служанки. Все они владеют только древним белорусским языком — в лучшем случае его книжным вариантом, в худшем — лишь разговорным. Княжна, очевидно, знает еще церковнославянский. А литовский князь и его дружина, в свою очередь, разговаривают на одном из балтских диалектов — до книжного варианта, до Мажвидаса и Даукши, им еще ждать целых два столетия. И когда у такой разноэтничной четы рождался ребенок, первые слова он слышал, безусловно, не литовские, а древнебелорусские — недаром существует понятие «матчына мова». По примеру князя придворные рыцари брали в жены родственниц и подруг княгини, поэтому через несколько лет весь двор «славянизировался» безо всякого принуждения, принималось православие. «Среди наследников самого Ольгерда, — утверждает Г. Саганович, — православных оказалось намного больше, чем язычников». Древнебелорусский язык хорошо

знали дети и внуки Ольгерда. Да какие дети! Среди них (правда, уже от другой жены, Ульяны Тверской) — будущий король Польши Ягайло. Ходила молва, будто, приехав в Краков, Ягайло только на этом языке мог общаться королевой Ядвигой, которая, в свою очередь, не знала литовского (как король — польского и латыни).

Вслед за князьями на литовский двор потянулись писари и переписчики, толмачи. Благодаря им древнебелорусский язык становится, как бы мы сегодня сказали, языком межнационального общения. На нем пишут послания в Москву и татарам, крестоносцам и полякам. И что самое интересное, на нем же получают ответы. Вот какая появилась востребованность!

Все вышесказанное — не мной придумано, а подробно изложено в брошюре классика литовской литературы Людаса Гиры, хорошо знавшего историю в целом и историю родного языка в частности.

Этническое разнообразие

Литовские князья и их рыцарство стали не единственными среди иноэтнических жителей, приобщившихся к старому белорусскому языку как к родному. После походов князей Ольгерда и Витовта на юг, в Крым, на белорусской земле возникли поселения крымских татар — и пленников, и наемных воинов. В мирное время они хозяйничали — прежде всего прославились искусным разведением овощей. Но хозяек-татарок в доме не было и быть не могло. И тогда опять сработал «женский фактор». Жены-белоруски через одно-два поколения сделали невероятное, исключительное в евроазиатском мире: их мужья-мусульмане сначала заговорили, а потом начали и писать свои священные книги, даже Коран, арабской вязью, но... на белорусском языке! Причем этот язык — и фонетически, и лексически — оказывался чище, чем в текстах, писанных кириллицей или латиницей.

Влияние белорусского языка, но значительно меньшее, чем у татар, ощутили также евреи, бежавшие от преследований из За-

падной Европы и нашедшие в исторической Литве вторую родину. Недаром они сами себя называли литваками, и недаром потом из их среды, очерченной в царские времена «чертой оседлости», вышло столько выдающихся государственных, религиозных деятелей и даже «возродитель» древнего иврита. В идише тоже можно отыскать белорусизмы. Евреи многому научились у белорусов в бытовом плане. В целом влияние происходило, как показала проведенная Международной ассоциацией белорусистов специальная научная конференция, с взаимной пользой (особенно в художественной литературе и изобразительном искусстве).

Белорусский язык, как книжный, так и разговорный, хорошо воспринимался входившими в состав ВКЛ латышами-латгальцами, украинцами (до их соединения после Люблинской унии в составе польской Короны). А если к этому разнообразию языков и этносов добавить еще поляков-мазуров, переселявшихся на Полесье, чтобы выжигать из древесины поташ для стирки белья, мастеровитых немцев и чехов, беглых из Московии староверов, получится уникальный для Европы того времени Вавилон. И объясняется его возникновение и существование тем, что белорусские земли находились на европейско-азиатском «перекрестке», на пограничье двух великих культурных макромиров — восточнославянского, православно-византийского, и западноевропейского, католического и протестантского.

Конфессиональное и культурное разнообразие

Взаимодействием двух макромиров объясняется и поликонфессиональность белорусских земель во времена ВКЛ. Здесь православие столетиями соседствовало с католицизмом, а потом с протестантизмом и униатством, магометанство с иудаизмом. Очень живучими оставались (особенно в западной части) языческие традиции. Все это оказывало влияние на культурное, особенно литературное, разнообразие. Конечно, случались и этнические,

религиозные противостояния. Но преобладало все-таки взаимообогащение, плодотворный синтез. Чтобы подробно узнать, что сие дало Беларуси, Европе и миру, надо обратиться к истории искусств. Приведу лишь несколько примеров-подсказок: слущкие пояса, деревянное церковное зодчество на Полесье, так называемое виленское барокко, издания Франциска Скорины и Сымона Будного, литературное творчество Николая Гусовского и Симеона Полоцкого.

Так почему все же Литовское?

Помню, в 1990 году, когда мне выпала честь участвовать в составе белорусской делегации в работе Генеральной Ассамблеи ООН, в кулуарах я стал невольным свидетелем, а потом и участником разговора украинского и белорусского дипломатов с их коллегой из Африки. Речь шла о нашей независимости.

— Ну украинцы еще имеют какие-то исторические права на государственность, — недоумевал африканец, на ходу вспоминая курс лекций в университете имени Патриса Лумумбы. — Там хоть казачество было, Запорожская сечь, гетманы... А у белорусов что? Никто о них ничего не слыхивал вплоть до последнего времени. Кто вас придумал?! Большевики? Националисты?

— Почему придумали? Ведь существовали давние традиции. Кстати, наш Скорина подготовил для белорусов первый восточнославянский перевод Библии...

— Но имени своего у вас не было! Называли вас Русью — значит, вы русские с некими местными отличиями.

— Однако же, — тут деликатно вмешался в дискуссию и я, — коль вы учились в университете имени Патриса Лумумбы, должны были читать у классиков марксизма-ленинизма, что раньше существовали две Руси: Русь Московская и Русь Литовская...

— Вот видите: Литовская все-таки, а не Белорусская!

— Наша историческая особенность, — продолжал я гнуть свое, — заключалась в том, что мы долго, очень долго, вплоть до по-

следнего времени, входили в состав иных, более мощных государственных образований, выступали в истории под чужими именами: сначала — Киевская Русь, потом — Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, наконец, Российская империя и Советский Союз, межвоенная Польша. И в них механически становились то русскими, то поляками, то снова русскими.

— А почему вы не боролись за свое имя, ирландцы боролись — и сохранились.

— Язык все же почти потеряли...

— А вы и имя свое — основу! — африканский дипломат торжествовал, ибо думал, что одержал победу. Победу мнимую, потому что имя-то у нас свое было уже во время образования ВКЛ. Что засвидетельствовал не кто иной, как ирландец! Правда, узнал я про это с опозданием, лишь несколько лет спустя.

Дублинская находка

Про нее мало у нас кто знает, хотя находка, сделанная в рукописном отделе дублинского Тринити колледжа, имеет для Беларуси принципиальное значение в плане национального и державного самоутверждения.

Обнаруженная американским ученым М. Колкером в Тринити рукопись по истории и географии Европы XIII столетия включала трактат «Описание земель», сочиненный не по слухам, а по личным наблюдениям свидетеля и участника событий — христианского миссионера-путешественника, который проповедовал среди язычников ВКЛ в первые годы существования княжества, — он даже присутствовал на коронации Миндовга! Так вот, ирландский миссионер упоминает брата Войслана, проповедовавшего на землях восточнее Литвы, которые назывались Белая Русь, — Alba Ruscia. Но там уже приняли православие, и брату Войслану не было чего делать. Поэтому миссионер советует ему двигаться на север, к карелам. Легко сделать вывод, что под Белой

Русью подразумевалась восточная часть ВКЛ. Конечно, полученные сведения миссионер мог передать Миндовгу и даже предложить изменить название княжества. Но вряд ли это что-нибудь дало бы, ибо княжество уже имело свое официальное наименование, основанное на названии его центральной, основной части, по мнению ученых, происходившем от маленькой речки Литва, притока Немана.

Остается добавить, что свою находку М. Колкер описал в американском журнале *Speculum* («Зеркало») еще в 1979 году. О дублинском открытии впервые я прочел в литовском переводе американской публикации. Обо всем тут же сообщил в редакцию журнала «Спадчына», вырезку передал своему академическому коллеге Вячеславу Чемерицкому, который, основываясь на ней, подготовил доклад и публикацию «У истоков белорусско-ирландских связей», напечатанную в 14-м выпуске серийного издания «Беларусіка=Albaruthenica» (Минск, 2000). Но «серьезные» историки таких изданий обычно не читают и по-прежнему утверждают, что название Белая Русь по отношению к белорусским землям появилось только в конце XV столетия в грамоте московского царя Ивана III, направленной Папе Римскому Сиксту.

Уроки ВКЛ: гражданственность

Из сказанного выше вытекает, что в ВКЛ предки белорусов выступали под двумя именами: литвинов (вместе с литовцами-аукштайцами) и русинов (вместе с украинцами и русскими, жившими на Смоленщине, Псковщине и Брянщине). Что, однако, ничуть не помешало им, несмотря на этнические и конфессиональные различия, консолидироваться в единое государство с жмудинами, латгальцами, а также гостеприимно принятыми поселенцами — татарами и евреями. Для жителей ВКЛ прежде всего была важна государственная принадлежность. Ею они гор-

дились, ее защищали во время Ливонской войны, нашествия на Полоцк Ивана Грозного, во время принятия Люблинской унии, где Польша навязала обессилевшему ВКЛ свой вариант соглашения. Свою полную независимость пытались возродить во время войн и сговоров XVII–XVIII столетий. Не забудем, что частичную независимость гражданам ВКЛ удалось сохранить вплоть до разделов Речи Посполитой, до восстания под руководством Костюшко. Это неправда, будто бы последний отрекся от своего «русского» (униатского) происхождения, ибо всегда и везде подчеркивал, что он «литвин». Таким образом, белорусов и литовцев объединяют целых пять столетий общей государственности. Мечта о ней жила и в XIX столетии: в проектах Михала Клеофаса Огинского, которые вручались Александру I, в строках поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»: «Litwo! Ojczyzno moja! Ty jesteś jak zdrowie...» (хотя Мицкевич литовского языка не знал, о чем свидетельствуют его три записи литовского фольклора), в поэзии Владислава Сырокомли и Винцента Дунина-Марцинкевича, музыке Станислава Монюшко и Мечислава Карловича, полотнах доброго десятка живописцев. А если воспоминание о каком-то явлении рождает прекрасное, значит, и само это явление не может оставаться в нашем сознании со знаком минус.

Уроки ВКЛ: толерантность

В свое время мне пришлось вместе с ленинградским ученым Валентином Грицкевичем написать книжку «Шляхі вялі праз Беларусь» — о западноевропейских путешественниках, проезжавших с различными целями через белорусские земли ВКЛ в Москву и назад, а потом рассказавших об увиденном в очерках или дневниках. Нас поразило то, что, в свою очередь, удивило чужеземцев, а нам казалось чем-то само собой разумеющимся. А именно: в городах и местечках на площадях рядом стояли не только церкви и костелы, но и — «о, ужас!» — синагоги и даже мечети

с полумесяцем; за столы и у местных магнатов, и у бедноватых шляхтичей рядом с иностранным послом или посланником мирно усаживались не только православный батюшка, католический ксендз, лютеранский пастор и униатский парох, но и еврейский раввин, и мусульманский мулла. Это казалось тем более странным, ибо на Западе Речь Посполитую считали «предмурьем» католицизма, ибо на том же Западе тогда происходили «Варфоломеевские ночи», уничтожали в огне инакомыслящих и их рукописи. А тут даже ведьм сжигали только в Жемайтии. Даже явного безбожника Лыщинского направили для казни в Варшаву, потому как опасались, что такая казнь на Брестских землях вызовет вооруженное противодействие шляхты, привыкшей к конфессиональной толерантности.

Однако, скажут мои оппоненты, засеки же все-таки в Иванове Андрея Боболю, позже провозглашенного Ватиканом святым, казнили же в Витебске апостола униатства Иосафата Кунцевича и его сподвижников... Все так. Но Боболю мучили не местные шляхта или крестьяне, а пришлые казаки. А Кунцевич (что хорошо показал Владимир Короткевич в драме «Колокола Витебска») сам своим максимализмом первый нарушил принципы толерантности (а ее могут себе позволить только сильные). И никаких еврейских погромов в ВКЛ не происходило. «Мода» на них пошла извне и только в начале XX века. И подумалось мне: а не от традиций ли ВКЛ идет наша сегодняшняя религиозная толерантность?! Ведь поликонфессиональность осталась, а религиозного противостояния, как в других странах, у нас, слава Богу, нет.

Так что же делать с наследием ВКЛ?

А ничего особенного не делать! Поступать так, как поступали практически до сих пор: считать в основном — общим, объединяющим нас достоянием. Подобно трем Литовским статутам — первым европейским «конституциям», написанным в защиту «Литовской» державности, но на древнем белорусском языке. И, уверен, с участием Скорины.

Конечно, я понимаю: в белорусско-литовской культуре ВКЛ выделяются различные конфессионально-этнические пласты. Ско-

рина и Мамоничи — безусловно, наши. (Как анекдот воспринял я в свое время сообщение ТАСС о том, что первый из них печатал книги... на литовском языке. Мог, конечно, издавать, ибо, очевидно, именно для того любезно приглашал его в Кенигсберг великий прусский герцог Альбрехт. Но не стал этого делать, тайком удрал оттуда вместе с евреем-печатником, посчитав, что согласиться с предложением — будет предательством, и надеясь на продолжение прежнего дела в Вильно.) А Мажвидас и Даукша — безусловно, только литовские. Но есть и общее: те же статуты, метрика, летописи (хотя более ранние, где воспеваются киевские князья, имеют по своему патриотизму, скорее, белорусский характер, а более поздние, где появляется римлянин Палемон, «бренд» литовской элиты, мы можем отдать своим соседям).

То же и с властью. Первые князья имели явно балтское происхождение. Но потом пришли Сапега, Острожский, Хрептович. И даже рада виленского магистрата, во имя «Божьей справедливости», избиралась так, что половину в ней во времена Скорины составляли «русины»-православные, а половину — «литвины»-католики. Истинное равноправие!

Сентенция вместо эпилога

Все время, пока писалась статья, меня мучила одна вроде бы частная, но на самом деле принципиальная мысль: почему литовские историки тогда, в Гervятах, сначала приняли, а потом отвергли, казалось бы, абсолютно мироносное высказывание польского профессора Юльюша Бардаха: если смотреть из Минска, то ВКЛ можно считать белорусско-литовской державой, а если из Вильнюса — то наоборот. Потом я пришел к выводу: мы опять набросили на историческое явление сегодняшнюю терминологическую схему... А что если сказать так: ВКЛ — общее, совместное государство («гаспадарства») литвинов, русинов и жмудинов, предков нынешних белорусов, литовцев и отчасти

украинцев, русских, латышей, которые могут гордиться таким наследием и считать его своим. ВКЛ — красноречивый прообраз сегодняшних государственных образований. И две соседние страны могут это подтвердить.

| СБ. *Беларусь сегодня*. — 2008. — 25 июля; 26, 27, 28 сент.

Книга-памятник

Мир — о нас

И замысел, и авторский коллектив, и фундаментальный внешний вид издания «Книга Вялікага Княства Літоўскага: Да еўрапейскіх традыцый супольнасці. Сумесная публікацыя навукоўцаў і пісьменьнікаў Беларусі, Літвы і Польшчы» («Книга Великого Княжества Литовского: К европейским традициям единства. Совместная публикация ученых и писателей Беларуси, Литвы и Польши»), название, как и сами тексты, кроме белорусского, также повторяются на английском, литовском и польском языках) воистину впечатляют. Издание задумывалось как монумент исторической Литве в связи с 1000-летием первого ее упоминания. Авторы подбирались известные (среди них два лауреата Нобелевской премии), владеющие историческими знаниями и образностью художественного изложения. Сей полиграфический шедевр (кожаная обложка, позолоченные края страниц, десятки цветных иллюстраций, карт, которыми перемежаются тексты) явился на свет в конце 2009 года в небольшом литовском городке Сейны на польско-литовском пограничье. Тираж — тысяча экземпляров, без права продажи, а лишь с правом дарения — например, библиотекам, музеям.

Свой весомый (в прямом смысле) экземпляр я получил за то, что выступил на презентации книги, состоявшейся в Белорусской государственной академии искусств. В кратком обзоре невозможно хотя бы вкратце пересказать все то интересное и оригинальное, что почерпнул из этого издания. Тем более что в каждой статье — свой, порой субъективный взгляд, а то и целая концепция. Конечно, хорошо, что на наши исторические традиции, наше соседство посмотрели разные белорусские писатели и историки. От этого изложение приобретает стереоскопичность. Но все это надо читать самому.

Остановлюсь лишь на том, что в книге удивило либо вызвало желание вступить в полемику. Скажем, статья Рустиса Комунтавичюса «Создание ВКЛ: по версии литовцев и белорусов». Здесь излагаются два толкования того, почему наши предки объединили свои силы и ресурсы. С одной стороны, белорусская точка зрения и литовского историка А. Шапоки — чтобы защититься от крестоносцев и монгольского нашествия. И с другой — господствующая в современной литовской историографии (проф. Э. Гудавичюс и другие) — чтобы успешнее нападать на соседей, захватывать чужие территории. По моему глубокому убеждению, первоначальным толчком стало все-таки стремление защититься от набегов. Не согласен и с утверждением Р. Комунтавичюса, будто бы «литовцы знают точную дату, когда Миндовг был коронован, но не знают, где это произошло. Белорусы — наоборот: знают — где, но не знают — когда». Дальше оказывается, что литовцы знают и когда (6 июля 1253 года), и где: Э. Гудавичюс в своей фундаментальной «Истории Литвы» (1999) доказывает, что — в Вильно. Хотя из литовских же источников известно: сей град основан Гедимином намного позже. И напрочь отвергается Новогрудок по причине того, что расположен он не на балтской, а на славянской территории, да и не упоминается в ватиканских посланиях первому королю. Однако хочется возразить: не упоминается, поскольку не было в том необходимости. Все и так прекрасно знали: главное владение Миндовга, столица княжества — именно Новогрудок. На этот город прямо указывают Густынская летопись и такой знаток истории Литвы, как

иезуит Альберт Виюк Коялович (1609–1677). Этот профессор Виленской академии приводит деталь, которую вряд ли придумаешь: коронация состоялась в чистом поле — ибо в Новоградке не оказалось большого помещения...

Кстати, более подробные размышления о такой раздвоенности мнений изложены в эссе Сергея Дубовца «Война политики с культурой: Наследие ВКЛ в абсурдном свете». Стоит прислушаться к его словам: «Наследие ВКЛ — не белорусская, не литовская и не польская проблема, и не предмет спора, дележа, экспансии. Оно само по себе. Оно уникально только как целое, как наша совместная Античность. Оно живет одинаковым отзвуком в душах всех наследников ВКЛ, независимо от их современной национальности».

А что же нового сказали лауреаты Нобелевской премии Томас Венцлова и Чеслав Милош (кстати, оба они связаны многими нитями с белорусской действительностью)? В принципе, то же самое, только глубже и смелее. Они считают, что многоэтническое, многоконфессиональное и многокультурное Великое Княжество Литовское, государство удивительно толерантное по отношению к инакомыслящим, явилось прототипом теперешнего Европейского союза. Один венецианский посол, утверждает Томас Венцлова, во времена Сигизмунда Августа насчитал в Вильно 72 вероисповедания, констатировал терпимость даже к рудиментам язычества. В городе Гедимины тогда же насчитывалось семь автохтонных этносов — настоящая радуга, немыслимая в Западной Европе во время «Варфоломеевских ночей» и судилищ инквизиции.

И еще хочется сказать доброе слово о статье профессора Оксфордского и Вильнюсского университетов Д. Каца «Еврейская Литва». И не только потому, что он сын знаменитого еврейского и американского поэта Менке Каца, описавшего в одной из англоязычных поэм страдания узников гетто в родных Михалишках на Островетчине, и сам делает много полезного для Беларуси. Но и потому, что полностью цитирует грамоту великого князя Витовта, датированную 18 июня 1389 (!) года и написанную на чистейшем древнебелорусском языке. Пусть после этого кто-нибудь по-

пробует поспорить, а был ли этот язык государственным в ВКЛ! А содержание-то грамоты какое: «Есть три сенсационных утверждения в этом документе XIV в., — делает вывод Д. Кац. — Это равенство людей («з мещаны заровно»), земельная собственность и неизменность правового равенства («на вечные часы и веки»)».

Теперь о том, что мне показалось изъясном. Конечно, хорошо, когда авторам дается свобода в выборе конкретной темы. Но получилось, что об одном явлении пишут несколько человек, а о другом, не менее значимом, — никто. В книге закономерно присутствуют Будный и Мамоничи, Мажвидас и Даукша, но нет (кроме иллюстраций к переводу Библии) их наставника Скорины. Есть Гуссовский и Сарбевский, Дорогостайский и Семянович, но нет Купалы и Ластовского, Людаса Гиры и Лаздину Пеледы, Чюрлениса и Дроздовича, которые хорошо вписались бы в общую картину белорусско-литовско-польского пограничья.

Но, очевидно, объять все невозможно, даже на 550 страницах текста большого формата. Однако отраднo, что такие издания существуют и дополняются не менее весомым (и в прямом, и в переносном смысле слова) энциклопедическим двухтомником «Вялікае княства Літоўскае», где уже белорусы показали убедительный пример соседям.

К сказанному следует добавить, что с белорусской стороны партнерами издательства «Пограничье», выпустившего фолиант, выступили Национальная библиотека Беларуси, Национальный художественный музей Беларуси, Национальный музей истории и культуры Беларуси, индивидуально — известный культуролог Дмитрий Герасимович. А на обложке книги золотым тиснением изображены один из государственных гербов ВКЛ «Колюмны» Гедимины и Лотарингский крест Ягайло.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2008. — 8 авг.

Сколько нам лет?

Белорусам пора праздновать 800-летний юбилей

В 2009 году соседняя с нами Литва, как известно, торжественно отмечала тысячелетие первого упоминания названия своей страны в письменном источнике. Источник этот — немецкая хроника, так называемые Кведлинбургские анналы, где сказано, что 9 марта 1009 года «на пограничье Литвы и Руси» мученической смертью от рук язычников погиб кверфуртский архиепископ Бруно, позже причисленный к сонму святых. Место смерти не конкретизируется, так как сохранились лишь самые общие сведения о произошедшем. Но в моем представлении злодеяние случилось на землях древней Берестейщины, поскольку кривичские, дреговичские и радимичские территории уже приняли к тому времени христианство в его византийском варианте, а польские — в римском. Вряд ли древнеславянская рука поднялась на христианского проповедника (хотя язычество отступало медленно). Выходит, варварами могли быть язычники ятвяги, вклинившиеся между славянами, делившие их и мешавшие христианам в контактах (Жемайтия мешала меньше, ибо находилась как бы в стороне). Не забудем, что окончательное размежевание православия и католицизма в 1009 году еще не наступило.

«Это и наш праздник?»

Такой вопрос я слышал из уст нескольких знакомых. Встречал его и в прессе в самых разных формах. Хочу успокоить: конечно, и наш, потому что упоминается Русь. Напомню, что это не Россия, а, говоря словами классиков марксизма, «Русь Литовская». А русины — наши предки, звавшиеся тогда еще преимущественно кривичами, радимичами и дреговичами. Вот бы знать: называли ли

их те же викинги-варяги уже обобщенно — русинами? И наконец серьезно поставить вопрос: сколько вообще лет названию Русь применительно к белорусским землям? Я уверен — больше тысячи; во всяком случае, в определении немецких хронистов мы уже идем на равных.

А празднование? Отчего же — и мы празднуем, вернее, отмечаем тысячелетие, ибо слова «праздник» или «юбилей» здесь не совсем подходят — все-таки речь идет о смерти человека — бедного кверфуртского архиепископа Бруно. Отмечаем, пусть и не так массово и не на таком уровне, как в Литве, где древнее название племени или воинской прослойки (славянской или балтской — споры здесь не затихают) почти совпадает с нынешним названием государства — Летува. Напомню: у нас совпадение меньше, но оно — Русь — ведь тоже осталось.

О совместной годовщине шел заинтересованный разговор на встрече литовских и белорусских историков, а потом и филологов в посольстве Литвы в Беларуси. Отрадно подчеркнуть, что прежде (в первой половине 1990-х годов) противостояние «стенка на стенку» (вспоминаются конференции в Риме, Люблине, Гервях, Гродно, Тракае) сменилось диалогом, где до полного взаимопонимания, конечно, было еще далековато, но участники «круглых столов» уже начали, как выразился один из выступавших, друг друга слушать и слышать. В Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа успешно прошла международная конференция «Миллениум Литвы», организованная одноименным белорусским общественным комитетом, той же библиотекой и Польским институтом в Минске. Думаю, нашему взаимопониманию будет способствовать антология научных и литературных текстов «Тысяча гадоў добраму суседству», которая тогда совместно готовилась к печати.

Литва или литва?

В связи с тысячелетием в Литве, Беларуси и Польше появилось немало новых книг, а также циклов статей о том, что собой

представляли Русь и Литва в те далекие времена. И как писать эти слова: с большой буквы — как названия государств — или с малой — как определения этнических сообществ? И чье это племя — литва: балтское или славянское? Для того чтобы считать его балтским, вроде бы нет достаточных археологических и языковых доказательств. Та же самая ситуация возникает, если поставить литву в один ряд с кривичами, дреговичами, радимичами, волянынами.

Вот почему некоторые историки призывают литву считать не восточнославянским, а западнославянским племенем, пришлым с берегов Эльбы. Так, русский историк Михаил Голденков, переехавший из Томска в Минск, в своей остроподемической, выдержавшей два издания книге «Русь — другая история: Украина, Беларусь, Литва», суммируя утверждения других исследователей, доказывает: племя, давшее потом имя Литве как стране, первоначально образовалось в провинции Мекленбург, на берегах Северного моря, где находился город Лютенбург и жили лютичи (лютва). А потом они под натиском германцев и франков оставили своих ближайших славянских соседей, лужицких сербов и кашубов, переселились в верховья Немана и Вилии. Об этом, мол, свидетельствуют названия трех деревень Литва на территории сегодняшней Минщины, по две деревни Литовск и Литвиновы на Гродненщине. Голденков, естественно, призывает не подменять сегодняшними терминами «Литва» и «Россия» прежние этнические понятия.

Но, признаться, концепция Михаила Голденкова и его единомышленников показалась мне недостаточно убедительной: ну почему же этот западнославянский этнос селился не кучно (так легче было бы выстоять), а разбросанно, точечно... Это противоречие исчезает в книге минчанина Здислава Сицьки «Утроп літвы» (Барановичи, 2009). Слово «утроп» используется автором в соответствии со словарем С. Некрашевича и М. Байкова и обозначает «идти следом».

Так вот, З. Сицька в своей основательной, подкрепленной множеством библиографических ссылок книге убедительно доказывает, что литва — никакой не этнос, а сословие, служивые воины, рыцарство (похожее на боярство), вытесненное с побережья Север-

ного моря. На новых, восточнославянских, землях оно служило новым хозяевам снова же оружием, селилось в местечках и деревнях отдельными «концами» (красноречивый пример — кривичские Обольцы или деревня с озером Литовка, в народе — Лютовка, под самым Новогрудком. Последний факт очень интересен в связи с утверждением Виюка Кояловича, что Миндовга короновали именно возле Новогрудка), а потом пробивалось к власти, основывало собственные усадьбы и даже замчища. Давало, добавим от себя, князей и, весьма вероятно, первого и последнего литовского короля Миндовга. Все спорят, откуда он мог взяться в Новогородке, а его как смелого и умного воина просто могли пригласить из соседней с городом Литовки (Лютовки). К такому неожиданному выводу пришли мы в разговоре с известным историком-латинистом Алесем Жлуткой.

И такие толкования, думается, сегодня удовлетворят и белорусов, и литовцев. О пришельцах с берегов Эльбы, как, скажем, и о викингах, уже не станешь спорить: кто же они, дреговичи или аукштайцы?

Спросите у городов!

Конечно, ответ на поставленный в заголовке вопрос, сколько лет нам, доказательнее всего искать в письменных источниках. Однако не грех также спросить и у археологов, ведущих раскопки в самых старых городах и правомочных увеличить их возраст, как то случилось с Киевом, на несколько столетий. Ведь в 1009 году эти поселения уже существовали, торговали, процветали! Существовали как города — кривичские, дреговичские, радимичские, т. е., обобщенно говоря, русинские. И уже, подчеркну, — христианские, православные. Позволю себе здесь вспомнить энциклопедические истины. Первый раз Полоцк (Полотеск, Полотьск, у скандинавов — Полтеск) упоминается в «Повести временных лет» (Лаврентьевском и Ипатьевском ее списках) под 862 годом, «Полоцкая земля» (в смысле княжество) — под 980-м, а Полоцкая православная епар-

хия — под 992-м. Туров как центр княжества в той же «Повести» — под 980-м. Это раньше, чем 1009 год. Отсюда, возможно, и белорусская сдержанность к миллениуму.

Как свидетельствуют археологические находки, в первом тысячелетии нашей эры уже вели торговлю и многие другие «русинские» города: Витебск, Заславль, Друцк, Могилев. Уже был Минск. Известный историк нашей нынешней столицы профессор Захар Шибeko сказал по этому поводу:

— Оставим в стороне давнишние споры, что первоначально Минск существовал в другом месте, над рекой Менкой, откуда и название города, что «переселился» он к слиянию Свислочи и Немиги после пожара, следы которого действительно обнаружили над Менкой археологи. Но ведь чтобы зафиксировать летописный факт битвы над Немигой, состоявшейся 3 марта 1067 года, чтобы состоялась сама битва, несомненно, у стен замка, за которыми прятались жители, необходимо было, чтобы город уже существовал. А городище у «Немиги кровавых берегов» могло возвышаться «до того» уже не одно столетие, ибо переселялись ведь не на пустырь.

Значит, мы имеем все права наряду с тысячелетием Литвы отмечать и по меньшей мере тысячелетие Руси. Ведь если бы наши историки не были бы, как бы тут помягче сказать, такими скромными, то могли бы сегодня свой отсчет вести хотя бы от 862 года!

«Реконструкция» Берестья

Как одно из доказательств здесь «в строку» как раз очень хорошо ложится также книга «Брест на перекрестке дорог и эпох», только что вышедшая к 990-летию города над Бугом. Возможность провести «зримое путешествие в пространстве и времени» читателям предоставил автор концепции издания и его текста Александр Суворов. На Бресте я остановлюсь несколько подробнее, потому что, как увидим дальше, он имеет самое непосредственное отношение к нашему близкому юбилею уже не как Руси, а как Беларуси.

Однако все по порядку. Сначала — о самой книге. Она оригинальна, хороша в полиграфическом отношении. Автор рассказывает не о сегодняшнем Бресте, а наглядно, как в документальном кино, реконструирует шаг за шагом его сложную историю. Ведь сам город-то не один, их четыре: Берестье, Брест-Литовск, Брест над Бугом и просто Брест — центр современной области. Они не совпадают как по дислокации (перемещение в связи со строительством крепости, пожары, военные разрушения, смена власти), так и по внешнему виду. По информации А. Суворова, который опирается на мнения историков, прежде всего открывателя древнего, деревянного, Берестья Петра Лысенко (ставшего рецензентом первой части книги), восточные славяне (бужане, дреговичи) поселились у слияния Мухавца с Бугом уже в VII веке. Новые раскопки свидетельствуют, что Берестье существовало примерно с 960 года. Упоминается же оно впервые в Новгородской летописи в строках, где говорится о событиях 1017 года. Но почему-то более «удобной» ученым показалась «Повесть временных лет», где сказано, что в 1019 году бесовская сила «принесоша к Берестью» князя Святополка... От этой даты и ведется отсчет, скажем, в «Беларускай Энцыклапедыі».

В юбилейной книге говорится, что в XII–XIII столетиях Берестье не раз меняло своих князей-властелинов. То оно, крупный ремесленный и торговый центр, входило в Туровское княжество, а вместе с ним — в Киевскую Русь. То становилось желанной вотчиной для западных соседей, предков нынешних поляков. А с 1199 года (запомним эту дату!) вошло в состав мощного Галицко-Волынского княжества, противостоящего Киевской Руси.

Так сколько же лет Беларуси?

На различных международных научных конференциях мне удалось проводить скрытый или явный опрос, с какого времени нам вести возрастную отсчет Беларуси. Большинство без сомнений отвечало: что за вопрос, конечно, с начала XX века — от БНР или

БССР. Ученые, интересовавшиеся славянской историей, еще вспоминали, что после разделов Речи Посполитой в Подвинье и Поднепровье образовались белорусские губернии, просуществовавшие до 1840 года. Кое-кто знал, что еще в XVI веке собиратель пословиц Соломон Рысинский, родившийся в Полоцком воеводстве, считал себя по-гречески леукороссом, т. е. белорусом. А вот его предшественник Франциск Скорина называл себя то русином, то литвином.

В трудах же самых дотошных белорусских, русских и украинских историков отправной датой считался 1472 год. Тогда в грамоте, направленной Папе Римскому Сиксту, великий московский князь Иван III именовал себя также «князем Белой Руси» (*Ioannes dux Albae Russiae*).

Более чем на сто лет Беларусь повзрослела в 1979 году, когда М. Колкер, американский исследователь средневековой Европы, опубликовал в журнале *Speculum* («Зеркало») найденную им в Дублине рукопись XIII века «Описание земель», где рассказывается и о землях литовских. Автором описания является не пересказчик чужих наблюдений, а, что особенно ценно, очевидец — ирландский миссионер, проповедовавший католичество среди ятвягов и жемайтов и присутствовавший на коронации Миндовга. Место проведения торжества определено весьма приблизительно: это «смежная с Русью земля Литва», лежащая на восток от Жемайтии. На восток же от Литвы, говорится в «Описании», находилась «Белая Русь» (*Alba Ruscia*), в которой уже присутствовал «брат Войслан» и через которую другому из миссионеров следовало отправиться на север, к язычникам-карелам.

Пока статья М. Колкера дошла (через Литву) до Минска, прошло 20 лет. По моей просьбе дублинской находкой занялся культуролог, знаток летописей Вячеслав Чемерицкий. На семинаре «Белорусско-ирландские историко-культурные связи» (1999), организованном Международной ассоциацией белорусистов, он выступил с обстоятельным докладом, который через год был опубликован в сборнике «Беларусь – Ирландия» (14-й выпуск «Беларускі»), но это «повзреление» нынешнего названия нашей страны осталось не замеченным историками.

АДАМ МАЛЬДЗІС

ад **Скарыны**
і Фёдарова —

у XXI стагоддзе

Зборнік эсэ

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
«ЧАТЫРЫ ЧВЭРЦІ»
2018

УДК 087.5:94(476)

ББК 63.3

М21

Прадмова *Алеся Карлюкевіча*
Пасляслоўе *Ліліяны Анцух*

Мальдзіс, А. І.

М21 Ад Скарыны і Фёдарова — у ХХІ стагоддзе : зборнік эсэ /
Адам Мальдзіс; прадм. А. Карлюкевіча, паслясл. Л. Анцух. —
Мінск : Чатыры чвэрці, 2018. — 208 с.
ISBN 978-985-581-087-3.

Зборнік складаецца з артыкулаў-эсэ, прысвечаных развіццю беларускага пісьменства, рукапіснага і друкаванага, якое пачалося з прыняццем хрысціянства ў Полацкім і Тураўскім княствах, пасляхова працягвалася ўжо ў друкаваным выглядзе ў Вялікім Княстве Літоўскім, а затым — у Расійскай імперыі і Савецкім Саюзе і дасягнула свайго апагея з набыццём Беларуссю незалежнасці. Развіццю мастацкай і навуковай літаратуры, далучэнню да біблейскага Слова Богага садзейнічалі выдатныя сыны і дачкі зямлі беларускай, сумежнай з Усходам і Захадам Еўразійскага кантынента.

Выданне разлічана на ўсіх зацікаўленых у пазнанні сваіх каранёў і гісторыі Айчыны.

УДК 087.5:94(476)
ББК 63.3

ISBN 978-985-581-087-3

© Мальдзіс А. І., 2018
© Карлюкевіч А. М., прадмова, 2018
© Анцух Л. Ф., пасляслоўе, 2018
© Афармленне. ТДА «Выдавецтва
“Чатыры чвэрці”», 2018

Час Адама Мальдзіса

Мне здаецца, што з папяровай кнігай развітвацца яшчэ рана. Па-першае, з-за таго, што інтэлектуальныя багацці за некалькі апошніх стагоддзяў збіраліся менавіта праз кнігу, праз друкаваныя выданні. Па-другое, папера матэрыялізуе адрасна тых ці іншыя сучасныя адкрыцці і знаходкі. У інтэрнэце ж, бязмежнай электроннай прасторы, хапае «кашы для мазгоў», але нестae сістэмнасці і паслядоўнасці, якую стагоддзямі ўсталёўвала прастора друкаваных выданняў; нестae тых галін, якія абслугоўвалі і працягваюць абслугоўваць Яе Вялікасць Кнігу; нестae бібліятэказнаўства, бібліятэчнай увогуле справы; нестae бібліяграфічнага духу... З гэтага Часу Кнігі вылучаюцца і многія постаці нашых сучаснікаў. Тых, хто працаваў ці працуе і зараз дзеля назапашвання інтэлектуальных багаццяў папярэднікаў, у самых розных галінах. Такі ў гэтым паважаным асяроддзі — доктар філалагічных навук Адам Мальдзіс.

Высокі дар працалюбства, прыроджаная інтэлігентнасць, дэмакратызм у сацыяльным і палітычным вымярэнні, незалежна ад таго, у якім часе, у якіх абставінах яму даводзілася жыць і працаваць, вылучаюць гэтую асобу ў рад светачаў беларускай справы. Письменница Людмила Рублеўская назвала яго Чалавекам Адраджэння, напісаўшы: «Усё, што ён робіць, успрымаецца як належнае і вартae павагі». Параўнала яго імя «...у сённяшняй беларускай культурнай прасторы ... з гэткамі жа архетыпам, як слова “камень”...» Мне падаецца, што Адам Мальдзіс у любым стагоддзі знайшоў бы сваё месца публіцыста — будзіцеля грамадскіх з’яў.

Кнігі доктара філалогіі даўно выйшлі за межы літаратуразнаўчых пошукаў. Жаданне вучонага разгледзець мінуўшчыну праз літаратурныя помнікі, праз тыя артэфакты прыгожага пісьменства, што ў розны час ствараліся на тэрыторыі Беларусі, прывяло да будаўніцтва сістэмнага ведання пра ўплывы на далейшае літаратурнае і культурнае развіццё народа, нацыі, краіны.

А яшчэ — і гэта не меней важна, чым усе астатнія наробкі Адама Мальдзіса, — у апошнія дзесяць-пятнаццаць гадоў вучоны засведчыў сябе цікавым публіцыстам, журналістам, які ў «Советской Белоруссии», у газеце «Голас Радзімы» і іншых перыядычных выданнях дзяліўся сваімі меркаваннямі, аналізаваў прысутнасць Беларусі ў свеце праз дзейнасць розных гістарычных асоб. Гэта надзвычай важны аспект, лёсавызначальны напрамак. Адам Мальдзіс паказаў іншым, што знойдзенае, здабытае ў архіўных сховішчах, адкрытае праз самыя розныя крыніцы памяці павінна стаць часткай агульнай інфармацыйнай прасторы, павінна дайсці да шырокай грамадскасці, да чытача-індывідуума, да людзей, якія раней, можа, і не задумваліся над тымі ці іншымі асветніцкімі, гісторыкакультурнымі тэмамі і з’явамі. Пагадзіцеся, старонкі масавай газеты з паўмільённым накладам — самая што ні ёсць выгадная і вартая для гэтага пляцоўка.

І ўсё ж вяртаюся да сваіх «папяровых» разваг... Зробленае, усталяванае Адамам Мальдзісам, падказанае ім як шлях для далейшых пошукаў, для работы па фарміраванні гістарычнай свядомасці вартая любой інфармацыйнай прасторы. Інтэлектуальная электронная работа, тое сеціва, якое будзе развівацца для чалавека разумнага, удумлівага, без Мальдзіса, яго публіцыстыкі не абыдзецца. Каб пераканацца ў гэтым — знайдзіце ўсё ім напісанае і прачытайце. Вас чакаюць гадзіны разваг над лёсам Беларусі і ўвогуле — разваг над жыццём.

Алесь Карлюкевіч

I. Карані беларускага пісьменства

Корень и крона истории

Почему белорусам важно осмыслить сущность Великого Княжества Литовского

Размышления, навеянные ураганом

Начну со сравнения. Как-то летом неожиданно налетел с юга, с Черного моря, ураган, принесший много беды прежде всего сельхозугодьям. Но досталось и лесам, и городским деревьям. Когда утром я вышел во двор и стал рассматривать уложенные ветром на землю стволы, заметил: прежде всего пострадали обладатели «поверхностной» корневой системы, не уходившей глубоко в землю. Также пали жертвой деревья, стоявшие отдельно или наклоненные в одну сторону, — их не спасли ни разветвленная крона, ни толстый ствол. Глядя на развернувшуюся картину, неожиданно для себя подумал: вот так же и «здание» государства. Крона — крыша строения: то есть органы власти; ствол — стены дома: экономика страны; ну а корни — фундамент: исторические, национальные, культурные традиции народа, его самосознание. Чем прочнее, глубже в столетия уходят они, тем устойчивее здание, тем прочнее стоит дерево.

Помнится, последствия урагана ликвидировали быстро и эффективно. А почему? Да потому, что власть приняла незамедлительные решения, позволившие свести к минимуму потери. Потому что после довольно продолжительного шатания от всяких ветров устой-

чивее стали экономические стены нашего государственного строения. А как же фундамент? Прочно ли он зацементирован, глубоко ли уходит в землю — в национальную историю? Конечно, история БССР — очень мощный пласт! Но мы живем сегодня в другой стране, которая носит имя — Республика Беларусь. Многие исследователи по-настоящему осознают, что «копать» необходимо глубже — туда, где рождалась нация, имеющая огромную тысячелетнюю историю. Эти поиски неизменно приводят ученых к Полоцкому, Туровскому, Витебскому, Минскому, Городенскому, Друцкому и иным княжествам, княжеству Новгородскому, из которого «родилось» Великое Княжество Литовское.

И вот тут, при переходе от Новгородского княжества к Великому Княжеству Литовскому, Русскому и Жемайтійскому, начинается некий сбой в нашем мышлении. Полоцкое, Туровское — вроде бы (или, конечно же!) наши, а вот Литовское — вроде бы уже и нет. Ибо в память вьелся советский стереотип, рожденный в 1930-е годы, что ВКЛ — государство, чуждое нам, навязанное, враждебное. Ибо литовские князья завоевали нас, покорили, а потом эксплуатировали...

И самое парадоксальное, такой взгляд целиком удовлетворяет многих нынешних литовских историков, с которыми мне, белорусу с литовскими корнями, приходилось спорить на самых разных конференциях — от Рима и Люблина до Гродно и Тракая, Гервят и Рымдюн (этнические литовские деревни на территории Гродненщины).

А имею ли я право на спор?

Такой вопрос родился у меня, когда начал писать не только данную статью. Ведь действительно могут сказать и наши, и литовские историки в мой адрес: он — доктор филологических наук, занимался историей белорусской литературы XVI–XIX столетий, так чего лезет в чужой огород?! Во-первых, «огород» для меня не чужой с детства. Помню, с каким недоумением мои одно-

сельчане встrelили весть, что по решению Кремля в пяти километрах от нашей деревни «по живому» пройдет граница, и нельзя уже будет запрячь лошадь и просто так поехать в Вильно, издревле сложившееся как экономический, политический, культурный центр и этнических литовских, и этнических белорусских земель. После войны мать настаивала, чтобы я поступал в Вильнюсский университет (ближе, да и родня там), но вмешался отец: мол, раз пробует что-то писать по-белорусски, пусть отправляется в Минск. Однако связи с Вильнюсом не прерывались. Когда стал работать в академическом Институте литературы, охотно ездил к соседям на конференции. А потом предложил им: давайте дружить институтами! И дружили по-настоящему: провели немало научных встреч, вместе отдыхали на Нарочи и Свитязи, в Тракае и Каунасе. И только улыбались, когда до нас доносилось эхо утверждений будто «враги-литовцы» нас «заполонили». Только неизвестно, где, в какой битве...

Помню, литовская фольклористка Ванда Мисявичене (именно она установила, что литовские жатвенные песни гораздо ближе к белорусским, чем к родственным латышским), хитро улыбаясь, сказала: «А вы знаете, ваши историки правы: белорусский фольклор сохранил доказательство, что такая битва состоялась... Послушайте, — и продиктовала текст, который я записал:

— *Ой, наехала Літва —
Будзе ў нас бітва.
Будзем Літву біці —
Вольку бараніці!*

После чего, глянув в мой блокнот, уточнила: «Слово “литва” пишется здесь с малой буквы: не государство же наехало, а его жители, дружина. Потому что “Волька” — это не “воля”, а невеста. По мелодии песня — свадебная. То есть понаехали дружки жениха — надо не упустить свое, взять с них выкуп».

Теперь второй аргумент. Моим «выкупом» и за литовские корни, и за гостеприимные встречи стало согласие написать совместно с литовской исследовательницей Альмой Лапинскене книгу

о наших литературных связях. Включили тему в договор между институтами. Мне надлежало описать контакты до 1939 года, моему соавтору — более поздний и насыщенный сотрудничеством (по крайней мере, переводами и декадами) период. Вскоре появилось наше совместное белорусское «чадо» под названием «Перазовы сяброўскіх галасоў» (1988). И хотя я, естественно, начинал, вторгаясь в историю, издавека, от ВКЛ, никаких возражений в печати мои утверждения об общности государства, добровольности и плодотворности его создания не вызвали. Как и повторение этих утверждений в литовской версии — «Литовско-белорусские литературные связи» (1989). Правда, одну мою фразу, несмотря на споры, длившиеся целый день, вплоть до самого отправления поезда «Чайка», все же переделали. Речь шла о государственном языке ВКЛ. Вслед за нашими лингвистами, славистами других стран я настаивал на его определении как древнебелорусский книжный. Когда же открыл напечатанный литовский вариант, увидел: язык преобразовался в «канцелярский язык» княжества. Что, конечно, возмутило меня: а какова же его этническая основа?! Ведь она имела даже у эсперанто! Тем не менее «война» между нами из-за такого несовпадения взглядов не началась. Вскоре доктор Альма Лапинскене возглавила Литовскую ассоциацию белорусистов, начала говорить по-белорусски, переводить с него. Одним словом, стала «полпредом» белорусской литературы в Литве.

Наши разногласия

Нтак, одно из существенных, но не основных наших разногласий заключалось в том, что мы с литовскими коллегами по-разному характеризуем государственный язык ВКЛ. Мы утверждаем: литовцы приняли наш книжный язык. Их точка зрения — тот язык был чем-то вроде древнего эсперанто. Однако основные споры происходили по другим, более кардинальным вопросам: чьим интересам

соответствовало создание ВКЛ, чье это было государство, каковы были его элиты и кто кого в нем угнетал? А также какие плодотворные уроки можно извлечь из истории ВКЛ, кому принадлежит оставшееся культурное наследие и стоит ли (а если стоит, то в каких случаях) его «делить»? Обо всем этом и пойдет речь дальше.

Но сначала позвольте еще раз обратиться к истории вопроса, что поможет, как я считаю, прояснить несколько существенных моментов.

Благословение Папы Римского

Очевидно, мои работы о белорусско-литовском, белорусско-польском, белорусско-русском и белорусско-украинском литературном и, шире, культурном взаимодействии не остались незамеченными. Этим объясняю поступившее мне в апреле 1990 года приглашение в Италию на международную конференцию, посвященную культурному наследию стран Центрально-Восточной Европы, которые образовались на территории бывшей Речи Посполитой, — Беларуси, Литвы, Польши и Украины. От каждой из них в Рим направилось по шестерке ученых — по три из «метрополии» и от диаспоры. Из Беларуси вместе со мной поехали известный историк, профессор Анатолий Грицкевич и языковед Вячеслав Веренич.

Конференцию проводил Папский институт в Ватикане, где при Иоанне Павле II работало много поляков. Поэтому, увидев, что число оных превышает количество всех остальных в несколько раз (и какие имена: сам нобелевский лауреат Чеслав Милош прилетел из США), мы внутренне сжались от напряжения, ожидая, что главными «спорщиками» окажутся белорусы и поляки, что опять всплывут вопросы о «крессах восточных» и так далее. И ошиблись. Ибо поляки знали и прекрасно усвоили пророческие утверждения редактора парижской «Культуры», минчанина родом, Ежи Гедройца о том, что на «крессах» возродятся суверенные белорусская, литовская и украинская державы, и уже смирились

с утратой «восточных земель». Зато литовцы встретили (за единственным исключением) дружелюбные и конструктивные высказывания белорусов в штыки: мол, ВКЛ — государство только литовское и ни о каком общем наследии нет и речи. С их стороны посыпались вопросы: «В состоянии ли белорусы выжить как нация и на что они возлагают надежды в своем оптимизме?», «Смогли бы возникнуть украинская и белорусская нации, если бы их земли в свое время не вошли в состав ВКЛ?». И наконец: «Можно ли считать белорусов народом государствообразующим, а древнебелорусский язык — государственным языком ВКЛ?» Мы отвечали корректно, хорошо аргументированно. Иногда нас поддерживали украинцы и поляки.

На конференции известный польский историк Ежи Ключовский предложил: поскольку все мы «обречены» на соседство и наши корни тесно переплетены, давайте напишем четыре национальные истории и переведем их на три других языка. Каждая сторона вольна оценивать себя настолько, насколько ей позволяет чувство объективности. Но в «историях» не должны содержаться два самых опасных изъяна: нельзя оскорблять достоинство другого народа или страны и нельзя допускать взаимоисключающих утверждений. Мне показалось, литовские коллеги явно приуныли: белорусы ведь напишут, что литовцы их не завоевывали, а для литовцев это — краугольный камень в оценке ВКЛ.

Идею написания таких исторических текстов одобрил Папа Иоанн Павел II, который радушно принял участников конференции в Ватикане и нашел несколько минут для разговора с каждым. От имени белорусской делегации я вручил понтифику энциклопедический справочник «Францыск Скарына», посвященный, пожалуй, самой светлой личности в ВКЛ — зачинателю книгопечатания на этих землях, переводчику и толкователю Священного Писания. Знаменательно, что в одних случаях он называл себя, повторяюсь, русином, имея в виду этническое происхождение, в других — литвином, указывая на государственную принадлежность.

Продолжение «римских» споров

После «Рима-I» через год прошел «Рим-II» в Люблине, затем — «Рим-III» в Каменце-Подольском, потом дошла очередь и до Беларуси. «Рим-IV» решили провести в Гродно. И на всех этих форумах продолжались дискуссии о сущности Великого Княжества Литовского. Но вильнюсские коллеги либо уклонялись от прямых ответов, либо заявляли, что «ни с кем делить ВКЛ не собираются». Разве что согласны считать белорусскими земли за Днепром и Двиной. Исключение составлял лишь известный географ и краевед профессор Чесловас Кудабя, призывавший не накладывать прежние терминологические трафареты на сегодняшнюю действительность, не путать этнос с государственностью. Ведь названия «путешествуют» (яркий пример — Пруссия). То же случилось и с Литвой: во времена ВКЛ — это западная и центральная части этнических белорусских земель, а территории, населенные предками нынешних литовцев (только не «летувисов», ибо, как доказали мне вильнюсские белорусы, такое название противоречит правилам лексикологии), назывались Жемайтией, Аукштайтией, Дзукией...

И вот в древнем литовском замке Тракай проводится «Рим-V». Белорусы (Геннадий Саганович и Захар Шибек) первыми представили тексты своей истории (кстати, она уже издана в двух книгах — на белорусском и польском языках и переводится на украинский). Первый из авторов, написавший семь разделов о ВКЛ, охарактеризовал княжество как уникальное для Европы того времени федеративное государство, созданное в общих интересах — прежде всего для защиты от крестоносцев и татаро-монгольской орды. Кстати, о федеративности свидетельствует уже само официальное название державы: Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтийское. Что же касается угнетения, то оно имело не этнический, а феодальный характер: если боярин владел поместьями и в Жемайтии, то угнетал предков нынешних литовцев, а если кунигасы (князья) Радзивиллы (от литовского *erelis* — «орел») владели Несвижем и Слуцком, то все происходило с точностью до наоборот.

Вслед за белорусами заявили о готовности своих работ поляки. Отдельные разделы привезли для обсуждения украинцы. И только литовцы, почувствовав, что их текст войдет в противоречие с белорусским и тем самым нарушит одно из двух основных «римских» требований, не предоставили ни одной страницы и даже не назвали никаких возможных сроков. В вильнюсской прессе появились публикации, что все в Тракае вели себя хорошо, даже поляки, а вот белорусы проявили агрессивность, претендовали и на часть ВКЛ, и на общность наследия. Переговоры зашли в тупик. «Рим-V» оказался последним. Попытки реанимации результатов не дали.

Нетрадиционные «круглые столы»

Белорусско-литовские научные распри тревожили зарубежных коллег — уже не только из «римской четверки», но и белорусистов из других стран. Поэтому почетный профессор многих университетов мира, в том числе и БГУ, Анжей Цехановецкий, потомок князей Мстиславских и Заславских, собрал в Лондонском университете небольшое совещание. Прибыли профессора Норманн Девис, Джим Дингли, князь Замойский. Они говорили нам: не хватало еще, чтобы литовцы поссорились с белорусами, своими не только соседями, но и «родственниками» (через знаменитый «балтский субстрат» в крови). Раз многосторонние конференции результатов не дают, тогда, может, лучше встретиться вам с литовцами напрямую? Мы готовы дать Международной ассоциации белорусистов личные деньги на организацию такой встречи...

Но тут уже нам пришлось признать: нет «мира» и среди самих белорусов. Наряду с традиционным, советским мнением, что это литовцы «покорили» нас, слабеньких, появилось и нашло сторонников, особенно среди молодежи, противоположное утверждение. Уважаемый Микола Ермалович, желая отогнуть перегнутую палку, добился того же эффекта, но только в противоположную сторону:

мол, это мы, мощные, «завоевали» «Аукштоту и Жамойть», ВКЛ — целиком и полностью наше государство.

— Ну вот, — вздохнул Норманн Девис, чьи книги о славянах читались тогда, как откровение, — как же вы будете дискутировать с литовцами, коль в вас самих согласия нет. Надо сначала собраться белорусам и прийти, если не к единому, то близкому мнению.

— А я готов приехать в качестве арбитра, — добавил Анджей Цехановецкий. — Заодно посмотрю, как там лежит у вас, в академическом музее, подаренный мной слуцкий пояс. Картину с видом Несвижа начала XIX века добавлю.

— И я готов поехать, — продолжил разговор Джим Дингли. — Думаю, профессор Грачиотти из Рима, профессор Бардах из Польши, другие объективные специалисты по временам ВКЛ присоединятся к нам.

И вот мы встретились за «круглым столом» в Минске. Прессу и публику, дабы не разжигать страсти, не приглашали, чем наклевали на себя волны гнева. Начали по телефону протестовать и литовцы: как же так, разговор будет идти о ВКЛ, но без нас?! На что мы спокойно отвечали: сначала дайте прийти к единому мнению нам самим. А потом белорусы уже встретятся (без «арбитров») с литовцами где-нибудь на пограничье.

Споры продолжались два дня. Микола Ермалович сначала держался категорично, но потом, когда ему задали вопрос: а где же, в каком месте состоялись наши победы над балтами, стал более конструктивен и подписал «примирительный» заключительный документ, в котором говорилось: да, были вооруженные нападения, но они носили не этнический, а династический характер. А иногда просто грабили друг друга, что во времена феодальной раздробленности наблюдалось во многих странах. Сущность заключения лаконично и мудро изложил профессор Юльюш Бардах, специалист по Литовским статутам:

— Как мне кажется, здесь вообще нет проблемы. Если смотреть из Минска, ВКЛ можно считать белорусско-литовским государством, а если смотреть из Вильнюса — литовско-белорусским. Ведь основное ядро в нем — экономическое, территориальное, культурное — белорусское, а военное, политическое — больше литовское.

С тем мы и поехали через пару месяцев в Герваты Островецкого района на встречу с литовцами. В нашу команду входили видные белорусские историки. Литовцев же представляли преимущественно политики, филологи, аспирантская молодежь. Диалог в первый день складывался явно не в пользу гостей. Чтобы поднять им настроение, мы повели их по этническим литовским деревням, где женщины поили всех парным молоком, угощали первой клубникой. А вечером на мосту у «чертова млына» литовские, белорусские, польские, русские песни пели «самодеятельницы» из деревни Гири. Однако не все литовские коллеги спокойно слушали концерт. Некоторые побежали на почту, чтобы на завтра вызвать из Вильнюса подмогу, «тяжелую артиллерию».

Следующий день начался с того, что два ксендза отслужили в местном костеле мессу за наше взаимопонимание. Притом белорусский священник правил службу по-литовски, а приехавший с Витебщины литовец — по-белорусски. А там подъехал и микроавтобус из Вильнюса: прибыли директор академического Института истории Литвы профессор Антанас Тила, уже знакомый нам Чесловас Кудабя (кстати, уроженец Мядельщины), другие известные ученые. Дискуссия приобрела конкретный и конструктивный характер. Определение ВКЛ, данное в Минске профессором Бардахом, вроде бы устраивало, с мелкими оговорками, всех (кстати, через несколько лет я с удовлетворением встретил близкую формулировку во втором томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», где ВКЛ характеризовалось как «Беларуска-Літоўская дзяржава»). Затем по-деловому принялись за составление текста коммюнике. Его зачитали и раздали представителям СМИ уже в Островце, где нас нетерпеливо ждали, надеясь на «жареное». Но «жареного» не получилось, ибо, казалось нам, наконец победили логика, здравый смысл, факты. Правда, то коммюнике белорусы опубликовали, а литовцы — нет. Кто тут повлиял или что повлияло — точно не знаю, могу лишь догадываться.

Лет через восемь невдалеке от Гервят, в Рымдюнском литовском культурно-образовательном центре, была сделана еще одна попыт-

ка научнаго примирения. К сожалению, повторился прежний сценарий. Белорусскую сторону представляли серьезные специалисты, а из Вильнюса приехали только один политик и один специалист по частному вопросу — по Литовской метрике. Правда, заседание прошло не без пользы: высказывалось немало предложений по поводу многотомного издания документов Литовской метрики, хранящихся преимущественно в Москве. Кстати, в Минске увидела свет книга № 560 «Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага». Значит, все же можем сотрудничать, не деля эту самую метрику на нашу и вашу...

Историография — мать истины?!

Готовясь написать предлагаемые вам размышления, я решил еще раз посмотреть, что публиковалось другими — и раньше, и теперь. Еще раз перелистал вузовские и школьные учебники, походил по книжным магазинам, купил немало новинок. Среди них — «Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.» (Минск, 2006) с богатейшей библиографией, «Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага» (Минск, 2007), а из прежнего — скромно изданное пособие для учителей «Гісторыя Беларусі. 10 клас (схемы, табліцы, тэкст)» (Минск, 2001) Натальи Шаровой и Любви Селицкой. Первые две книги включают в себя материалы Международного «круглого стола» и Международной научной конференции, проведенных в Гродно соответственно в 2003 и 2004 годах. Из этих изданий легко сделать два вывода: интерес к ВКЛ не угасает, но центр его изучения переключивается из Минска в приграничное Гродно, что, наверное, естественно.

Но когда я перечитал старые записи и познакомился с приобретениями, пришел, как говорят, в тихий ужас: что ни автор — то своя, часто противоположная концепция. И каждый стремится как-то обойти главное, сущностное, а именно вопрос: имеем ли мы право считать себя наследниками ВКЛ? Неужели, подумалось, со всеми придется спорить, каждого цитировать? Да на это же потребуются

годы и не газетная статья, а книга-фолиант. Но однажды утром пришло успокоение: я же, используя, конечно, свои прежние публикации, сказанное и услышанное на конференциях и «круглых столах», излагаю собственный, во многом писательский взгляд на проблему, не претендующий на истину в последней инстанции.

Кстати, из приобретенного понравилось пособие Н. Шаровой и Л. Селицкой. Правда, и они обходят поставленный выше вопрос, но деликатно подводят к нему. Одна из предложенных ими схем имеет название «Федеративный характер и восточнославянский этнический фундамент ВКЛ», а из содержания ясно: Полоцкое княжество вошло в ВКЛ благодаря «дипломатическим соглашениям», а Витебское — благодаря «брачным связям», захват же был применен только к Подолью, Подляшью и Волыни. Затем указываются главные черты автономности белорусских княжеств, вошедших в федерацию. Далее речь идет о причинах объединения: с одной стороны — «остановка нажима крестоносцев на восточных славян, балтов», со второй — «возвращение белорусско-литовской державе лидерства в проведении восточной политики», защите от татаро-монгольской орды и крымских татар и, с третьей стороны, для меня лично совершенно новой, — «отвоевать в Польше место западноевропейского форпоста в Восточной Европе». Кратко, но емко.

Великое Княжество Литовское — государство многих этносов, конфессий, культур и элит

Подзаголовок предлагаемой части статьи навеян названием когда-то присланной мне книги профессора Ежи Томашевского «Речь Посполитая многих наций». Подумалось: а ведь к польской части Речи Посполитой времен ВКЛ такое определение мало подходит, ибо до Люблинской унии она была этнически почти монолитной. Только потом, с добавлением украинских, подляшских, прусских земель, польская часть превратилась в многоэтничную. Правда, заспорит иной читатель: всегда счита-

лось, что Речь Посполитая — держава «обоих народов», но ведь под «народами» имелись в виду не этносы, а шляхетские элиты. Это значило, что был «народ» польской Короны и «народ» ВКЛ. Другие сословия, кроме магнатов и шляхты, сюда не входили.

Элиты Великого Княжества Литовского

Если излагать коротко и поэтому несколько упрощенно, элиты ВКЛ складывались по-разному, с «разрывом» (отставанием) между восточной и западной его частями на несколько столетий. В принявших православие княжествах кривичей, дреговичей и радимичей государственный «аппарат» сформировался еще в X–XI столетиях. Существовали светская (князь) и духовная (епископ) власть, княжеская дружина, элитное боярство, наконец, городское «вече» или его подобие. А предкам нынешних литовцев и латышей «государственным строительством» некогда было заниматься. Приходилось постоянно воевать, защищаться от крестоносцев и меченосцев, рыцарей из разных европейских стран, которые направлялись в Палестину, чтобы защищать от «неверных» (мусульман) христианские святыни, но вместо этого высаживались на Балтийское побережье возле устья Немана и Двины, дабы обращать «огнем и мечом» в христианскую веру язычников-балтов — здесь и к дому ближе, и комфортнее. А что верящий в Магомета мусульманин, что верящий в силы природы «поганин» — разницы особой тогда не видели... Правда, кривичи подобным путем распространения своей новой веры не шли — очевидно, потому что сами только недавно нелегко распрощались с Перуном и прочими божествами предков.

Сражаясь с крестоносцами и меченосцами, отставивая свои пущи, балтские князья вольно или невольно перенимали многие черты от европейского рыцарства. (Потом шляхта ВКЛ, хотя сама сражалась с крымскими татарами и турками, немало «одолжила» у них — вплоть до женской одежды, роскошных шатров с коврами,

громких барабанов и «янычарских» оркестров.) Предки Гедиминовичей и Ягеллоновичей не имели времени на государственное устройство, не любили заниматься сельским хозяйством. Зато они могли воевать и воевать хорошо — как викинги. И вот когда над соседями-славянами нависала внешняя опасность, те стали приглашать к себе править хороших воинов балтских князей. Так попал на престол в православном Новгороде князь Миндовг (Миндаугас). Он быстро справился с «налетчиками» с юга, из Галичского княжества и вскоре стал первым князем ВКЛ, а затем, приняв католическую веру, увенчался папской короной. Заметим, что по документам, найденным в Ватикане, а затем переведенным и опубликованным нашим известным латинистом Алесем Жлуткой, содействовали в коронации не крестоносцы, что было бы логичнее, а отдаленные меченосцы. Ведь укрепись новая вера в ВКЛ — крестоносцам не было бы в Пруссии что делать... Ну и приостановилась (без руки извне тут не обошлось) христианизация Литвы больше чем на столетие — вплоть до Ягайлы, до его решительного крещения все еще языческой и племенной Литвы. А там уже и до Грюнвальда, невозможного без объединения «литвинских», «русинских» и польских сил, недалеко. И к XVI столетию орден крестоносцев зачех окончательно, преобразовался в герцогство. Польза от объединения, преодоления феодальной раздробленности стала всем очевидна.

«Ищите женщину!»

Однако в период, длившийся более столетия, между убийством Миндовга и коронацией Ягайлы великие литовские князья не были изолированы от христианства. Они не раз пытались установить тесные и прочные связи с Полоцким и Витебским княжествами, уже давно принявшими православие, а с ним и письменность, книжность. И в упрочении этих связей решительную роль сыграли женщины. Так уж случилось, что среди кривичей произвелись князья из рода Рогволодовичей. А тут пошли слухи о мужественных

князьях литовских, их нелегких победах, приглашениях на княжение. И взоры женской части полоцкой, витебской, минской элиты обратились к Понемонью. Кроме всего прочего, князьям хотелось обратиться «варваров» в христианскую, православную веру, превратить в настоящих рыцарей. Однако великие литовские князья понимали: православие вряд ли окончательно спасет их от набегов крестоносцев. Это способна была сделать только корона, возложенная по благословению Папы Римского — авторитета и для крестоносцев. Тем не менее Гедиминовичи и их воинская элита охотно брали в жены дочерей и вдов славянских князей, что соединяло не только сердца, но и земли, войска. В 1318 году сын Гедимины Ольгерд женился на Марии, дочери последнего витебского князя Ярослава Васильевича, после смерти которого княжество, естественно, досталось зятю. И таких случаев — на разных социальных уровнях — отмечалось немало.

Язык, «навязанный» еще в колыбели

И вот представьте себе: такая Мария Ярославна приезжает в замок великого князя литовского. Ее сопровождают родственницы, подружки, служанки. Все они владеют только древним белорусским языком — в лучшем случае его книжным вариантом, в худшем — лишь разговорным. Княжна, очевидно, знает еще церковнославянский. А литовский князь и его дружина, в свою очередь, разговаривают на одном из балтских диалектов — до книжного варианта, до Мажвидаса и Даукши, им еще ждать целых два столетия. И когда у такой разноэтничной четы рождался ребенок, первые слова он слышал, безусловно, не литовские, а древнебелорусские — недаром существует понятие «матчына мова». По примеру князя придворные рыцари брали в жены родственниц и подруг княгини, поэтому через несколько лет весь двор «славянизировался» безо всякого принуждения, принималось православие. «Среди наследников самого Ольгерда, — утверждает Г. Саганович, — православных оказалось намного больше, чем язычников». Древнебелорусский язык хорошо

знали дети и внуки Ольгерда. Да какие дети! Среди них (правда, уже от другой жены, Ульяны Тверской) — будущий король Польши Ягайло. Ходила молва, будто, приехав в Краков, Ягайло только на этом языке мог общаться скоролевою Ядвигой, которая, в свою очередь, не знала литовского (как король — польского и латыни).

Вслед за княжнами на литовский двор потянулись писари и переписчики, толмачи. Благодаря им древнебелорусский язык становится, как бы мы сегодня сказали, языком межнационального общения. На нем пишут послания в Москву и татарам, крестоносцам и полякам. И что самое интересное, на нем же получают ответы. Вот какая появилась востребованность!

Все вышесказанное — не мной придумано, а подробно изложено в брошюре классика литовской литературы Людаса Гиры, хорошо знавшего историю в целом и историю родного языка в частности.

Этническое разнообразие

Литовские князья и их рыцарство стали не единственными среди иноэтнических жителей, приобщившихся к старому белорусскому языку как к родному. После походов князей Ольгерда и Витовта на юг, в Крым, на белорусской земле возникли поселения крымских татар — и пленников, и наемных воинов. В мирное время они хозяйничали — прежде всего прославились искусным разведением овощей. Но хозяек-татарок в доме не было и быть не могло. И тогда опять сработал «женский фактор». Жены-белоруски через одно-два поколения сделали невероятное, исключительное в евроазиатском мире: их мужья-мусульмане сначала заговорили, а потом начали и писать свои священные книги, даже Коран, арабской вязью, но... на белорусском языке! Причем этот язык — и фонетически, и лексически — оказывался чище, чем в текстах, писанных кириллицей или латиницей.

Влияние белорусского языка, но значительно меньшее, чем у татар, ощутили также евреи, бежавшие от преследований из За-

падной Европы и нашедшие в исторической Литве вторую родину. Недаром они сами себя называли литваками, и недаром потом из их среды, очерченной в царские времена «чертой оседлости», вышло столько выдающихся государственных, религиозных деятелей и даже «возродитель» древнего иврита. В идише тоже можно отыскать белорусизмы. Евреи многому научились у белорусов в бытовом плане. В целом влияние происходило, как показала проведенная Международной ассоциацией белорусистов специальная научная конференция, с взаимной пользой (особенно в художественной литературе и изобразительном искусстве).

Белорусский язык, как книжный, так и разговорный, хорошо воспринимался входившими в состав ВКЛ латышами-лаггальцами, украинцами (до их соединения после Люблинской унии в составе польской Короны). А если к этому разнообразию языков и этносов добавить еще поляков-мазуров, переселявшихся на Полесье, чтобы выжигать из древесины поташ для стирки белья, мастеровитых немцев и чехов, беглых из Московии староверов, получится уникальный для Европы того времени Вавилон. И объясняется его возникновение и существование тем, что белорусские земли находились на европейско-азиатском «перекрестке», на пограничье двух великих культурных макромиров — восточнославянского, православно-византийского, и западноевропейского, католического и протестантского.

Конфессиональное и культурное разнообразие

Взаимодействием двух макромиров объясняется и поликонфессиональность белорусских земель во времена ВКЛ. Здесь православие столетиями соседствовало с католицизмом, а потом с протестантизмом и униатством, магометанство с иудаизмом. Очень живучими оставались (особенно в западной части) языческие традиции. Все это оказывало влияние на культурное, особенно литературное, разнообразие. Конечно, случались и этнические,

религиозные противостояния. Но преобладало все-таки взаимообогащение, плодотворный синтез. Чтобы подробно узнать, что сие дало Беларуси, Европе и миру, надо обратиться к истории искусств. Приведу лишь несколько примеров-подсказок: слущкие пояса, деревянное церковное зодчество на Полесье, так называемое виленское барокко, издания Франциска Скорины и Сымона Будного, литературное творчество Николая Гусовского и Симеона Полоцкого.

Так почему все же Литовское?

Помню, в 1990 году, когда мне выпала честь участвовать в составе белорусской делегации в работе Генеральной Ассамблеи ООН, в кулуарах я стал невольным свидетелем, а потом и участником разговора украинского и белорусского дипломатов с их коллегой из Африки. Речь шла о нашей независимости.

— Ну украинцы еще имеют какие-то исторические права на государственность, — недоумевал африканец, на ходу вспоминая курс лекций в университете имени Патриса Лумумбы. — Там хоть казачество было, Запорожская сечь, гетманы... А у белорусов что? Никто о них ничего не слыхивал вплоть до последнего времени. Кто вас придумал?! Большевики? Националисты?

— Почему придумали? Ведь существовали давние традиции. Кстати, наш Скорина подготовил для белорусов первый восточнославянский перевод Библии...

— Но имени своего у вас не было! Называли вас Русью — значит, вы русские с некими местными отличиями.

— Однако же, — тут деликатно вмешался в дискуссию и я, — коль вы учились в университете имени Патриса Лумумбы, должны были читать у классиков марксизма-ленинизма, что раньше существовали две Руси: Русь Московская и Русь Литовская...

— Вот видите: Литовская все-таки, а не Белорусская!

— Наша историческая особенность, — продолжал я гнуть свое, — заключалась в том, что мы долго, очень долго, вплоть до по-

следнего времени, входили в состав иных, более мощных государственных образований, выступали в истории под чужими именами: сначала — Киевская Русь, потом — Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, наконец, Российская империя и Советский Союз, межвоенная Польша. И в них механически становились то русскими, то поляками, то снова русскими.

— А почему вы не боролись за свое имя, ирландцы боролись — и сохранились.

— Язык все же почти потеряли...

— А вы и имя свое — основу! — африканский дипломат торжествовал, ибо думал, что одержал победу. Победу мнимую, потому что имя-то у нас свое было уже во время образования ВКЛ. Что засвидетельствовал не кто иной, как ирландец! Правда, узнал я про это с опозданием, лишь несколько лет спустя.

Дублинская находка

Про нее мало у нас кто знает, хотя находка, сделанная в рукописном отделе дублинского Тринити колледжа, имеет для Беларуси принципиальное значение в плане национального и державного самоутверждения.

Обнаруженная американским ученым М. Колкером в Тринити рукопись по истории и географии Европы XIII столетия включала трактат «Описание земель», сочиненный не по слухам, а по личным наблюдениям свидетеля и участника событий — христианского миссионера-путешественника, который проповедовал среди язычников ВКЛ в первые годы существования княжества, — он даже присутствовал на коронации Миндовга! Так вот, ирландский миссионер упоминает брата Войслана, проповедовавшего на землях восточнее Литвы, которые назывались Белая Русь, — *Alba Ruscia*. Но там уже приняли православие, и брату Войслану не было чего делать. Поэтому миссионер советует ему двигаться на север, к карелам. Легко сделать вывод, что под Белой

Русью подразумевалась восточная часть ВКЛ. Конечно, полученные сведения миссионер мог передать Миндовгу и даже предложить изменить название княжества. Но вряд ли это что-нибудь дало бы, ибо княжество уже имело свое официальное наименование, основанное на названии его центральной, основной части, по мнению ученых, происходившем от маленькой речки Литва, притока Немана.

Остается добавить, что свою находку М. Колкер описал в американском журнале *Speculum* («Зеркало») еще в 1979 году. О дублинском открытии впервые я прочел в литовском переводе американской публикации. Обо всем тут же сообщил в редакцию журнала «Спадчына», вырезку передал своему академическому коллеге Вячеславу Чемерицкому, который, основываясь на ней, подготовил доклад и публикацию «У истоков белорусско-ирландских связей», напечатанную в 14-м выпуске серийного издания «Беларусіка=Albaruthenica» (Минск, 2000). Но «серьезные» историки таких изданий обычно не читают и по-прежнему утверждают, что название Белая Русь по отношению к белорусским землям появилось только в конце XV столетия в грамоте московского царя Ивана III, направленной Папе Римскому Сиксту.

Уроки ВКЛ: гражданственность

Из сказанного выше вытекает, что в ВКЛ предки белорусов выступали под двумя именами: литвинов (вместе с литовцами-аукштайцами) и русинов (вместе с украинцами и русскими, жившими на Смоленщине, Псковщине и Брянщине). Что, однако, ничуть не помешало им, несмотря на этнические и конфессиональные различия, консолидироваться в единое государство с жмудинами, латгальцами, а также гостеприимно принятыми поселенцами — татарами и евреями. Для жителей ВКЛ прежде всего была важна государственная принадлежность. Ею они гор-

дились, ее защищали во время Ливонской войны, нашествия на Полоцк Ивана Грозного, во время принятия Люблинской унии, где Польша навязала обессилевшему ВКЛ свой вариант соглашения. Свою полную независимость пытались возродить во время войн и сговоров XVII–XVIII столетий. Не забудем, что частичную независимость гражданам ВКЛ удалось сохранить вплоть до разделов Речи Посполитой, до восстания под руководством Костюшко. Это неправда, будто бы последний отрекся от своего «русского» (униатского) происхождения, ибо всегда и везде подчеркивал, что он «литвин». Таким образом, белорусов и литовцев объединяют целых пять столетий общей государственности. Мечта о ней жила и в XIX столетии: в проектах Михала Клеофаса Огинского, которые вручались Александру I, в строках поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»: «Litwo! Ojczyzno moja! Ty jesteś jak zdrowie...» (хотя Мицкевич литовского языка не знал, о чем свидетельствуют его три записи литовского фольклора), в поэзии Владислава Сырокомли и Винцента Дунина-Марцинкевича, музыке Станислава Монюшко и Мечислава Карловича, полотнах доброго десятка живописцев. А если воспоминание о каком-то явлении рождает прекрасное, значит, и само это явление не может оставаться в нашем сознании со знаком минус.

Уроки ВКЛ: толерантность

В свое время мне пришлось вместе с ленинградским ученым Валентином Грицкевичем написать книжку «Шляхі вялі праз Беларусь» — о западноевропейских путешественниках, проезжавших с различными целями через белорусские земли ВКЛ в Москву и назад, а потом рассказавших об увиденном в очерках или дневниках. Нас поразило то, что, в свою очередь, удивило чужеземцев, а нам казалось чем-то само собой разумеющимся. А именно: в городах и местечках на площадях рядом стояли не только церкви и костелы, но и — «о, ужас!» — синагоги и даже мечети

с полумесяцем; за столы и у местных магнатов, и у бедноватых шляхтичей рядом с иностранным послом или посланником мирно усаживались не только православный батюшка, католический ксендз, лютеранский пастор и униатский парох, но и еврейский раввин, и мусульманский мулла. Это казалось тем более странным, ибо на Западе Речь Посполитую считали «предмурьем» католицизма, ибо на том же Западе тогда происходили «Варфоломеевские ночи», уничтожали в огне инакомыслящих и их рукописи. А тут даже ведьм сжигали только в Жемайтии. Даже явного безбожника Лыщинского направили для казни в Варшаву, потому как опасались, что такая казнь на Брестских землях вызовет вооруженное противодействие шляхты, привыкшей к конфессиональной толерантности.

Однако, скажут мои оппоненты, засекали же все-таки в Иванове Андрея Боболю, позже провозглашенного Ватиканом святым, казнили же в Витебске апостола униатства Иосафата Кунцевича и его сподвижников... Все так. Но Боболю мучили не местные шляхта или крестьяне, а пришлые казаки. А Кунцевич (что хорошо показал Владимир Короткевич в драме «Колокола Витебска») сам своим максимализмом первый нарушил принципы толерантности (а ее могут себе позволить только сильные). И никаких еврейских погромов в ВКЛ не происходило. «Мода» на них пошла извне и только в начале XX века. И подумалось мне: а не от традиций ли ВКЛ идет наша сегодняшняя религиозная толерантность?! Ведь поликонфессиональность осталась, а религиозного противостояния, как в других странах, у нас, слава Богу, нет.

Так что же делать с наследием ВКЛ?

А ничего особенного не делать! Поступать так, как поступали практически до сих пор: считать в основном — общим, объединяющим нас достоянием. Подобно трем Литовским статутам — первым европейским «конституциям», написанным в защиту «Литовской» державности, но на древнем белорусском языке. И, уверен, с участием Скорины.

Конечно, я понимаю: в белорусско-литовской культуре ВКЛ выделяются различные конфессионально-этнические пласты. Ско-

рина и Мамоничи — безусловно, наши. (Как анекдот воспринял я в свое время сообщение ТАСС о том, что первый из них печатал книги... на литовском языке. Мог, конечно, издавать, ибо, очевидно, именно для того любезно приглашал его в Кенигсберг великий прусский герцог Альбрехт. Но не стал этого делать, тайком удрал оттуда вместе с евреем-печатником, посчитав, что согласиться с предложением — будет предательством, и надеясь на продолжение прежнего дела в Вильно.) А Мажвидас и Даукша — безусловно, только литовские. Но есть и общее: те же статуты, метрика, летописи (хотя более ранние, где воспеваются киевские князья, имеют по своему патриотизму, скорее, белорусский характер, а более поздние, где появляется римлянин Палемон, «брэнд» литовской элиты, мы можем отдать своим соседям).

То же и с властью. Первые князья имели явно балтское происхождение. Но потом пришли Сапега, Острожский, Хрептович. И даже рада виленского магистрата, во имя «Божьей справедливости», избиралась так, что половину в ней во времена Скорины составляли «русины»-православные, а половину — «литвины»-католики. Истинное равноправие!

Сентенция вместо эпилога

Все время, пока писалась статья, меня мучила одна вроде бы частная, но на самом деле принципиальная мысль: почему литовские историки тогда, в Гervятах, сначала приняли, а потом отвергли, казалось бы, абсолютно мирноносное высказывание польского профессора Юльюша Бардаха: если смотреть из Минска, то ВКЛ можно считать белорусско-литовской державой, а если из Вильнюса — то наоборот. Потом я пришел к выводу: мы опять набросили на историческое явление сегодняшнюю терминологическую схему... А что если сказать так: ВКЛ — общее, совместное государство («гаспадарства») литвинов, русинов и жмудинов, предков нынешних белорусов, литовцев и отчасти

украинцев, русских, латышей, которые могут гордиться таким наследием и считать его своим. ВКЛ — красноречивый прообраз сегодняшних государственных образований. И две соседние страны могут это подтвердить.

| СБ. *Беларусь сегодня*. — 2008. — 25 июля; 26, 27, 28 сент.

Книга-памятник

Мир — о нас

И замысел, и авторский коллектив, и фундаментальный внешний вид издания «Книга Вялікага Княства Літоўскага: Да еўрапейскіх традыцый супольнасці. Сумесная публікацыя навукоўцаў і пісьменьнікаў Беларусі, Літвы і Польшчы» («Книга Великого Княжества Литовского: К европейским традициям единства. Совместная публикация ученых и писателей Беларуси, Литвы и Польши»), название, как и сами тексты, кроме белорусского, также повторяются на английском, литовском и польском языках) воистину впечатляют. Издание задумывалось как монумент исторической Литве в связи с 1000-летием первого ее упоминания. Авторы подбирались известные (среди них два лауреата Нобелевской премии), владеющие историческими знаниями и образностью художественного изложения. Сей полиграфический шедевр (кожаная обложка, позолоченные края страниц, десятки цветных иллюстраций, карт, которыми перемежаются тексты) явился на свет в конце 2009 года в небольшом литовском городке Сейны на польско-литовском пограничье. Тираж — тысяча экземпляров, без права продажи, а лишь с правом дарения — например, библиотекам, музеям.

Свой весомый (в прямом смысле) экземпляр я получил за то, что выступил на презентации книги, состоявшейся в Белорусской государственной академии искусств. В кратком обзоре невозможно хотя бы вкратце пересказать все то интересное и оригинальное, что почерпнул из этого издания. Тем более что в каждой статье — свой, порой субъективный взгляд, а то и целая концепция. Конечно, хорошо, что на наши исторические традиции, наше соседство посмотрели разные белорусские писатели и историки. От этого изложение приобретает стереоскопичность. Но все это надо читать самому.

Остановлюсь лишь на том, что в книге удивило либо вызвало желание вступить в полемику. Скажем, статья Рустиса Комунтавичюса «Создание ВКЛ: по версии литовцев и белорусов». Здесь излагаются два толкования того, почему наши предки объединили свои силы и ресурсы. С одной стороны, белорусская точка зрения и литовского историка А. Шапоки — чтобы защититься от крестоносцев и монгольского нашествия. И с другой — господствующая в современной литовской историографии (проф. Э. Гудавичюс и другие) — чтобы успешнее нападать на соседей, захватывать чужие территории. По моему глубокому убеждению, первоначальным толчком стало все-таки стремление защититься от набегов. Не согласен и с утверждением Р. Комунтавичюса, будто бы «литовцы знают точную дату, когда Миндовг был коронован, но не знают, где это произошло. Белорусы — наоборот: знают — где, но не знают — когда». Дальше оказывается, что литовцы знают и когда (6 июля 1253 года), и где: Э. Гудавичюс в своей фундаментальной «Истории Литвы» (1999) доказывает, что — в Вильно. Хотя из литовских же источников известно: сей град основан Гедимином намного позже. И напрочь отвергается Новогрудок по причине того, что расположен он не на балтской, а на славянской территории, да и не упоминается в ватиканских посланиях первому королю. Однако хочется возразить: не упоминается, поскольку не было в том необходимости. Все и так прекрасно знали: главное владение Миндовга, столица княжества — именно Новогрудок. На этот город прямо указывают Густынская летопись и такой знаток истории Литвы, как

иезуит Альберт Виук Коялович (1609–1677). Этот профессор Виленской академии приводит деталь, которую вряд ли придумаешь: коронация состоялась в чистом поле — ибо в Новогрудке не оказалось большого помещения...

Кстати, более подробные размышления о такой раздвоенности мнений изложены в эссе Сергея Дубовца «Война политики с культурой: Наследие ВКЛ в абсурдном свете». Стоит прислушаться к его словам: «Наследие ВКЛ — не белорусская, не литовская и не польская проблема, и не предмет спора, дележа, экспансии. Оно само по себе. Оно уникально только как целое, как наша совместная Античность. Оно живет одинаковым отзвуком в душах всех наследников ВКЛ, независимо от их современной национальности».

А что же нового сказали лауреаты Нобелевской премии Томас Венцлова и Чеслав Милош (кстати, оба они связаны многими нитями с белорусской действительностью)? В принципе, то же самое, только глубже и смелее. Они считают, что многоэтническое, многоконфессиональное и многокультурное Великое Княжество Литовское, государство удивительно толерантное по отношению к инакомыслящим, явилось прототипом теперешнего Европейского союза. Один венецианский посол, утверждает Томас Венцлова, во времена Сигизмунда Августа насчитал в Вильно 72 вероисповедания, констатировал терпимость даже к рудиментам язычества. В городе Гедимина тогда же насчитывалось семь автохтонных этносов — настоящая радуга, немыслимая в Западной Европе во время «Варфоломеевских ночей» и судилищ инквизиции.

И еще хочется сказать доброе слово о статье профессора Оксфордского и Вильнюсского университетов Д. Каца «Еврейская Литва». И не только потому, что он сын знаменитого еврейского и американского поэта Менке Каца, описавшего в одной из англоязычных поэм страдания узников гетто в родных Михалишках на Островетчине, и сам делает много полезного для Беларуси. Но и потому, что полностью цитирует грамоту великого князя Витовта, датированную 18 июня 1389 (!) года и написанную на чистейшем древнебелорусском языке. Пусть после этого кто-нибудь по-

пробует поспорить, а был ли этот язык государственным в ВКЛ! А содержание-то грамоты какое: «Есть три сенсационных утверждения в этом документе XIV в., — делает вывод Д. Кац. — Это равенство людей («з мещаны заровно»), земельная собственность и неизменность правового равенства («на вечные часы и веки»).

Теперь о том, что мне показалось изъясном. Конечно, хорошо, когда авторам дается свобода в выборе конкретной темы. Но получилось, что об одном явлении пишут несколько человек, а о другом, не менее значимом, — никто. В книге закономерно присутствуют Будный и Мамоничи, Мажвидас и Даукша, но нет (кроме иллюстраций к переводу Библии) их наставника Скорины. Есть Гуссовский и Сарбевский, Дорогостайский и Семянович, но нет Купалы и Ластовского, Людаса Гиры и Лаздину Пеледы, Чюрлениса и Дроздовича, которые хорошо вписались бы в общую картину белорусско-литовско-польского пограничья.

Но, очевидно, объять все невозможно, даже на 550 страницах текста большого формата. Однако отраднo, что такие издания существуют и дополняются не менее весомым (и в прямом, и в переносном смысле слова) энциклопедическим двухтомником «Вялікае княства Літоўскае», где уже белорусы показали убедительный пример соседям.

К сказанному следует добавить, что с белорусской стороны партнерами издательства «Пограничье», выпустившего фолиант, выступили Национальная библиотека Беларуси, Национальный художественный музей Беларуси, Национальный музей истории и культуры Беларуси, индивидуально — известный культуролог Дмитрий Герасимович. А на обложке книги золотым тиснением изображены один из государственных гербов ВКЛ «Колюмны» Гедимины и Лотарингский крест Ягайло.

| *СБ. Беларусь сегодня. — 2008. — 8 авг.*

Сколько нам лет?

Белорусам пора праздновать 800-летний юбилей

В 2009 году соседняя с нами Литва, как известно, торжественно отмечала тысячелетие первого упоминания названия своей страны в письменном источнике. Источник этот — немецкая хроника, так называемые Кведлинбургские анналы, где сказано, что 9 марта 1009 года «на пограничье Литвы и Руси» мученической смертью от рук язычников погиб кверфуртский архиепископ Бруно, позже причисленный к сонму святых. Место смерти не конкретизируется, так как сохранились лишь самые общие сведения о произошедшем. Но в моем представлении злодеяние случилось на землях древней Берестейщины, поскольку кривичские, дреговичские и радимичские территории уже приняли к тому времени христианство в его византийском варианте, а польские — в римском. Вряд ли древнеславянская рука поднялась на христианского проповедника (хотя язычество отступало медленно). Выходит, варварами могли быть язычники ятвяги, вклинившиеся между славянами, делившие их и мешавшие христианам в контактах (Жемайтия мешала меньше, ибо находилась как бы в стороне). Не забудем, что окончательное размежевание православия и католицизма в 1009 году еще не наступило.

«Это и наш праздник?»

Такой вопрос я слышал из уст нескольких знакомых. Встречал его и в прессе в самых разных формах. Хочу успокоить: конечно, и наш, потому что упоминается Русь. Напомню, что это не Россия, а, говоря словами классиков марксизма, «Русь Литовская». А русины — наши предки, звавшиеся тогда еще преимущественно кривичами, радимичами и дреговичами. Вот бы знать: называли ли

их те же викинги-варяги уже обобщенно — русинами? И наконец серьезно поставит вопрос: сколько вообще лет названию Русь применительно к белорусским землям? Я уверен — больше тысячи; во всяком случае, в определении немецких хронистов мы уже идем на равных.

А празднование? Отчего же — и мы празднуем, вернее, отмечаем тысячелетие, ибо слова «праздник» или «юбилей» здесь не совсем подходят — все-таки речь идет о смерти человека — бедного кверфуртского архиепископа Бруно. Отмечаем, пусть и не так массово и не на таком уровне, как в Литве, где древнее название племени или воинской прослойки (славянской или балтской — споры здесь не затихают) почти совпадает с нынешним названием государства — Летува. Напомню: у нас совпадение меньшее, но оно — Русь — ведь тоже осталось.

О совместной годовщине шел заинтересованный разговор на встрече литовских и белорусских историков, а потом и филологов в посольстве Литвы в Беларуси. Отрадно подчеркнуть, что прежде (в первой половине 1990-х годов) противостояние «стенка на стенку» (вспоминаются конференции в Риме, Люблине, Гервях, Гродно, Тракае) сменилось диалогом, где до полного взаимопонимания, конечно, было еще далековато, но участники «круглых столов» уже начали, как выразился один из выступавших, друг друга слушать и слышать. В Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа успешно прошла международная конференция «Миллениум Литвы», организованная одноименным белорусским общественным комитетом, той же библиотекой и Польским институтом в Минске. Думаю, нашему взаимопониманию будет способствовать антология научных и литературных текстов «Тысяча гадоў добраму суседству», которая тогда совместно готовилась к печати.

Литва или литва?

В связи с тысячелетием в Литве, Беларуси и Польше появилось немало новых книг, а также циклов статей о том, что собой

представляли Русь и Литва в те далекие времена. И как писать эти слова: с большой буквы — как названия государств — или с малой — как определения этнических сообществ? И чье это племя — литва: балтское или славянское? Для того чтобы считать его балтским, вроде бы нет достаточных археологических и языковых доказательств. Та же самая ситуация возникает, если поставить литву в один ряд с кривичами, дреговичами, радимичами, волынянами.

Вот почему некоторые историки призывают литву считать не восточнославянским, а западнославянским племенем, пришлым с берегов Эльбы. Так, русский историк Михаил Голденков, переехавший из Томска в Минск, в своей остроподемической, выдержавшей два издания книге «Русь — другая история: Украина, Беларусь, Литва», суммируя утверждения других исследователей, доказывает: племя, давшее потом имя Литве как стране, первоначально образовалось в провинции Мекленбург, на берегах Северного моря, где находился город Лютенбург и жили лютичи (лютва). А потом они под натиском германцев и франков оставили своих ближайших славянских соседей, лужицких сербов и кашубов, переселились в верховья Немана и Вилии. Об этом, мол, свидетельствуют названия трех деревень Литва на территории сегодняшней Минщины, по две деревни Литовск и Литвиновы на Гродненщине. Голденков, естественно, призывает не подменять сегодняшними терминами «Литва» и «Россия» прежние этнические понятия.

Но, признаться, концепция Михаила Голденкова и его единомышленников показалась мне недостаточно убедительной: ну почему же этот западнославянский этнос селился не кучно (так легко было бы выстоять), а разбросанно, точно... Это противоречие исчезает в книге минчанина Здислава Сицьки «Утроп літвы» (Барановичи, 2009). Слово «утроп» используется автором в соответствии со словарем С. Некрашевича и М. Байкова и обозначает «идти следом».

Так вот, З. Сицька в своей основательной, подкрепленной множеством библиографических ссылок книге убедительно доказывает, что литва — никакой не этнос, а сословие, служивые воины, рыцарство (похожее на боярство), вытесненное с побережья Север-

ного моря. На новых, восточнославянских, землях оно служило новым хозяевам снова же оружием, селилось в местечках и деревнях отдельными «концами» (красноречивый пример — кривичские Обольцы или деревня с озером Литовка, в народе — Лютовка, под самым Новогрудком. Последний факт очень интересен в связи с утверждением Виюка Кояловича, что Миндовга короновали именно возле Новогрудка), а потом пробивалось к власти, основывало собственные усадьбы и даже замчища. Давало, добавим от себя, князей и, весьма вероятно, первого и последнего литовского короля Миндовга. Все спорят, откуда он мог взяться в Новогородке, а его как смелого и умного воина просто могли пригласить из соседней с городом Литовки (Лютовки). К такому неожиданному выводу пришли мы в разговоре с известным историком-латинистом Алесем Жлуткой.

И такие толкования, думается, сегодня удовлетворят и белорусов, и литовцев. О пришельцах с берегов Эльбы, как, скажем, и о викингах, уже не станешь спорить: кто же они, дреговичи или аукштайцы?

Спросите у городов!

Конечно, ответ на поставленный в заголовке вопрос, сколько лет нам, доказательнее всего искать в письменных источниках. Однако не грех также спросить и у археологов, ведущих раскопки в самых старых городах и правомочных увеличить их возраст, как то случилось с Киевом, на несколько столетий. Ведь в 1009 году эти поселения уже существовали, торговали, процветали! Существовали как города — кривичские, дреговичские, радимичские, т. е., обобщенно говоря, русинские. И уже, подчеркну, — христианские, православные. Позволю себе здесь вспомнить энциклопедические истины. Первый раз Полоцк (Полотеск, Полотьск, у скандинавов — Полтеск) упоминается в «Повести временных лет» (Лаврентьевском и Ипатьевском ее списках) под 862 годом, «Полоцкая земля» (в смысле княжество) — под 980-м, а Полоцкая православная епар-

хия — под 992-м. Туров как центр княжества в той же «Повести» — под 980-м. Это раньше, чем 1009 год. Отсюда, возможно, и белорусская сдержанность к миллениуму.

Как свидетельствуют археологические находки, в первом тысячелетии нашей эры уже вели торговлю и многие другие «русинские» города: Витебск, Заславль, Друцк, Могилев. Уже был Минск. Известный историк нашей нынешней столицы профессор Захар Шибeko сказал по этому поводу:

— Оставим в стороне давнишние споры, что первоначально Минск существовал в другом месте, над рекой Менкой, откуда и название города, что «переселился» он к слиянию Свислочи и Немиги после пожара, следы которого действительно обнаружили над Менкой археологи. Но ведь чтобы зафиксировать летописный факт битвы над Немигой, состоявшейся 3 марта 1067 года, чтобы состоялась сама битва, несомненно, у стен замка, за которыми прятались жители, необходимо было, чтобы город уже существовал. А городище у «Немиги кровавых берегов» могло возвышаться «до того» уже не одно столетие, ибо переселялись ведь не на пустырь.

Значит, мы имеем все права наряду с тысячелетием Литвы отмечать и по меньшей мере тысячелетие Руси. Ведь если бы наши историки не были бы, как бы тут помягче сказать, такими скромными, то могли бы сегодня свой отсчет вести хотя бы от 862 года!

«Реконструкция» Берестья

Как одно из доказательств здесь «в строку» как раз очень хорошо ложится также книга «Брест на перекрестке дорог и эпох», только что вышедшая к 990-летию города над Бугом. Возможность провести «зримое путешествие в пространстве и времени» читателям предоставил автор концепции издания и его текста Александр Суворов. На Бресте я остановлюсь несколько подробнее, потому что, как увидим дальше, он имеет самое непосредственное отношение к нашему близкому юбилею уже не как Руси, а как Беларуси.

Однако все по порядку. Сначала — о самой книге. Она оригинальна, хороша в полиграфическом отношении. Автор рассказывает не о сегодняшнем Бресте, а наглядно, как в документальном кино, реконструирует шаг за шагом его сложную историю. Ведь сам город-то не один, их четыре: Берестье, Брест-Литовск, Брест над Бугом и просто Брест — центр современной области. Они не совпадают как по дислокации (перемещение в связи со строительством крепости, пожары, военные разрушения, смена власти), так и по внешнему виду. По информации А. Суворова, который опирается на мнения историков, прежде всего открывателя древнего, деревянного, Берестья Петра Лысенко (ставшего рецензентом первой части книги), восточные славяне (бужане, дреговичи) поселились у слияния Мухавца с Бугом уже в VII веке. Новые раскопки свидетельствуют, что Берестье существовало примерно с 960 года. Упоминается же оно впервые в Новгородской летописи в строках, где говорится о событиях 1017 года. Но почему-то более «удобной» ученым показалась «Повесть временных лет», где сказано, что в 1019 году бесовская сила «принесоша к Берестью» князя Святополка... От этой даты и ведется отсчет, скажем, в «Беларускай Энцыклапедыі».

В юбилейной книге говорится, что в XII–XIII столетиях Берестье не раз меняло своих князей-властелинов. То оно, крупный ремесленный и торговый центр, входило в Туровское княжество, а вместе с ним — в Киевскую Русь. То становилось желанной вотчиной для западных соседей, предков нынешних поляков. А с 1199 года (запомним эту дату!) вошло в состав мощного Галицко-Волынского княжества, противостоящего Киевской Руси.

Так сколько же лет Беларуси?

На различных международных научных конференциях мне удалось проводить скрытый или явный опрос, с какого времени нам вести возрастную отсчет Беларуси. Большинство без сомнений отвечало: что за вопрос, конечно, с начала XX века — от БНР или

БССР. Ученые, интересовавшиеся славянской историей, еще вспоминали, что после разделов Речи Посполитой в Подвинье и Поднепровье образовались белорусские губернии, просуществовавшие до 1840 года. Кое-кто знал, что еще в XVI веке собиратель пословиц Соломон Рысинский, родившийся в Полоцком воеводстве, считал себя по-гречески леукороссом, т. е. белорусом. А вот его предшественник Франциск Скорина называл себя то русином, то литвином.

В трудах же самых дотошных белорусских, русских и украинских историков отправной датой считался 1472 год. Тогда в грамоте, направленной Папе Римскому Сиксту, великий московский князь Иван III именовал себя также «князем Белой Руси» (*Ioannes dux Albae Russiae*).

Более чем на сто лет Беларусь повзрослела в 1979 году, когда М. Колкер, американский исследователь средневековой Европы, опубликовал в журнале *Speculum* («Зеркало») найденную им в Дублине рукопись XIII века «Описание земель», где рассказывается и о землях литовских. Автором описания является не пересказчик чужих наблюдений, а, что особенно ценно, очевидец — ирландский миссионер, проповедовавший католичество среди ятвягов и жемайтов и присутствовавший на коронации Миндовга. Место проведения торжества определено весьма приблизительно: это «смежная с Русью земля Литва», лежащая на восток от Жемайтии. На восток же от Литвы, говорится в «Описании», находилась «Белая Русь» (*Alba Ruscia*), в которой уже присутствовал «брат Войслан» и через которую другому из миссионеров следовало отправиться на север, к язычникам-карелам.

Пока статья М. Колкера дошла (через Литву) до Минска, прошло 20 лет. По моей просьбе дублинской находкой занялся культуролог, знаток летописей Вячеслав Чемерицкий. На семинаре «Белорусско-ирландские историко-культурные связи» (1999), организованном Международной ассоциацией белорусистов, он выступил с обстоятельным докладом, который через год был опубликован в сборнике «Беларусь – Ирландия» (14-й выпуск «Беларускі»), но это «повзросление» нынешнего названия нашей страны осталось не замеченным историками.

До 800-летия осталось 0 лет

И вот председатель Венгерской ассоциации белорусистов профессор Андраш Золтан в начале 2008 года присылает мне не менее сенсационную, но уже более конкретную публикацию — «Вугорска-беларускі слоўнік» под редакцией Атиллы Голаша и Ларисы Станкевич (Ниредьгаза, 2007), который уже сам по себе является сенсацией. Это пятый (после греческого, японского, английского и немецкого) неславянско-белорусский словарь. На очереди, насколько знаю, — латышский, испанский и китайский. Следует еще добавить, что «Вугорска-беларускі слоўнік» на 13 000 слов вышел вслед за учебником белорусского языка для венгерских студентов и при поддержке посла Беларуси в Венгрии Елены Купчиной.

Однако особенно сенсационным показался мне первый абзац «Предисловия» к словарю. Прочитую его в оригинале: «Вугорска-беларускія культурныя сувязі бяруць свой пачатак у сярэднявеччы, пры гэтым першая фіксацыя этноніма беларус (здесь и дальше выделено в оригинале. — **А. М.**) на лацінскай мове звязана з каранаваннем у 1217 годзе ў Галіцыі караля Кальмана, сына вугорскага караля Андраша II. Кальман атрымаў тытул (і) «караля беларусаў» (Rex Ruthenorum Alborum)». Прочитированные строки прямо указывают на круглую годовщину первого упоминания в печатном источнике названия нынешней нашей страны.

А затем получаю названный уже альбом «Брест на перекрестке дорог и эпох», сопоставляю даты. Выходит, что в 1217 году город на Буге входил в состав Галицко-Волынского княжества, что это ради него (а может, еще Новгородка) при коронации Кальмана к его титулам было добавлено словосочетание «король белорусов».

И тогда подумалось: а не соединить ли нам эти два юбилея — тысячелетие Бреста, законно «постаревшего» на два года, и восьмисотлетие первого упоминания нашего этнонима — в одном и том же 2017 году?! Восьмисотлетие скромнее, чем тысячелетие наших

соседей, но тоже очень значимо — как для нашего самоуважения, так и для имиджа в Европе и мире.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2009. — 3 сент.

Ягамосць рукапісны дакумент

У старажытных часы да дакументаў, асабліва калі гэта быў прывілей, калі ён быў падпісаны каралём, канцлерам ці маршалкам, замацаваны «віслымі» пячаткамі, ставіліся з павагай, перадавалі яго з пакалення ў пакаленне. Як і асобу, што падпісала яго, дакумент называлі Ягамосцем.

Цяпер дакумент можа быць розны — і друкаваны, і віртуальны. А раней, у часы Вялікага Княства Літоўскага і аж да XX стагоддзя, ён быў толькі рукапісны. Праўда, часам друкаваліся кніжачкамі прамовы ў сеймах, сейміках і судах, «плачы» пры пахаваннях знакамітых асоб. Але сёння такія дакументы часу захоўваюцца ўжо не ў архівах, а ў бібліятэках.

І яшчэ адна акалічнасць. Наколькі я заўважыў, у пэўнай часткі нашага насельніцтва ёсць непаважлівыя адносіны да архіўных рукапісаў. Але ўявіце сабе, што здарылася б, калі б зніклі архівы. Мы нічога (ці амаль нічога) не ведалі б пра сваё гістарычнае мінулае. А наступныя пакаленні мелі б вельмі прыблізныя ўяўленні пра нас. Па гэтых і іншых прычынах пры Міністэрстве юстыцыі Беларусі дзейнічае Дэпартамент па архівах і справаходстве, выдаецца кварталнік «Архівы і справаходства», існуе грамадская Археаграфічная камісія, да якой і я маю гонар належаць.

Вывікі працы архівістаў краіны, акрамя афіцыйных справаздач, падводзяцца таксама на штогодніх паседжаннях Археаграфічнай

камісіі. На апошнім, у дакладзе кіраўніка Дэпартамента Уладзіміра Адамушкі, выступленні прадстаўнікоў абласных і занальных архіваў ішла гаворка пра несумненныя поспехі ў дадзенай сферы. А гэта і новыя кнігі (пра адну з іх пойдзе гаворка далей), і цікавыя знаходкі, і плённыя міжнародныя кантакты. Нямала зборнікаў архіўных матэрыялаў выдаецца супольна з расійскімі, украінскімі, польскімі, нямецкімі калегамі. Вядзецца віртуальны абмен дакументамі. Так, з Масквы, дзякуючы дапамозе Нацыянальнай камісіі па справах ЮНЕСКА Рэспублікі Беларусь, паступіў вялікі збор рукапісаў дзяржаўнага дзеяча і кампазітара Міхала Клеафаса Агінскага, два дзесяцігоддзі «прапісанага» ў Залессі, што паміж Маладзечнам і Смаргонню. А немцы гатовы нам перадаць цэлы фонд, звязаны з родам Радзівілаў.

Плён міжнародных кантактаў беларускіх археографіў знайшоў адлюстраванне ў чарговым, сёмым выпуску навуковага зборніка «Архіварыус» (2009). Як характэрны прыклад, у ім называлася публікацыя кандыдата гістарычных навук Вольгі Гарбачовай «Дзейнасць Ігнація Дамейкі ў Таварыстве навуковай дапамогі ў Францыі».

Знаходзячыся ў Парыжы, аўтар засяродзіла ўвагу на пошуках і апрацоўцы матэрыялаў пра нашага славутага суайчынніка, ураджэнца Медзвядкі цяперашняга Карэліцкага раёна, які потым стаў нацыянальным героем Чылі. У выніку аказалася, што Ігнацій Дамейка разам са сваімі землякамі і сябрамі паэтам Адамам Міцкевічам, мастаком і кампазітарам Напалеонам Ордам імкнуўся палегчыць жыццё іншым выхадцам з беларускіх зямель, якія апынуліся на чужыне пасля паўстання 1831 года. З забыцця паўстаюць факты, імёны.

На прэзентацыі кнігі гаварылася, што зарубежных навукоўцаў таксама зацікавяць матэрыялы: «Крыніцы па гісторыі роду кн. Радзівілаў ў архіве і бібліятэках Познані (Польшча)» Вольгі Папко, «Лісты маладых князёў Алелькавічаў з Італіі» Анастасіі Скеп'ян, «Род галандскіх дваран Гартынгаў на Беларусі» Вадзіма Урублеўскага, «Дзённік падарожжаў Э. Гендэрсона як крыніца па гісторыі Беларусі першай чвэрці XIX ст.» англійскага славіста (скарыназнаўца) Юрыя Снапкоўскага. Спецыяльна паўтараю гэты

пералік для нашых зарубежных чытачоў, бо ведаю, як нялёгка даецца ім пошукавая бібліяграфічная інфармацыя.

Аднак што датычыцца мяне як чытача, то найбольшую цікавасць у зборніку выклікалі даведачныя публікацыі тыпу «Малы гербоўнік Рагачоўскай шляхты» Зміцера Яцкевіча ці «Спіс шляхты Магілёўскай губерні за 1783–1784 гг.» Яўгена Анішчанкі. Спачатку падумалася: ну што можа даць «голы» пералік прозвішчаў і імёнаў землеўладальнікаў шляхецкага саслоўя? Але потым успомнілася, што нябожчык Уладзімір Караткевіч калісьці па-сяброўску хваліўся шляхецкім паходжаннем свайго роду і адначасова шкадаваў, што няма таму канкрэтных доказаў... І (вось узрадаваўся б ён!) знаходжу, што ў вёсках Кароткія, Струмень, Багданавічы і Салтанаўка пражывала ажно 26 землеўладальнікаў Караткевічаў мужчынскага полу. Прыгонных у іх падпарадкаванні не было. Толькі зямля. Значыць, як і сяляне, жылі яны з працы сваіх рук. Але ўсё ж былі вольнымі, маглі вучыцца... Тое ж можна сказаць пра род Багдановічаў (31 «саўладальнік сяла»), Грамыкаў (тых у сяле Грамыкі аказалася ажно 80, і адзін з іх, відаць, быў продкам вядомага савецкага дыпламата). І гэтак далей.

| Голас Радзімы. — 2009. — 16 ліп.

В 1392 году в Новогрудке повенчались католик Владислав Ягайло и православная Софья Гольшанская, единственная королева-белоруска

| Предвижу возражения: как я посмел королеву Польши, четвертую жену Владислава Ягайло, причислить к белорусам?! Ведь тогда вроде бы не было самой Беларуси.

Как правило, наши земли называли Русью или Русью Литовской, где первая часть наименования обозначала этническую, а вторая — государственную принадлежность. Но ведь и России тогда еще не существовало, а была только Московия, и нынешнюю Украину именовали Киевской Русью, а современную Литву — преимущественно Жемайтией. И существовали же предки у теперешних жителей этих стран! Наши соседи-литовцы в 2010 году закономерно отметили тысячелетие первого упоминания Литвы в письменном источнике. А у нас не хватило смелости назвать вещи своими именами: событие, о котором в том источнике рассказывалось (убийство канонизированного потом монаха-миссионера), произошло «на границе с Русью», то есть с нынешней Беларусью!

Да и название Белая Русь применительно к нашим предкам во времена Софьи Гольшанской тоже существовало. Мне уже приходилось писать: еще в середине XIII столетия один ирландский монах-путешественник, присутствовавший на коронации Миндовга, утверждал, что восточнее литовских земель находится *Alba Ruscia*. Этими же латинскими словами были названы земли нынешних Брестчины и Новогрудчины во время коронации в 1217 году на галичско-волинский престол венгерского королевича. Как видим, и мы через пять лет будем иметь возможность отмечать юбилей пока первого известного упоминания на письме нашего нынешнего государственного наименования.

Белоруска и единственная? «А как же Барбара Радзивилл?» — скажет кто-то. Ну не поднимается у меня рука приписать Барбару к белорускам. А Софья происходила по матери из православных князей Друцких, живших на Полоцкой земле. Воспитывалась в Друцке в семье любимого дядюшки Семена, верного православным традициям. Да и балтское происхождение полуполегендарного Гольши, который согласно «Хронике Быховца» основал на реке Корабль город Гольшаны и дал начало роду князей Гольшанских, тоже вызывает сомнения. Что же касается определения «единственная», оно, увы, сомнению не подлежит. Больше наших коронованных соотечественниц история не знает. Правда, делались

попытки найти подругу жизни для Петра I среди жительниц Могилевщины, но там — ни королева и ни царица.

Венчание

Нсовременники, и потомки считали брак Софьи и Владислава неравным: ему было около шестидесяти, ей — около семнадцати. Точная дата венчания тоже спорна: в польских источниках называется то 22, то 24 февраля 1422 года, в «Беларускай энцыклапеды» указано 24 марта. Стремясь уточнить дату, я позвонил писателю и дипломату Анатолию Бутевичу, автору популярной книги о Софье Гольшанской («Каралева не здраджвала каралю»). И он разъяснил причину такого разнобоя. Оказывается, в официальном документе записано лишь, что венчание состоялось на «запусты», то есть на «заговенье», в последнее воскресенье перед Великим постом. По григорианскому календарю, оно могло датироваться как последней декадой февраля, так и мартом. Надеюсь, со временем удастся окончательно уточнить это немаловажное обстоятельство.

Для меня не менее важно установить, почему бракосочетание свершилось именно в Новгороде — из Гольшан невесте, наверное, проще было бы поехать навстречу жениху в более престижное Вильно. И все-таки выбран Новгородок. Причин тому несколько. Во-первых, здесь только что освятили костел, возведенный великим князем литовским Витовтом. С Витовтом в 1392 году был заключен в Острове около Лиды судьбоносный для трех народов (белорусского, литовского и польского) мир, без которого не было бы и победы под Грюнвальдом в 1410 году. Во-вторых (и, может, это самое важное), Новгородок уже был в некотором смысле освящен прошедшей здесь как в столице ВКЛ памятной коронацией Миндовга. А, в-третьих, город располагался на пути из Кракова в Вильно и Троки, резиденцию Витовта.

Но торопился ли Ягайло в Вильно и Троки? Летописи сообщают только, что после Новгородка Софья и Владислав поспешили (ведь

через два дня начинался Великий пост) отпраздновать бракосочетание в Лиде. Туда же приезжал из Трок Витовт, а из Рима — умнейший «референт» Папы Римского Антоний Зено. А, может, их главная встреча состоялась в расположенном по соседству таинственном Острове? Надеюсь в этом вопросе на помощь литовских и польских историков.

Хотел бы я также знать, кому принадлежал тот Остров в XIII–XIV столетиях и куда оттуда направились супруги — в Трок к Витовту (через Вильно) или прямо в Краков. Для второго варианта причины выглядели весомее: ведь венчание — еще не вступление на престол, а к нему Витовт относился сначала сдержанно, а потом — со скрытой враждой.

Коронация

Однако торжественный акт коронации свершился только через два года. И понятно почему. Были сомнения, вызванные как неравенством супругов по возрасту, так и ранее заключенными династическими обязательствами, связанными с 14-летней дочерью Ягайло от третьего брака Ядвигой. Да и Витовт косо смотрел на перспективу, что в случае смерти его двоюродного брата на престол вступит не он, а новорожденный наследник. Отсюда всяческие интриги и подозрения насчет «русинки». Главным, но, скорее, скрытым противником Софьи стал всемогущий краковский епископ кардинал Збигнев Олесницкий. Еще бы! Уроженка «диких лесов» привезла с собой в Краков не только множество придворных, но и православные традиции. Польская общественность стала толерантнее относиться к «восточной вере», «тоже христианской». В костелах появились иконы византийского стиля. Однако в лагере Олесницкого просчитались, видя в Софье только «русскую красотку» (*ruthena virgo*). Она была еще и волевой личностью, умным политиком, тонко лавировавшим в новом для себя окружении, в том числе и среди недругов. И вскоре стала действовать в краковской среде вполне уверенно.

Мне кажется, что день коронации, 12 февраля 1424 года, прямо связана с другой датой. Немногим меньше, чем через девять месяцев, 31 октября, появился на свет первый из династии Ягеллонов — Владислав. И первыми признали его королевичем как раз краковяне, в том числе и люди из лагеря Олесницкого. Тут невольно поверишь бытовавшим тогда слухам, что королева, направляясь в Краков, прихватила с собой из Друцка чудотворное зелье.

У истоков скорининских свершений

Я не стану подробно пересказывать биографию Софьи Гольшанской. Заинтересованных читателей отсылаю к роману Анатолия Бутевича, статье историка Любови Соболевой в материалах «Гольшанских чтений», польским монографиям. Но чувствую себя обязанным среди многих положительных черт первой и последней нашей королевы выделить и подчеркнуть ее врожденное стремление к знаниям, историческую предусмотрительность. Иначе чем объяснить, что в 1433 году она поручила своему личному капеллану, чеху (чешский язык тогда стал в Польше признаком образованности) Энджи Яшовичу, перевод на польский язык Библии? А потом двухтомное издание этого перевода, именуемое сегодня «Библией королевы Софии», было украшено гербами короны и Литвы. А в 1491 году Казимир Ягеллон, третий сын Софьи и тогда король Польши, способствовал печатанию первого кириллического издания Священного Писания в Кракове Швайпольштом Фиодем — адресованного уже «русским» землям нынешних Беларуси и Украины. Я теперь уверен: эти издания были известны Скорине и именно под их влиянием он поехал учиться в Краков и печатать свои переводы в Прагу. Способствовали ему в этом благородном деле, как увидим дальше, именно господствовавшие там Ягеллоны.

Ягеллоны

Род Ягеллонов стал реальностью. Вслед за Владиславом III, героически погибшим в войне с турками в битве под Варной и поэтому прозванным Варненчиком, родились рано умерший Казимир и Казимир Андрей (второе имя — от деда Андрея Гольшанского) Ягайлович. Последний стал в 1440 году великим князем ВКЛ, а в 1447 году — королем Польши Казимиром IV.

Если Софья и Владислав Ягайло выступили зачинателями династии Ягеллонов, то фактическим ее создателем явился Казимир IV. Он имел шестерых сыновей и семь дочерей. Все они заняли достойные места на европейских престолах, в истории различных стран и народов: Владислав II стал королем Чехии и Венгрии, Казимира канонизировали как святого, патрона Вильно и всей Литвы, Ян I Ольбрахт, Александр и Сигизмунд (Сигизмунд I Старый) поочередно занимали польский королевский и великокняжеский литовский престол. Последний из перечисленных являлся внебрачным отцом виленского епископа Яна, у которого секретарем-помощником служил Скорина. Сигизмунд I Старый, муж знаменитой королевы-реформаторши Боны, помог белорусскому первопечатнику выйти из тюрьмы в Познани и, очевидно, из дальнейших критических ситуаций. Значительна роль и некоторых дочерей Сигизмунда Старого: Анна Ягеллонка, выйдя замуж за Фердинанда Габсбурга, стала королевой Венгрии и Чехии, несомненно, именно она помогла Скорине устроиться в Праге в королевском саду лекарем-ботаником, а вторая дочь, Ядвига, породнила Ягеллонов с Гогенцоллернами.

В 1572 году скончался Сигизмунд Август, сын Боны и Сигизмунда Старого, многострадальный очередной муж Барбары Радзивилл. Вместе с ним оборвалась мужская линия Ягеллонов, но женская благодаря наследникам Габсбургов и Гогенцоллернов продолжается до сих пор. Вот что на этот счет говорится в «Беларускай Энцыклапедыі»: «По женским линиям Казимир IV Ягеллончик является предком всех теперешних европейских королей и господствующих князей, а также тех династий, что потеряли

престолы в итоге революций в XVIII и XIX вв. и многочисленных аристократических семей». Короче говоря, нынешняя европейская королевская элита восходит своими корнями к нашей Софье Гольшанской и должна была бы помнить о своей гольшанской прародине, участвовать в сохранении там памяти о «матери королей».

О Кракове — в Кракове

Недавно под эгидой ЮНЕСКО в Кракове состоялся «круглый стол» под названием «Наследие и его охрана». Организовали форум Международный центр культуры в Кракове, охватывающий своей деятельностью всю Европу, и Польский институт в Минске. Я представлял Комиссию при Совете Министров Беларуси по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в научный и культурный оборот национальных культурных ценностей, которые оказались за пределами Беларуси, и комиссию «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры. Естественно, я не мог не выполнить пожелание жителей Гольшан о том, что это древнее местечко должно быть включено во Всемирный список культурных ценностей ЮНЕСКО. Во-первых, здесь находится знаменитый Гольшанский (Ольшанский) замок, воспетый Владимиром Короткевичем. Во-вторых, возвышается замечательный памятник местного барокко — жилой корпус монастыря францисканцев и костел во имя Иоанна Крестителя с захоронениями Сапегов. В-третьих, Гольшаны располагаются на бойком туристическом пути. Но самое главное — это родина зачинательницы династии Ягеллонов, первой и последней королевы-белоруски... И вдруг слышу в зале негромкий шумок: а можно ли согласиться с таким определением? Привел я тогда аргументы, перечисленные в этой статье. Добавил к ним новые: ведь еще Ян Вислицкий в своей поэме «Прусская война» (1516) назвал Софью Гольшанскую «дочерью земли белорусской», да и сам Ягайло обращался к Витовту с такими словами: «...а теперь прошу тебя, сосватай мне у князя Семена племянницу меньшую Софью,

чтобы я за себя замуж взял, может, хоть с рода русского (выделено мною. — А. М.) мне Бог детей даст».

А еще я предложил во время запланированного посещения Вавеля возложить цветы к месту захоронения Софьи Гольшанской. Перед смертью она завещала, чтобы обряд был совершен в соответствии с восточной христианской традицией — в часовне во имя Святой Троицы кафедрального костела, у ее западной стены. «Показательно и то, — цитирую Л. Соболеву, — что часовня расписана русскими, белорусскими и украинскими мастерами. Многие фрески скомпонованы по православному канону». После этой и других цитат несогласных в зале уже не осталось.

И опять — Гольшаны

Когда писались эти строки, раздался звонок председателя Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО Владимира Счастливого, сопредседательствовавшего на том заседании «круглого стола» в Кракове. Он сообщил, что поляки инициировали документальное оформление предложений по Гольшанам. Мы пришли к согласию, что лучше всего включить их в разрабатываемый ознакомительный маршрут ЮНЕСКО «По храмам-крепостям и замкам белорусского, литовского и польского пограничья». А в восстановленной башне замка объединенными усилиями создать музей Софьи Гольшанской и более поздних владельцев местечка Сапегов.

В тот же день я получил приглашение из Ошмян на очередные международные чтения, организуемые Институтом истории Академии и местными властями. Значит, подумал я, опять пойдет речь о Софье Гольшанской и других знаменитых людях богатого своими историческими традициями края...

| СБ. Беларусь сегодня. — 2012. — 2 июня.

Возможен ли общий взгляд историков?

Как уже сообщалось в «СБ», посольство Литвы в Беларуси и Польский институт в Минске в 2009 году организовали международный «круглый стол» под обязывающим названием «Европейская традиция и наследие Великого Княжества Литовского. Возможен ли общий взгляд историков?» Участие в дискуссии приняли ученые трех стран.

Сближение взглядов белорусских и литовских историков на свое прошлое, равно как и позиций ученых других государств, возникших на территории ВКЛ и Речи Посполитой, началось далеко не сегодня. Это волновало еще участников международной конференции «Рим-1» в 1990 году, когда по инициативе известного польского ученого Ежи Ключовского (Люблин) было решено ради этого же сближения создать четыре научно-популярные книги, своего рода учебники истории Беларуси, Литвы, Польши и Украины, и перевести их на три остальных языка. Идеи, прозвучавшие на конференции «Рим-1», получили благословение понтифика Иоанна Павла II, принявшего и выслушавшего нас.

О ходе работы над четырьмя историями шла речь на следующих ежегодных «римских» встречах: в Каменец-Подольском, Люблине, Гродно и Тракае. Белорусы первыми справились с ответственным заданием. В срок выполнили работу польские и украинские авторы. Но в Тракае (1994) выяснилось: литовские авторы под руководством бессменного Юозаса Тумялиса «приватизировали» ВКЛ, объявив его наследие исключительно достоянием современного литовского государства (мол, для этого дают основания давнишние определения типа «Минск-Литовский» и «Брест-Литовск»). Тракайской встречей, особенно после оскорбительных высказы-

ваний в вильнюсской печати, и прекратилось проведение «римских» конференций.

Таким образом, высказал я предложение во вступительном слове на нынешнем «круглом столе», мы имеем моральные право именовать эту ноябрьскую встречу в Минске «Римом-VI». И есть основания надеяться, что она станет конструктивнее, чем «Рим-V» в Тракае. Ведь за последние годы мы уже научились слушать и слышать друг друга, без чего невозможно никакое взаимопонимание.

Если речь идет о европейских традициях в истории как самого ВКЛ, так и его законных наследников, то они бесспорны и влияние их плодотворно. В этом смысле трудно переоценить значение для активизации связей с Западной Европой крещений и коронаций Миндовга и Ягайло в соответствии с римско-католическим обрядом. Конечно, православие, уже господствовавшее в Полоцком, Туровском и Новогрудском княжествах до их вхождения в ВКЛ, воспринималось ближе и в территориальном, и в семейном плане. Но обуздать воинственных крестоносцев было легче, сделав своим союзником Рим. В дипломатии и Миндовгу, и Ягайло, и Витовту не откажешь: Грюнвальд предопределило, подготовило уже само крещение Литвы. Конечно, в западных влияниях таились и свои издержки, ведущие к конфессиональному раздвоению белорусского этноса, вытеснению уже знакомого церковнославянского языка непонятной латынью. Но, с другой стороны, именно через Польшу и Чехию к нам пришли идеи Ренессанса и Реформации, мы обрели издания Скорины и Будного, произведения Миколы Гуссовского и Андрея Римши, несвижский фарный костел, ставший вторым по счету памятником архитектуры барокко в Европе.

Безусловно, европейские традиции прежде всего воспринимались и развивались в Вильно, где располагался великокняжеский двор, образовалось первое в ВКЛ высшее учебное заведение — Виленская академия (потом — университет). Однако огромная роль в распространении идей гуманизма, Реформации, а позже Контрреформации и Просвещения, новых художественных направлений барокко, классицизма и сентиментализма принадлежит «некорона-

ванной столице» ВКЛ Несвижу, магнатским дворам Сапегов в Ружанах, Огинских в Слониме, Хрептовичей в Щорсах, базилианским монастырям в Жировичах и Борунах и так далее. А сколько представителей местного магнатства (окружавших себя выходцами из мелкой шляхты, которые нередко даже превосходили по талантам своих патронов) отправлялось на учебу в западноевропейские университеты! Потом, возвратясь, они создавали памятники культуры, оставшиеся нам в наследие. Но в наследие — чье? По моему мнению, это наследие можно, опять-таки очень условно, разделить на три группы. Первая — памятники этнически литовской культуры: «Катехизис» Мартинаса Мажвидаса, издания Микалоюса Даукши, записи литовского фольклора. Вторая — издания Франциска Скорины, виленской типографии Мамоничей, предназначенных для православного «люду посполитого», значит, предков нынешних белорусов. Но как разделить летописи и статуты ВКЛ, Литовскую метрику, копившуюся в Несвиже, в архиве ВКЛ? Создавались они на древнебелорусском языке, но выражали общекняжеские идеи. И кому принадлежат памятники латиноязычной литературы, воспевающие мощь и величие ВКЛ, — вспомним хотя бы «Песнь о зубре» Миколы Гуссовского или поэмы Андрея Римши?

Очевидно, говорили участники «круглого стола» во время дискуссии, все это надо не столько делить, сколько воспринимать как единое, неделимое и неповторимое целое. Как феномен той, прежней Европы XIV–XVIII столетий и своеобразный, почти совершенный прообраз Европы нынешней, опять объединяющейся (будем надеяться). Дважды в одну и ту же реку войти нельзя, но использовать опыт прошлого надо стремиться.

Итак, если суммировать все мысли, высказанные во время дискуссии на «круглом столе», ВКЛ следует воспринимать не столько как идеал, а более как поучительный пример прагматического решения государственных, этнических, конфессиональных, культурных вопросов в сложных условиях нахождения между Востоком и Западом. Профессор Каунасского университета Эгидиус Александравичюс подчеркнул: именно своим многообразием плодотворны

традиции ВКЛ. Они не поддаются унификации, схеме, наброшенной сверху. Европе мы интересны как раз своей разностью — прежней и нынешней. Мы должны быть терпеливы к историческим мифам, «сказкам» своих соседей и одновременно критически подходить к собственным порождениям этноцентризма. Полное единство взглядов наших историков вряд ли возможно и целесообразно (ведь в споре рождается истина). Нам необходим здравый смысл, знание того, что пишется и провозглашается соседями, нам необходимо взаимопонимание.

Вступив в полемику, белорусский историк Георгий Голенченко высказал предостережение: мы не должны увлекаться историческими сказками — это не профиль специалистов. А кто тогда будет разоблачать «сказки»?! От себя добавлю: и умолчания. Например, говоря о коронации Миндовга, некоторые литовские историки не упоминают, что этот исторический акт совершился в Новогрудке, исследуя битву под Грюнвальдом, не говорят, что наибольшие потери в сражении понесли хоругви, сформированные на белорусских землях.

На заседании «круглого стола» говорилось также о том, что расхождение взглядов историков порой неизбежно в силу различия национальных интересов. Скажем, литовцы и поляки должны понимать, почему белорусы, в отличие от них, положительно характеризуют сентябрьские события 1939 года. Ведь белорусы восприняли произошедшее как исправление исторической несправедливости, порожденной разделением белорусских земель в соответствии с Рижским договором 1921 года. На заседании даже прозвучала мысль, что белорусы должны были бы считать этот договор недействительным, поскольку их интересы оказались не учтены при его заключении.

Возник также вопрос о том, что белорусы, литовцы и поляки лучше всего бы могли познавать свои общие культурные ценности во время туристических поездок. Литовцев, скажем, заинтересовал бы маршрут «Золотое кольцо Беларуси», включающее замки и святыни, возведенные во времена ВКЛ, белорусов — памятные места Вильнюса, связанные с историей белорусской культуры, поляков —

места, связанные с жизнью и творчеством Адама Мицкевича и Элизы Ожешко. Как сказал в своем заключительном слове Чрезвычайный и Полномочный Посол Литвы в Беларуси Эдминас Багдонас, «втихую» все это делается, пора договориться «легитимно».

И еще одно странное, вернее, курьезное «разногласие». Уходя из здания литовского посольства, я заметил рекламный лист Музея центра Европы. Оказывается (каюсь: не знал), такой музей существует в 20 минутах езды от центра Вильнюса, около Зеленых озер. А я, грешный, все время верил, что этот центр в Беларуси: сначала — над Березиной, потом — у озера Шо, в последнее время — в Полоцке. Неужели и здесь мы не можем договориться, дабы не смешить людей?!

И все же, несмотря на скептическое высказывание польского историка Мариуша Савицкого: «А даст ли нам что-либо сия дискуссия?», мне кажется, разговор получился конструктивным и плодотворным. Прежде всего благодаря предложениям на будущее.

| *СБ. Беларусь сегодня. — 2009. — 1 дек.*

II. Шматгалоссе веравызнанняў

Шляхам згоды і святла

Роздум пасля выступлення Патрыярха Кірыла ў Палацы Рэспублікі

У Патрыярха Кірыла было шмат сустрэч на беларускай зямлі. Чалавек — істота ўвогуле кансерватыўная, што і добра, і дрэнна. Ён неахвотна развітваецца з ранейшымі напластаваннямі ў душы і сэрцы, рэдка адразу ж, лёгка пагаджаецца з нечым новым, што парушае ўстойлівыя стэрэатыпы. Пра гэта мне думалася пасля выступлення Патрыярха Кірыла на ўрачыстым сходзе ў мінскім Палацы Рэспублікі.

Прывяду прыклады, якія мяне ўразілі і пераканалі. Яшчэ са студэнцкіх часоў у глыбіні свядомасці адклалася параўнанне Расіі ды заадно і Украіны са старэйшымі сёстрамі, а Беларусі — з малодшай. Першыя, зразумела, асацыяваліся з больш магутнымі і разумнымі стварэннямі, а другая — з нечым кволым ды нягэлым. Я разумеў, што такія параўнанні пярэчаць майму беларускаму патрыятызму, спараджаюць небяспечны комплекс непаўнавартаснасці... Але стэрэатып укараніўся настолькі, што я знаходзіў суцяшэнне ў згодніцкім параўнанні Беларусі з Папялушкай: што ж, няхай яны будуць старэйшымі сёстрамі, але затое малодшая дзякуючы згубленай хрустальнай туфельцы ўрэшце сустрэне свайго каралевіча, знойдзе сапраўднае шчасце. Не бянтэжыла мяне няпэўнасць: а дзе ж тая туфелька, ці заўважыць яе казачны каралевіч? І адкуль ён з'явіцца? З іншага, суседняга каралеўства?.. Каюся: нават яшчэ ў 2006-м свой артыкул у варшаўскім зборніку, прысвечаным беларускаму і польскаму паэту і вучонаму Аляксандру Баршчэўскаму, я бяздумна азагаловіў: «Ці ператворыцца беларуская Папялушка ў панну на выданні?»

А Патрыярх Кірыл, глянуўшы на расцяжку на сцяне, якая заклікала да ўмацавання Беларусі, пацвердзіў: «Так, ваша краіна нам усім патрэбна толькі моцная і квітнеючая. І тут жа прыгадаў: у «Аповесці мінулых гадоў» ноўгарадская, полацкая і кіеўская Сафіі згадваюцца пад адным і тым жа 862 годам! І зробіў вывад: значыць, мы маем справу з трыма сталымі мужчынамі прыкладна аднаго і таго ж узросту; яны маюць асобныя хаты, але памятаюць пра агульную роднаскасць і прыходзяць адзін да другога з дапамогай!»

Міфалагема пра малодшую сястру выветрылася з маёй падсвядомасці імгненна!

Тое ж самае здарылася са стэрэатыпам «Беларусь — мост паміж Усходам і Захадам». Зноў каюся: я таксама некалькі разоў выкарыстоўваў яго, пішучы пра перакрываванне ўсходнеславянскіх, праваслаўна-візантыйскіх і заходнееўрапейскіх, каталіцка-раманскіх і пратэстанцка-германскіх традыцый і ўплываў. І толькі пасля адпаведных слоў Патрыярха зразумеў: мост — гэта ж нешта хісткае і няпэўнае, а пад ім — водная плынь. Чужы ўплыў толькі тады мае рацыю быцця, калі культурнае зерне падае на ўстойлівую глебу, можа на ёй прарасці да творчага сінтэзу. Карацей, калі перамагае сваё. Так нарадзіліся Скарына і Купала, «віленскае» барока, сліцкія паясы і драўляныя цэркаўкі на Палессі. Ды ці мала чаго іншага адметнага!

Яго Свяцейшаства шырока і плённа выкарыстоўваў як біблейскія, так і чыста літаратурныя вобразы і параўнанні, гаворачы пра патрыятызм, двойчы назваў Якуба Коласа, па разу — Багдановіча і Быкава. А мне прыгадаліся шматлікія выпадкі, калі ў нас, на жаль, блыталіся патрыятызм з варожасцю, нацыянальнае — з нацыяналізмам. Што, несумненна, вядзе да раздваення грамадства і вельмі аслабляе дзяржаву. Супрацьстаянне ці то ў супольнасцях, асабліва этнічных і творчых, ці то ў дыяспары (вунь у адным Санкт-Пецярбургу каля дзесяці беларускіх арганізацый!) часта заканчваецца, на жаль, не супрацоўніцтвам, а канфрантацыяй і анігіляцыяй. Раней мне здавалася, што «непрымірымыя» крочаць у адным шэрагу. А цяпер, праслухаўшы навучанні Патрыярха, выразна ўсвядоміў: яны ў такіх выпадках топчуцца на месцы. І хоць робяць выгляд, што дзьмухаюць адзін на другога, а на самай справе

раздзімаюць агонь нянавісці, які гарыць паміж імі. А нянавісць вядзе да грэху, духоўнага спусташэння. Бо ліха, пераконваў нас Першаіерарх, перамагаецца толькі Добром. Як цемра — Святлом.

| Голас Радзімы. — 2009. — 8 кастр.

Няхай абраз зноў творыць цуды

З сакавіка месяца 2012 года ў маёй памяці зноў і зноў узнікае той пахмурны дзень, дакладней, ранак, калі перад паездкай беларускай дэлегацыі ў Кракаў я стаяў ля акна на кухні, глядзеў на перадвеснавое неба і думаў, што ж мне казаць, што рабіць там як старшыні грамадскай камісіі «Вяртанне» пры Беларускам фондзе культуры. Не раз і ў Мінску, і ў Гомелі мне задавалі пытанні, чаму ні камісія, ні я асабіста нічога не робім, каб вярнуць у Юравічы, што ў Калінкавіцкім раёне Гомельшчыны (а калісьці яны былі ў Рэчыцкім павеце Мінскай губерні) чудатворны абраз Маці Божай, які пасля паўстання 1863 года быў патаемна вывезены ў Кракаў і цяпер там знаходзіцца на сцяне або ў алтары касцёла святой Барбары. А ў Юравіцкім праваслаўным храме засталася толькі яго копія... Таму слова «вяртанне» ўвесь час тады круцілася ў галаве.

І раптам пачуў нібы знутры і нібы здалёку выразны голас:

— Ніякае не вяртанне, а толькі абмен! Бо што падумаюць кракаўскія парафіяне, пабачыўшы ў касцёле замест таго абраза пустое месца?!

З гэтым цвёрдым рашэннем: «Толькі абмен!» я і паехаў у той дзень у польскае консульства, каб атрымаць на шэсць дзён камандзіроўкі бясплатную (бо ехаў жа я з навуковымі мэтамі) шэнгенскую візу. І якое ж было маё здзіўленне, калі, выслухаўшы мой кароткі аповед аб мэтах паездкі, пачуў у адказ:

— Справа гэта сур'ёзная і звязаная з узаемаразуменнем народаў і канфесій. Таму даем вам візу на пяць гадоў.

У той дзень добраспрыянні праявіліся яшчэ некалькі разоў. Але іх можна вытлумачыць і простымі супадзеннямі. А вось віза — гэта рэальнасць. Мае калегі, пачуўшы пра такі рэдкі выпадак, тлумачылі яго так: значыць, уся справа заўгодная добрым сілам...

Перад ад'ездам я пайшоў за блаславеннем і ў каталіцкую курыю, і ў праваслаўны экзархат. Але там пачуў, хутчэй, песімістычныя меркаванні: з часу вымушанага вывазу прайшло ўжо прыкладна паўтара стагоддзя — напэўна ж, згубіліся і правы, і сляды.

Той жа скепіс прагучаў і ў Польшчы пасля майго выступлення на беларуска-польскім «круглым stole», арганізаваным пад эгідай ЮНЕСКА Міжнародным цэнтрам культуры ў Кракаве і Польскім інстытутам у Мінску. Праўда, спачатку, калі я гаварыў пра ўвекавечанне памяці «маці ўсіх польскіх каралёў-Ягелонаў» і тым самым усіх каралеўскіх дынастый у сучаснай Еўропе двухканфесійнай Соф'і Гальшанскай і пра неабходнасць хутчэй нарашце адчыніць у Кракаве музей Гутэнаў-Чапскіх, перавезены туды са Станькава ў 1896 годзе яго ўладальнікамі ў шасці вагонах, усё разглядалася і вырашалася добразычліва, спрыяльна. Аднак, калі гаворка дайшла да цудатворнага абраза з Юравічаў, мне ціха, а потым усё гучней запырэчылі:

— Вяртаць вам? Перавозіць? Але куды? На глухое Палессе? У глухую цэркаўку? Да таго ж да Юравічаў абраз быў у Львове... Калі перавозіць, то, хутчэй, ужо туды...

— А да Львова быў Бар, — адважыўся парыраваць я. — Там гетман Рэчы Паспалітай Станіслаў Каныцпольскі, ратуючы абраз ад казацкага нападу, перадаў яго езуітам. Адзін з іх, папулярны ў народзе Марцін Тыраўскі, пераехаў на Палессе, збудаваў там, у Юравічах, на высокім беразе даліны Прыпяці драўляны храм і пакінуў у ім абраз, ужо шырока вядомы сваёй цудатворнасцю. Галоўны ж мой аргумент заключаецца ў тым, што абраз гэты яўна візантыйскага паходжання. Значыць, месца яму не столькі ў касцёле, колькі ў царкве, якая з 1995 года дзейнічае, адноўленая, у Юравічах пры жаночым праваслаўным мана-

стыры ў імя Раства Багародзіцы. Усё пытанне, — працягваў я аргументацыю, — можа быць вырашана безбалесна і дзеля карысці абедзвюх нашых канфесій, таму што гаворка ідзе не пра вяртанне, а пра абмен. Копію ж нашы продкі зрабілі так па-майстэрску, што пасля паўстання 1863 года, пры перадачы ў царкву, «падману» не заўважылі не толькі вернікі, але і праваслаўнае духавенства. Арыгінал жа знаходзіцца, кажуць у нас, у Кракаве, недалёка ад цэнтра, дзе мы засядаем, у касцёле святой Барбары, які таксама цяпер належыць айцам езуітам.

Дырэктар Міжнароднага цэнтра культуры прафесар Яцэк Пурхля разумна вырашыў пытанне ў той жа дзень: калі абраз з'яўляецца ўласнасцю айцоў езуітаў, то ідзіце прама да гаспадароў — няхай самі вырашаюць лёс старадаўняй рэліквіі.

Назаўтра, калі ўсе астатнія члены нашай дэлегацыі пайшлі на Вавель, каб у катэдры ўскласці кветкі да магілы Соф'і Гальшанскай, якая, думаецца, з цягам часу будзе кананізавана падобна Соф'і Слуцкай, мы, разам з супрацоўніцай цэнтра спадарыняй Козак, пайшлі да славутага мар'яцкага касцёла, ля падножжа якога прытулілася маленькая святыня святой Барбары. Зайшлі ў яе гатычна-барочныя сцены і адразу ж за дзвярыма, каля левай сцяны, убачылі алтар, а ўверсе яго — невялікі абраз. Адтуль сыходзіла добрае і светлае супакаенне. Пад яго ўздзеяннем пачынаю разумець, што вяртанне, а не абмен было б тут немаральным.

Абышоўшы мур, мы трапілі на невялікую плошчу і знайшлі дзверы, што вялі ў кляштар айцоў езуітаў. Тэлефоннае папярэджанне цэнтра падзейнічала: сустрэча адбылася з хрысціянскай добразычлівасцю. Я не буду пераказваць амаль гадзінную размову, прывяду толькі фразу, пачутую ў адказ на прапанову зрабіць абмен копіі на арыгінал:

— Калі на тое будзе воля Божая і адначасовае спрыянне двух міністраў культуры нашых краін, — усё мажліва.

Падзякаваўшы за такую надзею, асцярожна спытаўся, ці былі зафіксаваны цуды, здзейсненыя каля абраза пасля 1931 года, калі ён быў змешчаны тут, у алтары касцёльнай капліцы пад найменнем Маці Божай Балеснай. Адказ прагучаў адназначна: не, не зафіксаваны.

На развітанне я атрымаў ілюстраваную брашуру «Касцёл святой Барбары ў Кракаве» і паштоўкі з выявамі абраза і касцёла. Гартаючы падарунак, убачыў раздзел «Гісторыя абраза Маці Божай Юравіцкай» і «Малітву да Маці Божай Юравіцкай дзеля таго, каб выпрасіць асаблівую ласку». Ну, падумалася, на чытанне кніжачкі будзе час у цягніку Кракаў—Варшава, а малітву папрашу перакласці ў рэдакцыі «Нашай веры».

Аднак у цягніку ўвесь час пайшоў на абмеркаванне ўражанняў ад «круглага стала» ды планаў на бліжэйшую будучыню. Таму пры перасадцы ў Варшаве, калі калегі дружна скіраваліся аглядаць польскую сталіцу, я адмовіўся павандраваць па ёй яшчэ раз і скіраваўся ў чакальню, каб нарэшце грунтоўна пазнаёміцца з падарункам айцоў езуітаў. І не памыліўся, бо нарэшце зразумеў, чым тлумачылася іх звышдобразычлівасць.

«Палескі» раздзел брашуры пачынаецца вось такімі азнаямляльнымі сказамі: «Вялікай пашанай вернікаў акружаны абраз Маці Божай Юравіцкай у капліцы Маці Божай Балеснай. Яго паходжанне невядома. Паводле праф. Веслава Зажыцкага, гэты абраз візантыйскага паходжання быў намалёваны ў канцы XIV або ў пачатку XV стагоддзя, у ім ужо бачны ўплыў рэнесансу. Самыя даўнія звесткі пра абраз адносяцца да першай паловы XVII стагоддзя».

Далей гаворыцца, што, аказаўшыся ў Юравічах, абраз неўзабаве ператварыў гэтае невядомае мястэчка ў «славыты марыйны санктуарый». У першай палове XVIII стагоддзя езуіты ўзвялі там мураваны касцёл і сваю рэзідэнцыю. Пасля скасавання ордэна езуітаў (1773 г.) апекавацца санктуарыем найперш сталі айцы бернардыны, потым — айцы капуцыны. Пасля студзенскага паўстання Гуга Гадэцкі, «апошні юравіцкі пробашч, змясціў копію абраза Маці Божай у алтары, а праслаўлены ласкамі абраз пераказаў для перахавання Габрыэлі з Ваньковічаў Горватавай, жонцы маршалка (шляхты) Рэчыцкага павета». Дарэчы, дадам ад сябе: Габрыэлю Горват беларускі і польскі пісьменнік Аляксандр Ельскі назваў сярод трох выдатных жанчын беларусак XIX стагоддзя; дзве другія — гэта

пісьменніца і палітычная ссыльная ў Сібір Ева Фялінская, маці нядаўна кананізаванага арцыбіскупа Алойзы Фялінскага, і аўтарка неаднаразова ананімна выдадзенай «Літоўскай гаспадыні» Ганна Цюндзявіцкая, таксама жонка маршалка шляхты, але ўжо не Рагачоўскага, а Барысаўскага павета.

Аднак вернемся да тэксту брашуры. У канцы яе знаходзіцца сказ, які тлумачыць надзвычайную добразычлівасць айца езуіта ў Кракаве. Аказваецца, «у маі 1885 года Габрыэля Горватава аддала абраз у *дэпазіт* (выдзелена мною. — А. М.) езуітам з Кракаўскай калегіі». Значыць, паводле юрыдычных канонаў, цяперашнім кракаўскім уладальнікам давалося б абраз вярнуць нават у тым выпадку, калі б гаворка ішла не пра абмен арыгінала на копію, а пра звычайнае вяртанне... У час сустрэчы айцец езуіт ужо ведаў, што абраз быў перададзены з такой умовай, а я яшчэ не ведаў.

Хто ж з'яўляецца аўтарам так добра выкананай копіі, што яе нават не адрознілі пры падмене ад раней бачанага арыгінала? На навуковым форуме, прысвечаным знакамітым мінчанам, знаўца гісторыі Беларусі прафесар Раман Юркоўскі з Олыштына (Польшча) сказаў мне, што гэта была знакамітая палеская мастачка Галена Скірмунт (1827–1874), нараджэнка маёнтка Калоднае на Століншчыне. Пэндзлем яна авалодвала ў Вільні, удасканалевала жывапісанне ў Берліне і Дрэздэне, потым вучылася скульптурнаму майстэрству ў Вене і Рыме. Праславілася выразанымі з дрэва шахматнымі фігуркамі воінаў Рэчы Паспалітай і Турцыі, якія змагаліся ў вядомай бітве пад Венай. Часта звярталася да рэлігійнай тэматыкі (партрэт «Марыя Чапская моліцца ў кляштары візітак у Вільні», праект алтара для касцёла ў вёсцы Ахова каля Пінска, алтарны абраз «Бязгрэшнае Зачацце», рэстаўрацыя вышывак на літургічных шатах у пінскім касцёле). Копію з абраза Маці Божай Юравіцкай зрабіла, відаць, яшчэ да паўстання, бо ў 1863 годзе была арыштавана і выслана ў Тамбоў. У 1870-м вызвалена, але без права вяртання на радзіму, дажывала свой век у Крыме.

Такім чынам, копія абраза Маці Божая Юравіцкая ў мастацкіх адносінах роўная арыгіналу, а, можа, і пераўзыходзіць яго (па-

раўнальнага ж аналізу ніхто не рабіў). А ў духоўных адносінах, цудатворных?

Адказаць на апошняе пытанне мне дапамаглі розныя людзі, якія прыязджалі ў Мінск з Гомельшчыны («Не, — гаварылі яны, — пра такія факты мы не чулі»), а таксама — нібы наканавае выяўленне адпаведнай цытаты ў прысланай мне з Гомеля дакументальнай аповесці Рыгора Андрэяўца «Капітан Франц». Выдадзена яна ў 2012 годзе ў Гомелі ў серыі «Ваенныя разведчыкі» і прысвечана герою Афгана Францу Клінцэвічу. У кнізе зафіксаваны такі факт: на радзіму героя, у вёску Крэйванцы, што на Ашмяншчыне, прыходзіў адразу ж пасля вайны, шукаючы магілу свайго забітага сына, старац-лірнік ажно з паўднёвага ўсходу Беларусі. Ён належаў да асаблівай супольнасці рэчыцкіх старцаў. Вандруючы па Палессі, яны спявалі духоўныя вершы, вучылі людзей распазнаваць несправядлівасць. А кожнай вясной рэчыцкія старцы збіраліся каля крупейскай капліцы, спявалі духоўныя песні і псалмы, збіралі грошы. «Частка ахвяраванняў ішла на юравіцкі абраз. Гэты абраз быў з’яўлены: ён вылечыў многіх сляпых».

Выходзіць, калі разважаць спрощана, раней Божая ласка ў Юравічах працяглася, нават масава, а цяпер — зусім не. Чаму? Некаторыя мае суразмоўцы схіляліся да думкі, што прычына тут — у канфесійнай іншасці: калісьці арыгінал знаходзіўся ў каталіцкай святыні, а цяпер яго копія — у праваслаўнай... Але мне такое сцвярджанне здаецца надуманым, бо абедзве святыні з’яўляюцца хрысціянскімі. Колішні касцёл, а цяперашняя царква аднолькава шануюцца вернікамі абедзвюх канфесій. Доказам таму для мяне стаў вялікі фотарэпартаж Раісы Сушко і Карнэлія Консэка «У адну дарогу», апублікаваны ў баранавіцкім часопісе «Дыялог» (№ 1, 2012). Там гаворыцца, што вось ужо шосты год кожнай восенню з Мазыра ў Юравічы і назад накіроўваецца вялікая пілігрымка. У ёй аб’ядноўваюцца праваслаўныя вернікі пад кіраўніцтвам епіскапа Тураўскага і Мазырскага Сцяпанія і каталіцкага святара Тадэвуша Воласа. Вернікам абедзвюх канфесій выносіцца копія цудадзейнага абраза Маці Божай Юравіцкай Міласэрнай, Апякункі

беларускага Палесся. Усе заміраюць, становяцца на калені ў чаканні цудадзейнасці, а яна не наступае...

А, можа, падумалася мне, арыгінал спадзяецца на сваё вяртанне на стагоддзямі намоленае і таму роднае для яго месца?! Можа, чакае, пакуль аб'яднання палескія вернікі абедзвюх канфесій самі стануць ініцыятарамі ўзаемнага абмену? Уяўляю сабе такую вялікую і нечуваную ўрачыстасць...

| *Наша вера. — 2013. — № 1.*

Талерантнасць, моцная дыялогам

У Мінску ўшанавалі памяць Папы Яна Паўла II

Падзеі апошніх тыдняў пераканалі мяне, што Беларусь становіцца дзейсным фактарам не толькі ў палітычным дыялогу паміж Усходам і Захадам, але і ва ўзаемаразуменні паміж хрысціянскімі канфесіямі і, шырэй, рэлігіямі свету. Мяркуйце самі. Уся Беларусь, незалежна ад веравызнання, адзначае выставай ікон трох усходнеславянскіх краін, іншымі ўрачыстасцямі 1020-годдзе хрышчэння Кіеўскай Русі, адкуль пайшла хрысціянізацыя Полацкага, Тураўскага і іншых княстваў. Павагу да яўрэяў, іх старажытнай рэлігіі прадэманстравала беларускае грамадства, адзначыўшы нядаўна 65-годдзе знішчэння Мінскага гета. Ва ўзаемаразуменні і павазе прайшоў у сталіцы Міжнародны «круглы стол» на тэму «Устойлівы этнаканфесійны мір — адзін з важнейшых фактараў сацыяльна-палітычнай стабільнасці ў грамадстве», арганізаваны беларускімі мусульманамі... Ды і як жа інакш? Калі верыць географам і геадэзістам, наша краіна знаходзіцца ў самым сэрцы Еўропы. Тут праходзіць гістарычнае памежжа ўсходняга і заходняга, праваслаўна-візантыйскага і каталіцка-пратэстанцкага свету.

І ад таго, ці будзе яно мостам плённага ўзаемадзеяння і сінтэзу, ці арэнай супрацьстаяння, як гэта часта мы назіраем ва Украіне, многае залежыць у захаванні і ўмацаванні спакою ў Еўропе і свеце.

Пра ўсё гэта думалася мне, калі днямі сядзеў у мінскім катэдральным касцёле на міжнародным сімпозіуме, прысвечаным 30-годдзю пантыфікату Папы Рымскага Яна Паўла II, слухаў даклады мітрапаліта Тадэвуша Кандрусевіча, гасцей з Масквы і Гродна. Адначасова згадвалася сустрэча з пантыфікам у 1990 годзе...

Тады ў Рыме пад патранатам Яна Паўла II праходзіла міжнародная канферэнцыя, прысвечаная ўзаемаразуменню ў Цэнтральнай Еўропе. Нешматлікая беларуская дэлегацыя вырашыла, што мне, як аднаму з аўтараў, выпадае ўручыць Папе энцыклапедычны даведнік «Францыск Скарына» (якраз быў юбілей славутага палачаніна). Падарунак быў прыняты з цікавасцю і веданнем, што пачынальнік усходнеславянскага кнігадруку мэтанакіравана імкнуўся да разумення паміж каталіцтвам і «праваслаўным людзям паспалітым». Адбылася тады гаворка пра стан беларускай мовы ў каталіцкіх святынях, пра магчымую кананізацыю святароў і дзеячаў беларускай культуры Фабіяна Абрантовіча і Казіміра Сваяка (Стаповіча). З таго часу засталася светлая памяць ад сустрэчы з Чалавекам, адкрытым на іншасць.

А на сімпозіуме прыводзіліся новыя для мяне факты рэлігійнай талерантнасці Яна Паўла II, які першым з папаў увайшоў у мусульманскую, іўдзейскую і пратэстанцкую святыні, пабываў на постсавецкіх прасторах. Так, у Беларусі ён не паспеў пабываць, але нашай краінай нязменна цікавіўся, думкай бываў у Мінску і Навагрудку, беларускую мову ведаў і карыстаўся ёю, вітаючы вернікаў. Ксёндз Юзаф Макарчык з Гродна акцэнтаваў увагу на тым, што на пачатку яго пантыфікату ў нашай краіне не было ніводнага біскупа, што ў канфесійных адносінах яна залежала ад Вільнюса. Новы ж Папа сфарміраваў, аднавіўшы ранейшыя, сучасныя арганізацыйныя структуры каталіцкага касцёла: Магілёўска-Мінскую архідыяцэзію, Гродзенскую і Пінскую дыяцэзіі, дзе цяпер маюцца свае пастыры, свае семінарыі.

Арцыбіскуп Мінскі і Магілёўскі мітрапаліт Тадэвуш Кандрусевіч падкрэсліў, што Ян Павел II, першы славянскі Папа (паэт Юліуш

Славацкі прароча прадбачыў яго з'яўленне яшчэ ў 1848 годзе) быў «адпаведным чалавекам для адпаведнага часу», часу зменлівага і супярэчлівага. Яго дзеянні засноўваліся «на двух слупах» — Хрысце і чалавеку. Пры яго пантыфікаце была разбурана Берлінская сцяна ў Еўропе і ў душах, а ў Беларусі наступіла «свабода веравызнання». Пра адкрытасць Яна Паўла II для сродкаў масавай інфармацыі гаварыў на сімпозіуме прафесар Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава наш суайчыннік, лідзянін родам, Віктар Круль. Выступаў ён на беларускай мове і толькі адзін раз перайшоў на рускую дзеля каламбура: «Папу нужно не только почитать, но и читать». І выказаў радасць, што да сімпозіума выйшла па-беларуску чарговая кніжка Яна Паўла II «Устаньце, хадзем!» у перакладзе пісьменніцы, рэдактара квартальніка «Наша Вера» Хрысціны Лялько.

Перад сімпозіумам адбылося адкрыццё ў «ніжнім касцёле» выставы здымкаў ватыканскага фатографа Гжэгажа Галонзкі, а пасля яго — адкрыццё бюста Яна Паўла II. Потым была ўрачыстая служба (падчас яе атрымалі духоўнае пасвячэнне два выпускнікі семінарыі — Віталій і Аляксандр) і, нарэшце, прайшла прэзентацыя кнігі «Устаньце, хадзем!».

| Голас Радзімы. — 2008. — 30 кастр.

Дапаможам нашым суродзічам

У башкірскім сяле Балтыка згарэў беларускі гістарычна-культурны цэнтр. Беларускія вучоныя гатовы дапамагчы суродзічам яго аднавіць.

Хоць займаюся праблемамі беларускай дыяспары даўно, аднак асабліва не акцэнтаваў увагу на тым, што ў сяле Балты-

ка Іглінскага раёна Башкірыі, дзе жывуць нашчадкі перасяленцаў стальшынскай пары, створаны Беларускі гістарычна-культурны цэнтр, а пры ім, на другім паверсе Дома культуры, быў і гістарычна-этнаграфічны музей. Нядаўна даведаўся з газеты «Саюз. Беларусь-Расія», што ў Башкірыі агонь знішчыў яго экспазіцыю. Ацалелі толькі кнігі ў асобна размешчанай бібліятэцы ды альбом з фатаграфіямі ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, якія вярнуліся з перамогай у сяло. Пажарнікам удалося адваяваць у полымя першы паверх. Па іх меркаванні, у пажары вінавата маланка.

Наша дапамога жыхарам башкірскага сяла вельмі патрэбна, бо, як піша расійскай журналістка Тамара Перасыпкіна, «Балтыка асірацела, інакш і не скажаш (...) Тут размяшчалася вельмі багатая нацыянальная экспазіцыя. Яе збіралі па драбніцах з 2006 года. Менавіта ў Балтыцы — сяле, дзе большую частку насельніцтва складаюць беларусы. Да таго, як трапіць у музей, экспанаты захоўваліся ў дамах балтыйцаў ды іншых беларускіх сямей, што жывуць у рэспубліцы, і беражліва перадаваліся з пакалення ў пакаленне. Гэта, напрыклад, старадаўнія кнігі, прывезеныя з гістарычнай радзімы на башкірскаю зямлю першымі заходнімі перасяленцамі, фатаграфіі, лісты далёкіх, у тым ліку ваенных гадоў, разнастайныя прадметы побыту, сярод якіх былі і сапраўдная беларуская калыска, і дзейсны ткацкі станок, і яшчэ вельмі многа дарагіх памяці рэчаў. Цяпер яны засталіся толькі на здымках». Загадчыца цэнтра Ксенія Комлева расказала, што напярэдадні пажару прынеслі ў музей «некалькі старадаўніх ручнікоў ручной вышыўкі». Паводле падлікаў, шкода ад пажару — некалькі дзясяткаў мільёнаў расійскіх рублёў, і грошай на аднаўленне будынка ў бюджэце няма.

І ўсё ж балтыйцы не губляюць апымізму. Спадзяюцца сабраць новую экспазіцыю, бо ў куфэрках мясцовых беларусаў яшчэ сёе-тое засталася. Дапамагчы балтыйцам у іх бядзе паабяцаў кіраўнік аддзялення пасольства Беларусі ва Уфе Васіль Новак.

Дапамогі ў такой бядзе не можа быць замнога. Таму ад імя сяброў з Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў, асмелюся абвясціць збор экспанатаў і сродкаў для адраджэння беларускага гістарычна-

.....
этнаграфічнага музея ў Балтыцы. Мяркую, і музеі, у тым ліку экспазіцыя «Беларусы ў свеце» падзяляцца дублікатамі сваіх артэфактаў і выданняў. Зборам іх маглі б заняцца, на мой погляд, таварыствы «Радзіма» і «Бацькаўшчына».

Ад імя МАБ і я перадаю два экзэмпляры саліднага і рэдкага ўжо выдання «Альфуркан татарскі: Каран-тэфсір татараў Вялікага Княства Літоўскага» для музея і бібліятэкі. Падрыхтавана яно швейцарскім беларусістам Полем Сутэрам і выдадзена яго коштам па-нямецку ў Кёльне-Веймары-Вене ў 2003-м. Потым стараннямі майго земляка з Астравецкага раёна Алега Герта перавыдадзена ў 2009-м у беларускім перакладзе. Хаця слова «пераклад» тут адноснае: каран-тэфсір (гэта значыць, каран з тлумачэннямі) пісаўся ў ВКЛ арабскімі пісьмёнамі, але на дзівосна чыстай (і лексічна, і фанетычна) старабеларускай мове. Нашы князі ад Альгерда да Вітаўта, узяўшы ў час войнаў крымскіх татараў у палон, не ператваралі іх у рабоў, а надзялялі зямлёй, дазволена ім было і жаніцца з протабеларускамі. І вось тыя, пануючы ў сям'і, доме, паволі рабілі сваю родную мову пануючай і ў рэлігійнай сферы існавання мужа-мусульманіна. У выніку ўзнікла дзівосная з'ява: так званыя «аль-кітабы», ці беларуска-арабскія кнігі. Яскравы прыклад мірнага суіснавання татараў і беларусаў здзіўляў іншаземцаў яшчэ ў часы ВКЛ.

Мне ж помніцца канферэнцыя ЮНЕСКА ў Парыжы, якая арганізавалася магаметанскім Іранам. «Цяпер мы разумеем, — гаварылі мне ўдзельнікі абмеркавання праблемы “Усход-Заход”, — чаму ў Беларусі існуе такая ўзаемная памяркоўнасць у дачыненнях татараў і беларусаў, чаму такое суіснаванне выключае тэрарызм».

Спадзяюся, два экзэмпляры кнігі (адзін ад МАБа, другі ад мяне асабіста) трапяць у Балтыку, дзе, безумоўна, жывуць і башкіры-мусульмане, існуюць змяшаныя шлюбны. Думаю, кнігі знойдуць там сваіх зацікаўленых чытачоў.

III. Першадрукары

Дык якой жа веры быў Францыск Скарына?

Назваю беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара Францыскам, а не Францішкам, таму што ён сам у прадмовах да перакладаў Бібліі часцей называў сябе першым імем і толькі, здаецца, тры разы — другім. Значыць, такая воля Скарыны. Зрэшты, прынцыповага значэння гэта не мае, бо і першы, і другі варыянты імя — каталіцкія, а пасля таго, як вядомым беларускім гісторыкам Георгіем Галенчанкам было даказана, што слова *georgii* ў копіі з каралеўскага прывілею — элементарная апіска, бо ў арыгінале значыцца *egregerii* (*наважаны*), неак самі сабой заціхлі і спрэчкі вакол імя вялікага палачаніна. Вядома, да каталіцкага хрышчэння ўсёй сям’і Скарынаў (пра гэта гаворка пойдзе далей) у яго, несумненна, было праваслаўнае імя, магчыма, нават Георгій, толькі няма гэтаму канкрэтных доказаў, таму што метрычныя запісы тады не рабіліся, а сведчанні ў самога першадрукара ці прадстаўнікоў яго асяроддзя таксама няма. Але гэта зноў жа не істотна, бо для Скарыны найперш было важна, што ён **хрысціянін**. Таму, будучы католікам, нёс ён слова Божае праваслаўнаму «люду посполитому», які складаў большую частку насельніцтва яго роднага краю. Зноў жа: якога? У шырокім дзяржаўна-палітычным сэнсе гэта было Вялікае Княства Літоўскае (ВКЛ), у вузейшым, этнічным, — Русь (Полацкая, Літоўская ці Кіеўская — як яе традыцыя). Таму ў адных выпадках ён называў сябе літвінам, у другіх — русінам.

Праўда, здараюцца і рэмінісцэнцыі ранейшай метадалогіі. З вялікім здзіўленнем я прачытаў летась у аўтарытэтнай крыніцы ў пачатку вялікага артыкула філосафа Уладзіміра Агіевіча вось та-

кую фразу: «Імя Георгія Лукіча Скарыны (23 красавіка 1476, Полацк — 21 чэрвеня 1551, Падуя), вядомага ў карпаратыўна-кніжных або акадэмічных колах як доктар Францыск Скарына з Полацка або з Вільні (тут ідзе спасылка на польскі архіў у Познані. — А. М.) з’яўляецца сімвалам беларускай ідэі, бо ён быў не проста хрысціянскім асветнікам-гуманістам, першадрукаром усходняга славянства, але і геніяльным вучоным, які, дарэчы, сваімі працамі ўсталёўваў новую карціну свету, а дзейнасцю сцвердзіў незваротнасць працэсаў нацыяўтварэння, будучы базавым элементам нацыянальнай еднасці»¹. Не буду спыняцца (пакідаю гэтую фразу для дэталёвага аналізу філосафам) на «базавым элеменце», «карпаратыўна-кніжных колах» ці супрацьпастаўленні «асветніка-гуманіста» «геніяльнаму вучонаму». Спынюся толькі на фактах. А з іх бяспрэчныя толькі прозвішча першадрукара, яго імя па бацьку і месца нараджэння. Першапачатковае імя Георгій? Мажліва, але гэта трэба даказаць больш істотнымі аргументамі, чым канцэлярыская апіска. Нарадзіўся ў 1476 годзе? Магчыма. Я таксама перакананы, што нарадзіўся ён на многа раней, чым у 1490 годзе (юбілей святкаваўся якраз у 1990-м). Але канкрэтызацыя даты нараджэння паводле астралагічных прынцыпаў здаецца мне недастатковай і неправамернай. Тое ж самае з датай і месцам смерці. Я дапускаю адзін працэнт верагоднасці, што Скарына, шукаючы паратунку ад хваробаў, паехаў у Падую, дзе атрымаў ступень доктара медыцыны. Аднак што ж рабіць з астатнімі працэнтамі? Памятаецца, калі я быў у 1992 годзе на адкрыцці мемарыяльнай дошкі нашаму першадрукару ў Падуі, самыя дасведчаныя італьянскія вучоныя-архівісты пыталіся ў нас: «Калі і дзе ён памёр і пахаваны?» Мы адказвалі: «Найбольш верагодна, што дзесьці на поўдні Чэхіі, куды накіроўваўся садоўнікам-батанікам».

Працываваня вышэй радкі Уладзіміра Агіевіча я, можа быць, пакінуў бы — як выключэнне з правіла — без палемікі ў друку: цяж-

¹ Агіевіч, У. У. Стан сучаснага літаратуразнаўства і актуальныя праблемы засваення спадчыны асветніка // Весткі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2008. № 3. С. 4.

ка, вядома, даследчыку расстацца з ранейшымі зручнымі поглядамі. Але тут з'явілася новая вострапалемічная публікацыя. Супраць таго, каб называць Скарыну Георгіем і адназначна рабіць з яго праваслаўнага, прыклейваючы нават бараду на сувенірным партрэце, падараваным Івану Шамякіну, рашуча выступіў летась ужо рускі гісторык, аўтар кнігі «Русь — іншая гісторыя: Украіна, Беларусь, Літва» Міхаіл Галдзьянкоў. Але ён, пераадольваючы сумненні, кінуўся ў іншую, яшчэ больш парадаксальную, крайнасць. Мяркуюць самі: «... дзіўны мужык з барадой па імя Георгій — гэта і ёсць знакаміты рускі (не ў сённяшнім, а ў ранейшым сэнсе гэтага слова. — А. М.) першадрукар Францыск Скарына. Бараду яму дамалявалі, відаць, каб больш адпавядаў вобразу праваслаўнага рускага чалавека XVI ст., лютэранска-кальвінскае (тады было б: Франц. — А. М.) імя Францыск замянілі на праваслаўнае Георгій у тых жа мэтах — каб скрыць яўна не праваслаўнае імя Скарыны. Спрабавалі ў савецкую пару Скарыну і Юрыем назваць. Цяпер гэта ўсё выглядае недарэчна»².

Але ж таксама недарэчна выглядае сцвярджанне М. Галдзьянкова, што «менавіта пратэстантам і з'яўляўся Скарына»³, бо абедзве сустрэчы нашага першадрукара з вядучымі прадстаўнікамі новага веравызнання скончыліся вострымі канфліктамі. Вядома, з аднаго боку, яно, відаць, прываблівала Скарыну сваім асветніцтвам, арыентацыяй на народныя масы, недагматычнасцю ў разуменні Бібліі. Аднак, калі ён (або нейкі іншы Францыск-«паляк») паехаў, цікавячыся новым вучэннем, да пачынальніка рэфармацыі Марціна Лютэра, той загадаў яго арыштаваць як ворага (відаць, пад уплывам пасянных у час гаворкі сумненняў у душы). Калі ж у годзе 1530-м першадрукар, паддаўшыся, відаць, абяцанням прускага герцага Альбрэхта аднавіць у Краляўцы (Кенігсбергу, цяпер Калінінградзе) кнігавыдавецкую справу, якая абарвалася ў 1525 годзе на выхадзе віленскага Апостала, і пабачыўшы, што яму прапануецца (іншых пераканаўчых тлумачэнняў няма) стаць ля вытокаў кнігадрукавання,

² Голденков, М. Русь — другая история: Украина, Беларусь, Литва. Минск, 2008. С. 212.

³ Тамсама.

але пратэстанцкага і літоўскага (для літоўскага насельніцтва Прусіі і суседняй Жамойці), ён не здрадзіў сваёй веры і свайму народу, уцёк з Краляўца ў Вільню, прыхапіўшы друкара-габрэя. Ранейшыя высокія ацэнкі дзейнасці Скарыны ў лістах герцага да віленскага вяльможы Гашталда змяніліся патрабаваннямі арыштаваць уцекача і заключыць яго ў цямніцу. З адзінаверцамі, выдавочна, так жорстка не паступалі б.

Да публікацый У. Агіевіча і М. Галдзянкова мне здавалася, што пытанне пра канфесійную прыналежнасць беларускага першадрукара мне ўдалося канчаткова вырашыць у сваім дакладзе на X Міжнародным з'ездзе славістаў, які быў выдадзены ў выглядзе асобнай брашуры пад назвай «Францыск Скарына як прыхільнік збліжэння і ўзаемаразумення людзей і народаў» (Мінск, 1988). Аднак публікацыі названых і іншых аўтараў сведчаць, што тэкст гэтага даклада, тыраж якога быў раздадзены ўдзельнікам кангрэса ў Браціславе, застаецца невядомым шырокім колам даследчыкаў. Таму дазвольце пераказаць некаторыя выкладзеныя там разважанні пра канфесійныя погляды Скарыны, зразумела, выбарачна і ў скарачаным выглядзе, а таксама з абноўленымі аргументамі.

Найперш трэба падкрэсліць, што погляды вялікага палачаніна на хрысціянскія і іншыя веравызнанні вызначаліся талерантнасцю. У яго прадмовах няма адмаўлення ці апалагетыкі ніводнага веравызнання свайго народа, падзеленага ў рэлігійных адносінах. Скарына імкнуўся ўзняцца і над праваслаўем, і над каталіцызмам, і над маладым пратэстантызмам, іх разыходжаннімі. З прадмоваў да яго пражскіх выданняў перакладаў Бібліі відаць, што ён асабліва не падкрэсліваў, каму яны адрасаваныя. І такая шырыня мыслення выглядае як выключэнне ў тагачаснай Еўропе, дзе часта вяліся рэлігійныя войны, спальвалі іншаверцаў. Талерантнасць Скарыны асабліва відаць у параўнанні з пазнейшым перыядам, калі беларускія землі ахапіла хваля Контррэфармацыі.

Чым жа тлумачыцца такі канфесіянальны феномен Скарыны? Найперш — феноменальнасцю ВКЛ у тагачаснай Еўропе. Тут параўнальна мірна ўжываліся праваслаўныя, католікі, магаметане, іўдзеі, яўныя і скрытыя язычнікі. Вядома, падданых Рымскай Царквы

карысталіся, асабліва пасля ўступлення на трон Ягайлы, большымі прывілеямі, але праваслаўныя і католікі прыкладна пароўну дзялілі месцы ў складзе паноў-рады, гарадской рады Вільні. У княстве існавала заснаванае на гістарычным вопыце разуменне, што такое аб'яднанне дзвюх розных частак (праваслаўнай і язычніцкай, пасля праваслаўнай і каталіцкай) карыснае для дзяржавы і грамадства, таму што дапамагае выстаяць у барацьбе з крыжакамі і татара-мангольскімі заваёўнікамі. Як гэта ні парадаксальна, але талерантнасці жыхароў княства вучылі і ворагі, бо агрэсіўныя крыжакі аказваліся куды горшымі суседзямі, чым русіны-праваслаўныя і палякі-католікі. На талерантнасць беларускага першадрукара станоўча паўплывала таксама рэнесансная думка. Гэта дзякуючы ёй сярэднявечная схаластыка саступала месца секулярызацыі, разбураліся ранейшыя кананічныя стэрэатыпы. І вось вынік: на партрэце Скарыны мы ўжо не бачым ніякіх рэлігійных сімвалаў — ні праваслаўных, ні каталіцкіх. Парушаецца адзін з асноўных канонаў сярэднявечоўя: Святое Пісанне перакладаецца на мову, блізкую да жывой.

Што ж датычыцца канфесійнай прыналежнасці Скарыны, дык думкі пра яе падзяліліся яшчэ ў XIX стагоддзі. Адно аўтары (П. Уладзіміраў, А. Віктараў) лічылі яго праваслаўным, другія — католікам⁴, трэція — праваслаўным, які за мяжой дзеля дасягнення карыслівых мэтаў стаў католікам⁵, чацвёртыя — чалавекам індывідуальным у пытаннях веры⁶. У пачатку XX стагоддзя пытанне здавалася канчаткова забытым. Гаворачы пра канфесійную прыналежнасць Францыска Скарыны, Максім Гарэцкі пісаў: «Гісторыя не захавала, а вучоныя людзі дагэтуль не дайшлі, якой вераю верыў

⁴ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильно, 1887. Вып. 2. С. 492; Fiedler, J. Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der romischen Kirche im zehntehten Jahrhunderte // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1862. Н. 1. S. 56.

⁵ Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб, 1897. С. 162.

⁶ Степович, А. Библиография // Киевская старина. 1889. Кн. 2. С. 518.

ён — прываслаўнай ці каталіцкай?»⁷. Прыкладна такія ж пытанні ставілі ў той час Ігнат Канчэўскі⁸ і Рамуальд Зямкевіч⁹. Потым раздаліся пазбаўленыя аргументаў галасы, што Скарыну трэба лічыць ерэтыком, «нахільным да гусізму» і да таго ж «лютаранства» (А. Ясінскі), ці нават ледзь не атэістам. «Няясным» гэтае пытанне называюць і больш сучасныя аўтары¹⁰.

Вызначыць нават фармальную прыналежнасць Скарыны да канкрэтнага хрысціянскага веравызнання сапраўды нялёгка. Што ён не быў «атэістам», заставаўся хрысціянінам паводле свайго светапогляду, не падлягае сумненню. І ўжо іншая справа, што быў ён несхаластычным хрысціянінам, імкнуўся пашыраць веру не прымусам, а перакананнем, навучаннем слову Божаю, не вуснаму і не рукапіснаму, а ўжо друкаванаму. Але калі мы спрабуем аднесці Скарыну да каталіцызму ці да прываслаўя, то пачынаем сустракацца з важкімі аргументамі «за» і «супраць».

Пра тое, што Скарына з'яўляўся, прынамсі фармальна, католікам, найперш сведчыць яго імя, якім ён карыстаўся ў час вучобы і кнігадрукавання. Як вядома, Францішак Асізскі, заснавальнік ордэна бернардзінаў, быў каталіцкім святым, Прываслаўная Царква такога імя не ведала. Наступныя аргументы — хаця і больш ускосныя — шлюб з каталічкай Маргарытай Адвернік, яго цесная сувязь з віленскім біскупам Янам, служба пры двары Фердынанда I, урэшце, вельмі істотным з'яўляецца той факт, што ў дакуменце 1552 г. беларускі першадрукар адназначна называецца «падданым рымскай царквы»¹¹.

Апрача біяграфічных існуюць і аргументы іншага, дагматычнага, непрымальнага для прываслаўя характару. Генрык Лаўмянскі

⁷ Гарэцкі, М. Доктар Францыск Скарына // Вольная Беларусь. 1917. 8 жн.

⁸ Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Вільня, 1921. С. 7.

⁹ Зямкевіч, Р. Значэнне Францішка Скарыны ў беларускай культуры // Вольная Беларусь. 1917. 11 жн.

¹⁰ Праневіч, Г. М. Вакол гістарычнага прататыпа і структуры мастацкага вобраза // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. Сер. 4. 1887. № 1. С. 7.

¹¹ Францыск Скарына: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мінск, 1988. С. 202.

звярнуў увагу на тое, што ў адрозненне ад «схізматыкаў» Скарына называе Маці Божую «Дзевіцай Марыяй», што летазлічэнне ён вядзе не ад стварэння свету, а ад нараджэння Хрыста — услед за Рымам¹². Паводле Францішка Сяліцкага, на карысць каталіцызму Скарыны сведчаць парадак размяшчэння заповедзяў у Маісеевым дэкалогу¹³ і заходнія ўзоры, выкарыстаныя ў гравюрах¹⁴. Таму скарынінскія выданні многім адрозніваліся ад праваслаўных кананічных тэкстаў і выяваў, чым выклікалі (скажам, у Маскве і, відаць, нават у Вільні) недавер у праваслаўнага духавенства.

Аднак увесь парадокс заключаецца ў тым, што Францыск Скарына з'яўляўся не толькі «дрэнным» праваслаўным, але і «дрэнным» католікам, як яго назваў А. Ясінскі. Не зважаючы на сваю фармальную падпарадкаванасць Рымскай Царкве, ён мала «лацінізаваўся», недалёка адышоў ад праваслаўя. Сваю «богоугодную» друкарскую справу Скарына пачаў у праваслаўнае свята Ператварэння, якое асацыявалася з абнаўленнем усяго існага. Больш за тое, свае выданні ён адрасаваў людзям усходняга веравызнання. Асабліва гэта датычыцца віленскай «Малой падарожнай кніжыцы», дзе Скарына пайшоў на яўныя ўступкі канкрэтнаму заказчыку — праваслаўнаму духавенству. Так, каляндар тут, у «Шестодневце», складзены па «обычаю всех восточных церквий», у «Малой падарожнай кніжыцы» называюцца імёны святых, не прызнаных у каталіцкім свеце, адсутнічае абавязковае ў гэтым свеце ўпамінанне Папы Рымскага, а само слова «праваслаўны» ўжываецца даволі часта¹⁵. У тую ж кніжку ўваходзяць акафісты, якія не ўжываліся ў каталіцкім набажэнстве. У цэлым змест скарынінскіх выданняў, асабліва віленскіх, адпавядаў праваслаўнай (славянскай і візантыйскай) традыцыі, інакш Шыман Старавольскі не змог бы іх бачыць «у Маскве і ўсюды на Русі»¹⁶.

¹² Ateneum Wileńskie. 1925. Z. 9. S.165.

¹³ Studia o książce. Wrocław, 1982. T. 12. S. 213.

¹⁴ Sielicki, F. Literatura białoruska do końca XVIII wieku. Wrocław, 1985. S. 21.

¹⁵ Падрабязней пра гэта гл.: Дышыневіч, В. Скарына і адносіны да першакрыніц // Польшыя. 1985. № 12. С. 164–174.

¹⁶ Starowolski, S. Scriptorum polonicorum... Francofurti, 1625. P. 59.

Такім чынам, перад намі ўзнікае незвычайная, вонкава парадаксальная сітуацыя: будучы католікам, Скарына тым не менш выдаваў канфесійныя кнігі для праваслаўных. У розныя часы даследчыкі імкнуліся неяк растлумачыць гэты парадокс рэбаптызацыяй. Адны (А. Віктараў) сцвярджалі, што Скарына прыняў праваслаўе, будучы раней католікам, другія — што з праваслаўнага стаўся католікам дзеля паступлення ў Кракаўскі ўніверсітэт (хаця там, як сведчаць дакументы, вучыліся і праваслаўныя, і нават Георгіі), што дзеля гэтага нібыта ён пайшоў на грэх — затаіў сваё ранейшае імя і прыняў новае, Францыск¹⁷. Раздаваліся нясмелыя галасы, што каталіцкае хрышчэнне Скарыны адбылося раней, у дзяцінстве. Але апаненты ў такіх выпадках звычайна спасылаліся на катэгарычнае выказванне аўтарытэтнага П. Уладзімірава: «...у Полацку ў канцы XV і нават у пачатку XVI стагоддзя не было ніводнага каталіцкага касцёла; насельніцтва горада складалася з рускіх праваслаўных»¹⁸.

Сёння, аднак, мы добра ведаем, што гэта не так. Ужо ў канцы XV ст. у Полацку існавала місія бернардынаў, якая вяла шырокую прапаведніцкую дзейнасць. Першыя яе сляды ўзыходзяць яшчэ да часоў Вітаўта¹⁹. У 1490 г. вялікі князь Аляксандр даў бернардынам прывілей на «месца пад сваім замкам у Полацку, знаходжанне і працягласць якога дакладна вызначаецца: па рацэ Палаце ў бок царквы св. Духа — дзеля ўзвядзення касцёла ў гонар Бога-Збаўцы і святой Дзевы Марыі, а пад імем святых Францішка і Бернарда, кляштар і яго пабудоў»²⁰. У тым жа годзе з Вільні ў Полацк накіраваліся чатыры законнікі на чале з гвардыянам Львом з Ланьцута²¹. У 1498 годзе кляштар (канвент) быў ужо ўзведзены, а яго гвардыян

¹⁷ Зайцев, В. О мировоззренческой ориентации Франциска Скорины // Неман. 1968. № 10. С. 170.

¹⁸ Владимиров, В. П. Доктор Франциск Скорина, его иеревюды, печатные издания и язык. Санкт-Петербург, 1888. С. 45.

¹⁹ Encyklopedya kościelna. Warszawa, 1913. Т. 31–32. С. 309.

²⁰ Codex diplomaticus ecclesiae Cathedralis Necon dioeceseos Vilnensis // Kraków, 1939. Vol. I. Fasc. 2. P. 536.

²¹ Litwa i Ruś. 1912. Z. 2. S. 67.

атрымаў правы плябана, гэта значыць, мог хрысціць людзей²². Місіянерская дзейнасць полацкіх бернардзінаў набыла такі размах, што ўжо ў 1502 годзе ёю занепакоіўся маскоўскі цар Іван III²³.

І вось мы падышлі да самага важнага. Як мяркуе гісторык ордэна бернардзінаў К. Кантак, верагодна нараджэнец ці жыхар Беларусі, полацкія бернардзіны «ахрысцілі мноства людзей, іншых вярнулі са схізмы. Вакол канвента вырасла нешта накшталт каталіцкай абшчыны ў некалькі тысяч чалавек. Паміж вернутымі аказалася таксама сям'я Скарынаў, як пра гэта сведчыць імя знакамітага выдаўца Францішак»²⁴. Вядома, пытанне пра рэбаптызацыю Скарыны, думалася мне спярша, калі я натрапіў на кніжку К. Кантака «Польскія бернардзіны», нельга лічыць вырашаным канчаткова да таго часу, пакуль не будзе знойдзены адпаведны метрычны запіс у кнігах Літоўскай правінцыі бернардзінаў, вывезеных з Коўна ў Галіцыю яшчэ да Першай сусветнай вайны. Аднак паступова ўзрастала перакананне, што аўтар гэтай даволі рэдкай кнігі (яна аказалася ў фондах нашай рэспубліканскай бібліятэкі) карыстаўся гэтымі матэрыяламі, бо яго працы вызначаюцца сумленнасцю, скрупулёзнасцю. Вядома, зрабіць адпаведны замежны архіўны запыт не толькі не зашкодзіла б, але, наадварот, магло б прывесці да значных адкрыццяў у гісторыі духоўнага жыцця Полацка.

Той факт, што Францыск Скарына прыняў каталіцкае хрышчэнне менавіта ад бернардзінаў яшчэ ў дзяцінстве, многае праясняе і ў яго біяграфіі, і ў яго выданнях, у прыватнасці, тлумачыць яго верацярпімасць, «надканфесіянальнасць». Вельмі важна тое, што бернардзіны, у адрозненне ад іншых каталіцкіх ордэнаў і асабліва Віленскай курыі, з якой першыя вялі бесперапыннае яўнае і тайнае змаганне, знаходзячыся, так сказаць, на левым краі тагачаснай духоўнай барацьбы, талерантна ставіліся да праваслаўя. Яны прызнавалі «важнымі і правільнымі» ўсе праваслаўныя таінствы,

²² Kantak, K. Bernardyni Polscy. Lwów, 1933. T. I. S. 176.

²³ Daniłowicz, J. Skarbiec dyplomatów. Wilno, 1862. T. 2. Nr 5119.

²⁴ Kantak, K. Bernardyni Polscy. S. 179.

у тым ліку і хрышчэнне, не патрабавалі пры пераходзе «прыняцця лацінскага абраду»²⁵. Таму (гэтага ніяк не могуць уцяміць сённяшнія даследчыкі-артадоксы), стаўшы католікам, Францішак, сын Лукаша, заставаўся праваслаўным, мог узняцца над канфесіянальнай абмежаванасцю абодвух хрысціянскіх веравызнанняў.

Яшчэ адзін аргумент на карысць бернардзінаў: яны адны абаранялі княгіню Алену, дачку маскоўскага цара Івана III, якая, стаўшы жонкай літоўскага вялікага князя Аляксандра, захоўвала вернасць праваслаўю. Віленскае духавенства на чале з біскупам Табарам лічыла яе язычніцай, прымушала перайсці ў каталіцкую веру. Паслядоўнікі ж святога Бернарда настойвалі на тым, што Алена мае ўсе правы дзяліць з мужам літоўскі трон, і таму княгіня даверыла ім на захаванне сямейных каштоўнасці²⁶.

Разам з верацярпімасцю Скарына, з усяго відаць, засвоіў ад бернардзінаў іх шырокія веды. Паслядоўнікаў святога Францішка, у адрозненне ад прадстаўнікоў іншых ордэнаў, можна назваць «ордэнам універсітэцкім», бо ўваходзілі ў яго ўчарашнія «студэнты, бакалаўры, магістры»²⁷. Хаця паміж сабой бернардзіны гаварылі выключна на лаціне (вось адкуль Скарына мог настолькі авалодаць гэтай мовай, каб паспяхова вучыцца ў цалкам лацінізаваным Кракаўскім універсітэце), аднак адначасова добра валодалі і «русызнай», ужывалі яе ў казаннях²⁸.

І яшчэ некалькі важных акалічнасцей, якія маюць самае непасрэднае дачыненне да тэмы нашай гаворкі. Бернардзіны, як правіла, мелі добрыя бібліятэкі, асабліваю ўвагу ўдзялялі асабістаму знаёмству са Святым Пісаннем, заклікалі да практычнага ўжывання назапашаных ведаў, часта падарожнічалі (у Польшчу, Чэхію, Італію). Усё гэта, безумоўна, адбілася на далейшым лёсе маладога Скарыны. Першапачатковую адукацыю ён атрымаў, несумненна, у канвікце

²⁵ Тамсама. С. 171–172.

²⁶ Тамсама. С. 174.

²⁷ Тамсама. С. 279.

²⁸ Талочка, У. Да справы веравызнання Ф. Скарыны // Калоссе. 1935. Кн. 3. С. 170.

бернардзінаў у Полацку або ў Вільні²⁹. А ў Ягелонскі ўніверсітэт мог трапіць пры дапамозе таго ж Льва з Ланьцута, які да полацкага кляштара (а прыбыў ён у ім 15 гадоў) знаходзіўся ў Кракаве.

Цесныя сувязі з бернардзінамі многае тлумачаць і ў біяграфіі Францыска Скарыны, і ў яго поглядах. Беларускі першадрукар адчуваў сябе належным адначасова да абедзвюх канфесій, якія ён увесь час імкнуўся паяднаць, ураўняць у правах. Пры ўсёй талерантнасці ў тагачасным ВКЛ пры Ягайле каталіцызм усё ж шмат у чым стаў пануючай канфесіяй. На праваслаўных тут часта глядзелі як на «дрэнных хрысціян, што нямногім адрозніваліся ад язычнікаў»³⁰. Ім забаранялася займаць некаторыя зямельныя ўчасткі, мураваць новыя цэрквы. У такіх умовах словы Скарыны пра роўнасць вызнанняў, пра тое, што «цэрков Хрыстова» з'яўляецца «мати всех христиан»³¹, несумненна, мелі станоўчае значэнне.

Заклікі Францыска Скарыны да «цэрковной едноты», да таго, каб «всем с любовью молиться вкупе», адпавядалі інтарэсам усіх «людей посполитых русского языка», усяго беларускага этнасу. Раздзяленне на праваслаўных і католікаў, якое тады паглыблялася, «перашкаджала развіццю самаўсведамлення і вызначэнню адзінай народнасці»³². Скарына прадбачыў, што рэлігійнае супрацьстаянне фатальна адаб'ецца і адбіваецца цяпер на фарміраванні беларускай нацыі, запавольвае яго, і таму імкнуўся хаця б не вярэдзіць абедзве канфесіі, пашыраць «едноту».

Верацярпімасць Скарыны дала падставу некаторым даследчыкам (Й. Добраўскі, Г. Лаўмянскі) залічыць яго да прыхільнікаў уніі, абвясціць яго ледзь не пачынальнікам гэтага канфесійнага кірунку. І, на першы погляд, такому сцвярджэнню не адмовіш у логіцы. Ідэя уніі сапраўды мела ў ВКЛ сваіх прыхільнікаў (і, вядома,

²⁹ Гл.: (Палуян, С.). Калі друкавалася першая беларуская Біблія? // Наша ніва. 1909. 24 верас.

³⁰ *Chryistianizacja Litwy*. Kraków, 1987. S. 53.

³¹ Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969. С. 32. У далейшым спасылкі на гэтае выданне даюцца ў дужках непасрэдна ў тэксце.

³² Юхо, Я. Грамадскія і прававыя погляды Скарыны // Польшыя. 1967. № 6. С. 176.

праціўнікаў) яшчэ з канца XIV стагоддзя. Палажэнні Фларэнтыйскай уніі зноў і зноў зацікаўлена пашыраліся тут Рымскай Царквой у XV і XVI стст. Аднак погляды Скарыны прынцыпова розняцца ад поглядаў уніятаў. Галоўным у тэорыі і практыцы ўніяцтва было падпарадкаванне праваслаўя Папе Рымскаму³³. У матэрыялах Брэсцкай уніі прама сказана, што іншыя веравызнанні павінны залежаць ад Рыма, як часткі цела залежаць ад галавы, абавязаны ставіцца да Апостальскай Сталіцы з «паслушэнствам і пакорлівасцю»³⁴. Усе уніі, сцвярджаецца ў сучаснай праваслаўнай крыніцы, «у тым ліку і Брэсцкая, заключаліся па палітычных матывах і ставілі перад сабой мэту падпарадкаваць уладзе Рымскага епіскапа Праваслаўных Цэрквы»³⁵. І таму не так даўно на Трэцім усеславянскай нарадзе, што выказалася за «ўзнаўленне парушанага адзінства», усё ж негатыўна быў ацэнены шлях развіцця уніі, які прывёў да адмоўных вынікаў — «да варожасці»³⁶. Заклікаючы да «едноты», «соединенія веры», Скарына меў на ўвазе мірнае і раўнапраўнае сужыццё розных канфесій.

Скарынінская «премудрость вышняя хрестіанская» — не каталіцкая і не праваслаўная. Яна агульная, бо ўзыходзіць да ранняга хрысціянства, якое яшчэ не ведала расколу. У першай палове першага тысячагоддзя ў Царкве сапраўды быў «адзін пастыр». Скарыну яўна імпанавалі гуманізм і дэмакратычнасць ранняга хрысціянства. Арыентуючыся на іх, беларускі мысліцель імкнуўся да абнаўлення як праваслаўя, так і каталіцызму, ачышчэння іх ад пазнейшых напластаванняў і супярэчнасцяў. І тут ён быў блізкі да Эразма Ратэрдамскага, Томаса Мора і іншых еўрапейскіх гуманістаў, блізкі да ідэяў Рэнесансу і ранняй Рэфармацыі.

Талерантнасць Скарыны выявілася таксама ў яго адносінах да пратэстантызму. Пра гэта сведчыць тое, што ён (вернемся тут да ска-

³³ Гл.: Polska w eposie Odrodzenia. Warszawa, 1986. S. 136; Pamiętnik VI zjazdu historyków... Lwów, 1935. S. 315.

³⁴ Żychiewicz, T. Jozafat Kuncewicz. Kalwaria Zebrzydowska, 1986. S. 134–135.

³⁵ Макаров, А. Восстановленное единство // Московский церковный вестник. 1986. № 1. С. 6.

³⁶ Журнал Московской патриархии. 1987. № 5. С. 56–58.

занага раней) пераадолеў традыцыйныя стэрэатыпы і ўсё ж паехаў і да Марціна Лютэра (верагодна), і да прускага герцага Альбрэхта (напэўна). Як і яны, сын Полацкай зямлі імкнуўся да абнаўлення рэлігійнага жыцця, але, у адрозненне ад іх, быў больш цярпімы да іншасці. Рэфарматыры з іх асветніцтвам, арыентацыяй на народныя мовы і недагматычнасцю ў разуменні Бібліі былі патрэбны Скарыну, а Скарына — рэфармацыі. І магло б стацца так, што ён, застаўшыся ў Краляўцы, выдаў бы там першыя пратэстанцкія кніжкі, як гэта пазней там жа зрабіў для літоўцаў Марцінас Мажвідас (1547), а яшчэ пазней для беларусаў — Сымон Будны (1562). Але не застаўся, не выдаў і не стаў. Бо гэта не тое, што было б заўчасна, але найперш аддаліла б яго ад «рускага» чытача, верніка-традыцыяналіста... Зрэшты, названы вышэй М. Галдзянкоў тут не арыгінальны, яшчэ раней Я. Галавацкі таксама залічаў Ф. Скарыну да пратэстантаў. Але П. Уладзіміраў тут слушна падкрэсліваў, што ў беларускага асветніка «няма ні палемікі, ні крытычных адносін да Св. Пісання»³⁷. Ад сябе дабавім: няма адмаўлення святых, айцоў Каталіцкай і Праваслаўнай Цэркваў, чые тэксты шырока і творча выкарыстоўваліся Скарынам пры падрыхтоўцы да выдання біблейскіх тэкстаў.

Урэшце, звяртае на сябе ўвагу выключная цярпімасць Ф. Скарыны нават да нехрысціянаў, язычнікаў. На Захадзе ў той час яшчэ заставаўся ідэалам рыцар, які знішчае іншаверцаў. Вайна з імі абвешччалася вайной справядлівай, у якой дапускаюцца любыя фізічныя і маральныя сродкі³⁸. Славянскія народы ў часы Скарыны былі вымушаны абараняцца ад турэцкіх і татарскіх заваёўнікаў (у 1524 г. першыя з іх дайшлі да Кракава). Але ў прадмовах беларускага першадрукара няма асуджэння іншаверцаў, заклікаў да «свяшчэннай» знішчальнай вайны з імі — гаворка ідзе толькі пра абарону «от рук поганских». Сцвярджалася, што да язычнікаў таксама трэба адносіцца з любоўю і міласэрнасцю — «яко ся імамы заховати ко

³⁷ Владимиров, В. П. Доктор Франциск Скорина... С. 43.

³⁸ Winowski, L. Inowiercy w poglądach uczonych zachodniego chrześcijaństwa XIII-XIV wieku. Wrocław etc., 1985. S. 101.

братіі своей, яко к родителем, яко ко старейшим, яко ко младшим, яко ко немощным, яко ко иноверком и яко ко всякому человеку». Хаця «идолопоклонение поганское» нялюба Богу як вялікая памылка, але змагацца з ім трэба не зброяй, а словам «для великое любви» — як гэта рабіў апостал Павел і сам Хрыстус, што «смирив іудей с иными народы своим благовествованием». Такая цярпімасць Скарыны да «иноверков» сфармавалася як пад уплывам гістарычнага вопыту ВКЛ, дзе доўгі час мірна ўжываліся хрысціяне і язычнікі, дзе не раз, ваючы з крыжакамі, ішлі на саюз з магаметанамі, так і пад уздзеяннем рэнесанснай думкі, якая асуджала праявы сярэдневяковага фанатызму ў час крыжовых паходаў на Усход.

Верацярпімасць Францыска Скарыны служыла прыкладам як для яго сучаснікаў, так і для нашчадкаў, асабліва ў часы Контррэфармацыі, калі канфесійныя рознагалосці вырашаліся ўзброеным шляхам. Значэнне гэтага прыкладу добра разумеў і раслумачыў Максім Гарэцкі: «Дык во, тым цікавей і глаўней, што ў гісторыі нашай, якая поўна войстрага, часам дужа шкоднага краю, змагання вер — праваслаўнай, каталіцкай, уніяцкай, арыянскай, лютэрскай, кальвінскай — у гэтай гісторыі ёсціка вялікі чалавек, вялікі магутны дух, і так вышэйшы за рознае раз'юшанае чалавечае важджэнне аб драбязе, — што запісаў у гісторыю ні аб тым, як дзеля тытулаў і прывілеяў перадаўся ў пануючую веру, ні аб тым, як баронячы самабытнасць роднага краю, усё жыццё вадзіўся з «ворагамі», сваімі ж братамі, што зводзілі на нет Бацькаўшчыну; але запісаў у гісторыю аб тым, як светлы і чысты, вышэйшы ад спрэчак аб правай веры і звадак, усё жыццё, аднак, працаваў на карысць роднага люду, тварыў яго культуру, здабываў яму шчасце і славу»³⁹. Гэтак вялікі сын Мсціслаўшчыны, адкуль родам і другі друкар хрысціянскай кнігі, Пятро Мсціславец, ацэньваў значэнне для Беларусі вялікага Палачаніна.

Ідэі згоды паміж людзьмі, народамі і веравызнаннямі, якія так настойліва пашыраў Францыск Скарына, не згубілі сваёй каштоўнасці

³⁹ Вольная Беларусь. 1917. 8 жн.

і ў наш, аддалены амаль на пяць стагоддзяў час. Наадварот, сёння, калі наш народ нарэшце здабыў сваю дзяржаўнасць, якую трэба захаваць ад варажнечы, калі далёка не заўсёды азоранае духоўнасцю і прыспешанае пагоняй за прыбыткамі і спажываннем развіццё прывяло чалавецтва да глабальнага крызісу і небяспекі фізічнага знішчэння, адпаведнага біблейскаму Апошньому Суду, гэтыя ідэі набылі асаблівы сэнс, новую жыватворна-выратавальную сілу.

| *Наша вера. — 2009. — № 2.*

Франциск Скорина: бесспорное и спорное

Само слово «соотечественники» применительно к белорусско-му и восточнославянскому первопечатнику многим читателям может показаться спорным: как же так, Скорина — и вдруг причисляется к нашим зарубежным сородичам... Да так уж получилось: родился и детство провел он действительно на белорусской земле, в Полоцке, да еще как свою территорию воспринимал Вильно, общую столицу Великого Княжества Литовского, где издал две свои книги. Но Краков, где учился в университете, был для него и его земляков уже за границей, а тем более чешская Прага, где Скорина положил начало нашему книгопечатанию, а потом работал королевским садовником-ботаником. Там и умер. И где-то в Чехии похоронен.

Итак, посмотрим на нашего первопечатника, как говорится, крупным планом. Не на все его переводческое и печатное наследие, не на его ренессансные философские взгляды, ярко выразившиеся в предисловиях и послесловиях к книгам Библии, ибо все это уже достаточно глубоко проанализировано в десятках монографий и сотнях статей отечественных и зарубежных ис-

следователей, в специальных энциклопедических справочниках на белорусском и русском языках. Сосредоточим внимание на жизненном пути, полном загадок и противоречивых суждений о нем на самых разных уровнях. В живучести таких суждений я еще раз убедился в начале 2011 года.

Георгий Скорина из... Мексики

В середине января ко мне заехал житель Воложина, инженер-мелиоратор по профессии, краевед-искатель по призванию Г. Корженевский. Тогда Георгий Николаевич активно занимался получением права установить в Кракове (за свой счет!) мемориальную доску великому поэту-латинисту Николаю Гуссовскому, современнику Франциска Скорины. Переписка с властями древней польской столицы велась о том, где именно: ибо на старых университетских стенах Collegium maius, помнящих Гуссовского и Скорину, нельзя, а кладбища тех времен не сохранились... Обсуждая проблему, пришли с гостем к выводу, что это наиболее реально сделать на здании ректората (Collegium novum), где уже имеются аналогичные памятные знаки. И уже прощаясь, Георгий Николаевич спросил у меня:

— А слышали ли вы, что 28 декабря прошлого года в Мексике умер писатель и деятель польской диаспоры Георгий Скорина, прямой наследник, как он сам, гордясь, признавался, белорусско-го первопечатника?

— Про смерть не слышал. А самого Георгия Скорину заочно знаю: мы переписывались. Вот его адрес в мексиканском городке Ломос де Сотело. Он присылал вырезки своих статей, посвященных Беларуси, документы об отце, Яне (Иване), служившем в годы Первой мировой войны комендантом Бобруйской крепости. Так где же вы встречались с этим наследником? В Мексике?

— Нет, в Торуня и других городах Польши — на съездах общества «Полония». У меня сохранились фотографии.

Взаимоисключения

Чуть позже один из привезенных Георгием Николаевичем снимков показал коллеге, имеющему прямое отношение к белорусской истории XVI века. Его реакция оказалась неожиданной:

— Какие наследники? Скорина же был черным монахом! Таким его и изобразили, кажется, для Падуанского университета. На том портрете он в монашеском облачении, с вырезанной тонзурой на голове... О каких потомках, каких сыновьях тут можно говорить? Разве что о внебрачных!

— Нет, о законных. У него была жена Маргарита, вдова его виленского друга Одверника. Было два сына, может быть, приемные. Что же касается монашеского одеяния и лысины, которой нет на скорининском портрете... Да, я видел в Падуанском университете, в «Зале сорока» (выдающихся выпускников), портрет нашего Скорины. Там он действительно не только напоминает затворника-аскета, но и совсем не похож на автопортрет первопечатника. Все дело, однако, в том, что над «Залом сорока» художник работал в 1942 году, при фашистском режиме, и, в отличие от других, портрет знаменитого полочанина писал абстрактно, не пользуясь, естественно, никакими белорусскими источниками. Получился исторический казус, его признают и падуанские ученые, я говорил с ними, однако переделявать «Зал сорока» они не собираются: это уже часть их истории.

— Но в Мексике, что, живут православные? Ведь Скорина был православным по крещению, Георгием его назвали, а не Франциском. Франциском он «притворился», чтобы поступить в Краковский университет.

— Почему притворился? Среди выпускников Краковского университета значится немало Георгиев, в том числе и православных. Ренессансная эпоха требовала толерантности. Что же касается имени Георгий, то после первого, православного, крещения оно действительно могло быть у нашего первопечатника, но эту догадку еще требуется подтвердить. После же второго крещения, в полоц-

ком католическом костеле бернардинцев, во имя, обрати внимание, святого Франциска, он принял это имя, пользовался им в своих изданиях, изредка называя себя Франтишком.

— Католический храм в Полоцке в XV веке? Нигде он не упоминается!

— Такое упоминание, подтвержденное документально, есть, например, в первом томе фундаментального исследования К. Кантака Bernardyni Polscy («Польские бернардинцы»), изданном во Львове в 1933 году. Этот серьезный исследователь работал с архивом бернардинцев, сегодня для нас недоступным.

Заинтригованный изложенным выше разговором, я решил провести среди десяти своих коллег краткое «анкетирование». И девять из них сказали, что существование у Скорины потомков — нечто мифическое. А в определении конфессиональной принадлежности первопечатника выявился полный разнобой. Одни считали его безусловно православным, ибо весь Полоцк тогда был православным, да и изданные кириллицей скорининские переводы Библии, несомненно, адресовались православному «люду посполитому». Другие с таким же рвением доказывали, что он был католик, о чем, мол, свидетельствуют его имя, служба у виленского католического епископа Яна, супружество с Маргаритой Одверник, садовничество при пражском дворе и так далее. Нашелся один исследователь, отнесший Скорину к протестантам, — ведь он ездил к самому Лютеру, да и собирался верой и правдой служить прусскому владетелю Альбрехту, принявшему лютеранство и стремившемуся распространить эту веру на восток, на земли Великого Княжества Литовского. Наконец, еще один эрудированный белорус ответил, что Скорина — идейный зачинатель униатства, ибо стремился сблизить православие с католицизмом, использовал в своих предисловиях к переводам тексты как восточных, так и западных патристов (отцов церкви).

И только Вячеслав Чемерицкий, получивший в 1994 году Государственную премию Беларуси как один из участников цикла работ «Скорина и белорусская культура», вспомнил, что у белорусского

первопечатника действительно было два сына — Франтишек и Сиемон, а также, что в 1990 году на торжества в Минске и Полоцке по случаю 500-летия со времени рождения великого гуманиста приехал его потомок из Канады — профессор Станислав Стенли Скорина. К этому я добавил, что мексиканский Скорина приходился двоюродным братом канадскому.

Но о потомках позже. Теперь же несколько рассуждений о наиболее существенных и одновременно спорных моментах жизни белорусского первопечатника.

Рождение

К бесспорным фактам биографии Франциска Скорины (от старославянского «скура», т. е. скура, кожа) относится то, что он родился в Полоцке, в семье довольно богатого купца, торговца шкурами, Луки (Лукаша, Лукиана). Последний успешно, хотя порой и конфликтно торговал с Московией, поставлял товары по Двине-Даугаве в Ригу, имел свои склады в Вильно и Познани, где ему помогал старший сын Иван.

А вот с датой рождения будущего первопечатника получился разнобой. В последнем, 18-томном издании «Беларускай энцыклапедыі» сказано, что родился он около 1490 года. И далее: «Точная дата рождения неизвестна. Сопоставление сведений о поступлении в Краковский университет (1504) и защите докторской диссертации в Падуанском университете (1512), где он назван «молодым человеком», дает основания принять 1490 как приблизительный год его рождения (можно допустить и вторую половину 1480-х гг.)». Справочник «Беларускія пісьменнікі» осторожно сдвигает вероятную дату рождения еще дальше, основываясь прежде всего на внешнем виде полочанина на автопортрете. Эту дату я сопоставлял с годами рождения однокурсников Франциска Скорины и нашел ее более подходящей, чем предыдущая, ибо он вряд ли был таким вундеркиндом, чтобы, родившись в Полоцке, где не было

приметной латиноязычной среды, изучить латынь досконально (на ней тогда преподавались все предметы, требовалось разговаривать даже дома) и закончить Краковский университет за два года.

А дальше, не называя источник, еще более осторожно, в словаре «Беларускія пісьменнікі» говорится: «В печати называлась также дата 18.03.1470». Это значит, что Скорина в таком случае делался бы на 15 лет старше. Но тогда вряд ли его в 1512 году назвали бы в Падуе молодым. Да и такие переростки не встречались мне в списках краковских студиязов.

Но вот в авторитетном журнале «Вестці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук» (2008, № 3), в озаглавленной статье сотрудника Института философии Владимира Агиевича «Стан сучаснага скарыназнаўства і актуальныя праблемы засваення спадчыны асветніка» я читаю первую фразу: «Імя Георгія Лукіча Скарыны (23 красавіка 1476, Полацк — 21 чэрвеня 1551, Падуя), вядомага ў карпаратыўна-кніжных або акадэмічных колах як доктар Францыск з Полацка або з Вільні, з'яўляецца сімвалам беларускай нацыянальнай ідэі, бо ён быў не проста хрысціянскім асветнікам-гуманістам, першадрукаром усходняга славянства, але і геніяльным вучоным, які, дарэчы, сваімі працамі ўсталёўваў новую карціну свету, а дзейнасцю сцвердзіў незваротнасць працэсаў нацыяўтварэння, будучы базавым элементам нацыянальнай еднасці». И сразу же споткнулся на части, заключенной в скобки, где могу безоговорочно согласиться только с местом рождения просветителя. Особенно шокировало место смерти: как и ради чего мог Скорина снова оказаться в Падуе, если в Чехии, где он только что работал, остался его сын Симеон? Более подходят даты рождения и смерти. Однако и они установлены не на основании документов, а опираясь на астрологические заключения, на небесные знаки. Умело ли, убедительно ли, а не только ли декларативно мы начали пользоваться утерянными ключами, пробуя восстановить истину?

И все же меня смутила скорее не сама статья В. Агиевича, сколько многолетнее молчание после ее появления. Это что — знак полно-

го пріятыя? Между тем в статье мне видятся и позитивные моменты. Все же знаковость господствовала в умах и в средние века, и в эпоху Возрождения. Опираясь на нее, В. Агиевич делает немало интересных наблюдений. Остановлюсь на одном из них в дальнейшем.

Второе имя

Рассматривая канонический автопортрет Франциска Скорины 1517 года, белорусский исследователь Владимир Агиевич, автор статьи «Стан сучаснага скарызнанаўства і актуальныя праблемы засваення спадчыны асветніка», приходит к выводу, что первопечатник символически зашифровал для потомков свое имя двойко: «и в виде славянской вязи букв, и в форме астронимов “Пчела” и “Лампа” на гравюрном портрете». Расшифровка сложной славянской вязи на нижней плакетке дала вот такой результат (написание некоторых букв поневоле упрощаю): «(Георги ў Франциск ў Скориная)». Появление слова «Франциск» в данном контексте явно смутило автора статьи: признав, что в первом слове гравер закономерно «зафиксировал крестное имя Георгий как автограф», вторым словом почему-то отдал дань необязательной здесь (ведь портрет — не текст) условности — употребил не крестное, а «принятое в корпорации имя Франциск». То есть наш первопечатник опять изображается таким «приспособленцем», который капитулировал перед чуждой ему католической «корпоративностью».

Такую «тьень» Скорина не заслужил. Но, сам того не желая, Владимир Агиевич увеличил (по крайней мере, для меня) вероятность первого имени и вслед за Кантактом подтвердил законность второго.

Значит, в спорном словосочетании из грамоты короля Сигизмунда в защиту Скорины *Georgii Franciscii Skorinae* ни первое, ни второе слово не являются описками? Значит, у Скорины действительно два имени? И православное, и католическое? Как же такое стало возможным?

К. Кантак объяснил все еще в 1933 году. Оказывается, в отличие от других католических орденов, бернардинцы, патроном которых

являлся святой Франциск, не отрицали первый крест, а признавали его действительным, что делало их весьма популярными на православно-католическом пограничье. Откуда в Полоцке взялись бернардинцы? Первые следы их миссии здесь восходят, как свидетельствует варшавская *Encyklopedia Kościelna* (1913), еще ко временам Витовта. А в 1490 году великий князь ВКЛ Александр дал этому ордену привилегию (цитирую по краковскому изданию 1939 года) «на место под своим замком в Полоцке, нахождение и продолжительность которого точно определяется: по реке Полоте в сторону церкви св. Духа — ради возведения костела в честь Бога-Избавителя и святой Девы Марии, а под именем святых Франтишка и Бернардина, монастыря и его строений». В том же году из Вильно пешком в Полоцк направились четыре монаха во главе с гвардианом Львом из Ланьцута, человеком образованным и известным, возможным опекуном Скорины во время его учебы в Кракове. В 1498 году деревянный монастырь (конвент) был уже возведен, а его гвардиан получил права плебана, это значит — мог крестить прихожан, что весьма встревожило самого московского царя Ивана III.

И вот, как утверждает К. Кантак, который смог воспользоваться рукописными книгами Литовской провинции бернардинцев, вывезенными во время Первой мировой войны из Ковно в Галицию, полоцкие бернардинцы «окрестили множество людей, других вернули из схизмы». Вокруг конвента выросло нечто вроде католической общины в несколько тысяч человек. Среди «возвращенных» оказалась также семья Скорины, как об этом свидетельствует имя знаменитого издателя — Франтишек. Просветитель широко пользовался этим именем в своих предисловиях и послесловиях к переводам Библии, правда, чаще в версии Франциск. И с его авторской волей мы должны считаться.

Тот факт, что Скорина принял католическое крещение от бернардинцев, многое проясняет и в его биографии, и в его изданиях, объясняет его веротерпимость, «надконфессиональность». Все дело заключается в том, что бернардинцы, в отличие от других католических орденов, особенно иезуитов, в отличие от виленской епископ-

ской курии, с которой они вели постоянную борьбу, находились, по-современному говоря, на левом крае идейно-конфессиональной борьбы того времени, весьма толерантно, даже с симпатией относились к православию. Они признавали важными и правильными все православные таинства, в том числе и крещение, более того — не требовали при ребаптизации (повторном крещении) «принятия латинского обряда» (цитирую вслед за Кантакком). К примеру, бернардинцы одни защищали княгиню Елену, дочь московского царя Ивана III, которая, став женой литовского князя Александра, сохранила веру православную. Виленское духовенство во главе с епископом Табором считало ее «язычницей», заставляло стать католичкой. Бернардинцы же доказывали, что Елена имеет все права делить с мужем литовский престол. И потому княгиня доверила им сохранение «семейных драгоценностей».

Христианин

Сказанное выше объясняет, почему Скорина с такой легкостью «приплюсовал» к своему православному имени Георгий католическое Франтишек. Сказанное выше прекращает все прежние споры, все ненужные дежежи первопечатника в соответствии с конфессиональными приметами.

И действительно, если исходить только из конфессиональных отличий, Скорина был «плохим» православным, ибо, в отличие от «схизматиков», называл Богоматерь «Дзевіцай Марыей», летоисчисление вел не от Сотворения мира, а — вслед за Римом — от Рождества Христова, по западным канонам размещал заповеди в Моисеевом декалоге, изображения — на гравюрах. И — о ужас! — осмелился поместить в Священном Писании свой светский автопортрет. Естественно, все это существенно отличало издания Скорины от канонических православных текстов, тем более что они все еще переписывались с благоговением от руки. Поэтому привезенные в Москву для продажи книги первопечат-

ника не могли не вызвать недоверия у православного духовенства. Я верю, что их могли чечь в Москве, как об этом говорится в реляции, направленной в Рим.

Однако парадокс заключается в том, что одновременно Скорина был и «плохим» католиком, как его называл историк религии А. Ясинский. Несмотря на свою формальную подчиненность римской церкви, он мало «латинизировался», недалеко отошел от православия. Свое великое печатное дело он начал с православного праздника Преображения, ассоциировавшегося с обновлением. Идя на уступки православному заказчику, календарь в «Шестодневце», входящем в состав «Малой подорожной книжки», составил по «обычаю всех восточных церквей». В книжке названы имена святых, не признанных в католическом мире, нет обязательного в этом мире Папы Римского, а само слово «православный» употребляется довольно часто. В целом содержание скорининских изданий соответствовало православной — славянской и византийской — традиции. В противном случае старопольский писатель Шимон Старовольский не увидел бы их «в Москве и везде на Руси».

Таким образом, поскольку для Скорины было важно и первое крещение, и второе, он осознавал себя одновременно и православным, и католиком, стремился к сближению и взаимопониманию обеих конфессий. Он ориентировался на традиции раннего христианства, разделенного потом из-за политических разногласий Рима и Византии. Как пророк он предвидел, какие сложности возникнут в развитии родного ему «люда посполитого» из-за религиозных отличий, и поэтому стремился подняться над ними до общехристианских идеалов. Поэтому его при жизни во многом не понимали, чиня препятствия. Это недопонимание отчасти проявляется и сегодня.

Я глубоко уверен, что Георгий Франциск Скорина, великий христианин и творец, великомученик за Слово Божие, мог бы быть канонизирован одновременно и православной, и католической церковью — как поборник их взаимопонимания и сближения.

Полиглот

О широких общехристианских воззрениях Франциска Скорины свидетельствует и такой факт. До сих пор продолжают баталить вокруг того, с какого языка делал он свой исторический перевод Священного Писания. Одни исследователи доказывают, что с латинской вульгаты, другие — что с греческой септуагинты, третьи — с древнееврейского языка, четвертые — что, конечно же, с церковнославянского, с текстов святых Кирилла и Мефодия. И притом каждый, в зависимости от того, каким языком сам владеет, приводит красноречивые примеры-доказательства.

А ларчик, оказывается, открывается просто. И помог мне его открыть шотландский библеист Э. Гендерсон, знавший все перечисленные выше языки. В XIX веке он посетил Россию, заинтересовался Скориной и, посмотрев его Книгу Бытия в петербургской библиотеке, пришел к важному для нас заключению: Скорина использовал все (!) тексты, выбирая из каждого то, что ему больше всего подходило. В итоге его издания приобрели «оригинальность и самостоятельность». Значит, он был тем, кого мы сегодня называем полиглотом. И языки, прежде всего латынь, он, несомненно, усвоил еще в Полоцке, у бернардинцев, отличающихся ученостью. В противном случае не смог бы поступить в Краковский университет. А за перевод Библии принялся по совету (тут я опять сошлюсь на Гендерсона) польского монарха Сигизмунда, которого сопровождал в 1515 году в Вену, где можно было запастись кириллическими шрифтами. Ясно, что такой совет соответствовал давнишним чаяниям (а, возможно, и заделу) самого Скорины.

Титан

Однако Скорина был больше чем полиглотом. Разносторонность его дарования и деятельности просто феноменальна. Конечно, прежде всего нас поражает его переводческий подвиг. Примерно за

три года, прошедших с поездки в Вену до издания первых книг Библии в Праге, он совершил то, на что у других переводчиков уходила вся жизнь, — перевел весь Ветхий Завет: это не только 23 напечатанные книги, но и те, что остались в рукописях, найденных позже в разных странах. Более того, снабдил эти переводы предисловиями и послесловиями, глубокими по своему философскому и богословскому содержанию, образному, поэтическому языку (цитат здесь можно привести множество). А кроме того, он стал еще издателем своих книг, их оформителем, а значит, и художником, и гравером, достигшим совершенства в своем автопортрете. Наконец, он славился как медик, ботаник, проявил недюжинные знания по астрономии, о чем свидетельствует составленный им календарь, выявленный не так давно в Копенгагене в редком экземпляре его «Малой подорожной книжки». Воистину можно ставить знак равенства между Франциском Скориной и Леонардо да Винчи, другими европейскими титанами эпохи Возрождения, о которых писал Фридрих Энгельс.

Кончина

Поневоле думаешь, сколько всего хорошего смог бы еще сделать Скорина, если бы он действовал в более благоприятных условиях, если бы окружение лучше понимало его и помогало, опережавшему свое время по меньшей мере на полстолетия — до Федорова, Мстиславца и Будного. И если бы не беды, которые стали подстерегать великого гуманиста после издания в Вильно «Апостола» (1525). Это и смерть жены Маргариты, и тяжбы с ее родственниками, и пожар, в котором, вероятно, сгорела и его типография, перевезенная из Праги, и смерть брата Ивана, и тюрьма, в которой очутился в Познани Франциск за долги последнего (это свидетельствует, что наш первопечатник, продолжая семейные традиции, принимал участие также и в торговых делах), и вынужденный переезд с детьми в Прагу, и козни недоброжелателей при дворе чешского короля Фердинанда. В итоге он, садовник-ботаник-медик, вынужден был

покинуть столицу и переехать со старшим сыном Симеоном в замок Крумлов на юге страны. Младший же сын, Франтишек, остался в Праге, в доме друга, где о мальчишке заботилась повариха Магдалена.

И вот Скорину постигло новое несчастье. 2 июня 1541 года хронист В. Гаек записал: при пожаре в пражском кремле в дружеском доме ксендза Яна из Пухова погиб «Франтишек, сын бывшего когда-то доктора Руса». Некоторые исследователи, исходя из последней части фразы, склонны считать, что она свидетельствует, будто Скорина умер до этой даты. Но чешская белорусистка, почетный доктор Полоцкого университета Франтишка Соколова убедительно возразила, что здесь зафиксировано лишь отсутствие нашего соотечественника на тот момент в Праге. Скончался он на десятилетие позже. Ибо тогда почему Симеон Скорина обратился к королю Фердинанду с просьбой вернуть ему наследие отца (значит, оно было!) только в 1552 году? Как видно из документов, в 1577 году старший сын просветителя, перенявший работу у отца, все еще работал в Крумлове садовником.

Из сказанного вытекает, что могилу Франциска Скорины также следует искать не в Праге, как это считалось раньше, а в Крумлове, южной столице Чехии. В 1989 году в составе группы белорусских исследователей и скульпторов, выезжавших по инициативе Министерства иностранных дел Беларуси в Прагу, чтобы определить место для памятника нашему первопечатнику, это пытался сделать и я лично. Но встречи с чешскими историками убедили: поездке в Крумлов должны предшествовать сложные архивные поиски, для чего понадобятся совместные усилия белорусских и чешских специалистов.

Наследники

Нтак, единственным человеком, который мог продолжить славный род, был Симеон Скорина. Мы пока не можем точно доказать, имел ли он детей и сколько. Но, очевидно, имел, если и профессор Монреальского университета Станислав Стенли Скорина,

и его мексиканский двоюродный брат Георгий Скорина считали себя прямыми потомками выходца из Полоцка, переведшего Библию «на русинский язык».

Несколько слов о каждом. Станислав Стенли Скорина, как и его предок, всесторонне одаренный человек. В нем удивительно сочетались медик и философ. А еще композитор. Когда мы вторично встретились с ним в 1990 году — на этот раз в Нью-Йорке, в клубе ООН на торжественном вечере, посвященном 500-летию со дня рождения Франциска Скорины, — он подарил мне грампластинку с музыкой одного из своих балетов, а также свою книжку о том, как сохранить здоровым желудок.

Георгий Скорина, родившийся в Кракове в 1926 году, участвовал в антифашистском восстании в Варшаве, попал в концентрационный лагерь. Добравшись через Канаду в Мексику, занимался литературным творчеством, переводил на испанский язык исторические исследования и мемуары, получил высокие правительственные награды Польши, Англии и Мексики. В своих письмах ко мне высказывал надежду, что когда-нибудь вместе с женой Дельей Мартинес, сыновьями Михалом, Георгием, Франтишком, Станиславом и дочерью Эльжбетой посетит родину своих предков, побывает в Полоцке и Бобруйске.

И мне кажется символическим, что в то время, когда наши ученые до хрипоты спорят, как называть первопечатника, Георгием или Франциском, в далекой Мексике живут в одной семье как продолжатели традиции два брата, которые носят те же имена. Надеюсь, во исполнение мечты отца они побывают на родине своих предков в дни, когда мы будем праздновать 500-летие своего книгопечатания.

Компетентно

Вячаслаў ЧАМЯРЫЦКІ, супрацоўнік Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАНБ, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Беларусі:

— Паколькі гаворка ідзе пра пачынальніка беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання Францыска Скарыну, то найперш трэба прыгадаць, што неўзабаве, у 2017 годзе, гэтаму кнігадрукаванню споўніцца 500 год. Па сутнасці, гэта адзіная значная дата ў жыцці Вялікага Палачаніна, якую мы дакладна ведаем. Да такога значнага юбілею пара пачынаць падрыхтоўку: стварыць міжінстытуцкую, міждысцыплінарную, а можа, і міжнародную рабочую групу, якая падрыхтавала б новае выданне твораў Скарыны, дакументаў пра яго жыццё і дзейнасць, у тым ліку, і новазнайдзеных, манаграфію, у якой былі б зняты спрэчныя моманты, ліквідаваны белыя плямы ў яго біяграфіі, урэшце, міжнародную юбілейную канферэнцыю, для чаго патрэбны аргкамітэт.

Не сумняваюся, што юбілей стымулюе з'яўленне новых фільмаў, тэатральных пастановак, мастацкіх твораў, прысвечаных першадрукару. У гэтым кантэксце мяне ўзрадавала, што вядомы драматург Андрэй Курэйчык напісаў сцэнарый фільма «Скарына». Хацелася б, вядома, каб твор быў рэалізаваны ў адпаведнасці з гістарычнай праўдай, нацыянальнай і дзяржаўнай ідэяй.

| *СБ. Беларусь сегодняя. — 2011. — 19, 26 февр.*

Іван, сын Фёдараў — родам з Вілейшыны

| Архітэктар і краязнаўца Анатоль Капцюг на падставе канкрэтных мясцовых фактаў пацвярджае беларускае паходжанне аднаго з першых беларускіх кнігадрукароў.

Набліжаецца агульнаславянскае і сусветнае, несумненна ЮНЕСКАўскае свята — пяцісотая гадавіна беларускага і тым самым усходнеславянскага кніжнага друкавання, выдання 6 жніўня

1517 года Францыскам Скарынам першай біблейскай кніжкі, Псалтыра, у сваім перакладзе на старабеларускую мову. За ёй у Празе Чэшскай, а потым у Вільні пайшлі ў свет іншыя часткі Святога Пісання. Гэта быў працяг і адначасова канкрэтызацыя вялікай справы, распачатай Святымі Кірылам і Мяфодзіем, — набліжэння Слова Богага да народа. І Скарына таксама адрасаваў свой пераклад праваслаўнаму «людзю посполитому», будучы ўжо католікам, прыняўшы ў 1498 годзе разам з сям'ёй новае хрышчэнне ў полацкіх бернардынаў, якія, у адрозненне ад іншых ордэнаў, не адмянялі і папярэдняя, праваслаўнага хросту. Вялікі Палачанін адчуваў сябе і паводзіў найперш як хрысціянін.

Дадзены артыкул хачу прысвяціць вучню і прадаўжальніку высякароднай справы пашырэння хрысціянства сярод усходніх славян Івану Фёдараву. Чуткі пра яго беларускае, то вілейскае, то баранавіцкае паходжанне даходзілі да мяне і раней. Але здаваліся мне недастаткова аргументаванымі. І толькі цяпер, наведваючы ў другой палове мая, у Дзень музеяў, Вілейскі гісторыка-краязнаўчы музей, атрымаўшы там з рук аўтара, архітэктара і краязнаўцы Анатоля Капцюга, брашуру «Іван Фёдараў і дваранскі род Вялікага Княства Літоўскага — Рагозы» і ўважліва праштудзіраваўшы яе, я адчуў, што доказы аўтара дастаткова аргументаваныя, што абапіраецца ён на канкрэтныя мясцовыя факты.

І найпершы з тых фактаў той, што Фёдараў сын Іван меў, у адрозненне ад тагачасных маскавітаў (нават Карл Маркс выразна аддзяляў тагачасныя Русь Літоўскую і Русь Маскоўскую), дваранскі (шляхецкі) герб Рагоза, найбольш шырока распаўсюджаны якраз у тагачасным Вілейскім павеце Віленскага ваяводства Вялікага Княства Літоўскага. Анатоль Капцюг склаў грунтоўны «Радавод роду Рагозаў (XVI стагоддзе)». У ім — толькі адзін «зямлянін гаспадарскі» Іван (1510?–1583), сын Фёдара, баярына гаспадарскага і ўнук Міраслава, уладальніка Міраслававічаў і часткі маёнтка ў Хаценчыцах. Мяркуючы па схеме, змешчанай у брашуры, у Івана быў брат Багдан, надворны падскарбі ВКЛ, і дзве пачарговыя жонкі, Апанія Іванаўна і Настасся Змайлаўна.

Скрупулёзна даследуючы выбраную тэму, Анатоль Капцюг выявіў нямала патрэбных архіўных дакументаў і замежных

публікацый. Сярод іх — судовыя лісты і акты аб падзеле спадчыны, куплі і продажы частак мясцовых маёнткаў у Хаценчыцах і Лукаўцы, ліст Івана Фёдаравіча да саксонскага кюрфюрста Аўгуста, знойдзены польскім гісторыкам У. Галубіцкім у Дрэздэне.

Затым у брашуры прыводзяцца звесткі пра Івана сына Фёдара з Петкавіч, які ў 1529 годзе паступіў у кракаўскі Ягелонскі ўніверсітэт — той самы, які раней заканчваў і Францыск Скарына. Петкавічы, па слушнай заўвазе А. Капцюга, гэта сённяшнія Пецькавічы, якія знаходзяцца непадалёку ад Хаценчыц, бо мяккі знак у тых часы ніяк не перадаваўся. А потым, гаворыцца ў брашуры, у тым самым універсітэце ў 1532 годзе ступень бакалаўра атрымаў «Іван Фёдараў Масквіцін»... Чаму адбылася такая раптоўная трансфармацыя наймення, яшчэ прыйдзецца ў сувязі з юбілеем папацець гісторыкам — і мінскім, і маскоўскім, і кракаўскім.

Што рабіў наш суайчыннік на працягу наступных трыццаці год, пакуль невядома. Я не выключаю, што ў гэты час магла адбыцца і асабістая сустрэча сустрэча Фёдаравіча са Скарынам — гэтка перадача эстафеты з парадамі і перасцярогамі. Бо не выпадкова ж, накіроўваючыся ў Маскву, ён бярэ сабе ў памочнікі Пятра Мсціслаўца, а потым, выдаўшы ў расійскай сталіцы «Апостала» і яшчэ некалькі кніг (а на маскоўскім выдавецкім знаку мы бачым адзін з асноўных элементаў герба Рагоза — выгінастую палоску!), зноў накіроўваецца разам з друкарскай маёмасцю на традыцыйную тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага — у Заблудаў, маёнтак братаў Хадкевічаў, сваіх суседзяў па Вілейшчыне. Там ён выдаваў кніжкі да 1570 года. Адтуль пераехаў у Львоў, каб там працягваць сваю высакародную справу служэння Богу і людзям.

Такім чынам, працэс нараджэння і развіцця кніжнага друкавання ва ўсходняй славяншчыне перарастае з перарывістага ва ўзаемазвязаны, патрабуе новых пошукаў і новай даследчыцкай ацэнкі.

IV. Книгаторцы

Канцлер Хрептович возвращается в Щорсы

По дороге в Национальную библиотеку Беларуси на заседание белорусско-литовско-польского «круглого стола», посвященного наследию подканцлера, а потом и последнего канцлера Великого Княжества Литовского Иоахима (!) Игнатия Юзефа Литавора-Хрептовича, я раздумывал: какие наименования могу употребить в статье о нем как о нашем соотечественнике? Конечно, библиофил.

О нем как о собирателе книг, обладателе ценнейшей библиотеки в Щорсах, что около Новогрудка, ее сложной судьбе (теперь она находится в Киеве, но на нее претендуют и Литва, и Беларусь) я уже писал в статье «Дар или депозит?», помещенной сначала в «СБ», а потом в книге «Белорусские сокровища за рубежом» (Минск, 2009). А еще Хрептович широко известен как хороший хозяйственник, опережавший свое время: в принадлежавших ему имениях Щорсы и Вишнево первым на белорусских землях отменил непродуктивное «хаджэнне на паншчыну».

Но кто он был по этническому происхождению? Сам Хрептович называл себя литвином, однако, литовского языка, кажется, не знал. Литвинами ведь называли себя и Скорина, и Сапеги, и Острожские, имея в виду свое гражданство в ВКЛ, и многие другие этнические «русины», это значит протобелорусы... А какой тогда язык Хрептович считал своим родным?

И тут вспомнилась моя давнишняя находка в Курнике, что около Познани в Польше, сделанная в 1971 году как раз перед самым Новым годом.

Белорусский поэт

Возвращаю из прошлого свою запись, сделанную в библиотеке древнего курникского замка 27–28 декабря 1970 года: «Теперь уже знаю, каким образом Титус Дзялыньский приобрел 96 редких рукописей из радзивилловской коллекции. В 1822 году К. Квятковский, несвижский библиотекарь, украл их, а потом продал за 2000 талеров (12 тысяч золотых) познаньскому магнату».

Рядом с пергаментами XIII столетия в «левой» добыче Дзялыньских, очевидно, находилась и рукопись, имеющая теперь номер 1280. И даже не рукопись, а несколько писем, адресованных в Мозырь некоему Подвысоцкому. И — латиницей — несколько страничек с белорусскими произведениями XVIII столетия. Первым идет стихотворное поздравление, с которым внуки обращаются к дедушке и бабушке по случаю их новоселья:

*Всем многі век у новай хаце
Пры гойнай неба заплаце.
Жывіце без всякай тугі
І як паны, тако ж і слугі
Пры новай гадыне.
Палац гойны, в нім прыгожа,
Паўбірана ўсюды гожа,
Гдзе пойдзеш, напасеш очы —
Глядзеўбысь аж да цёмнай ночы,
Пачаўшы ад світу.*

И дальше еще в 50 (!) строках описывается «жытла гасподне», куда, в новый «палац», «дабро з шчасцем» и «благаслаўленне гасподняе» прибыли. У хозяев того «палаца» есть «сын едыны» по имени Адам. В самом же конце стихотворения называются и имена тех, кто выступал с поздравлением, а один из них, вероятно, заранее написал текст:

*Брат з сястрою — адно здане,
Вас славіці не прастане,*

*Без разлукі, як чытаюць,
Нашы ймёна спамінаюць:
Іахім і Анна.
Зачынайце ж лета новы,
У новай хаце все здаровы,
Свях варогаў памяніце,
В краснай долі все жывіце —
Внук з внучкаў зычы.*

«Подождите, — записал я тогда и повторяю теперь. — Имя Иоахим могло ведь принадлежать известному Иоахиму Хрептовичу. А как же звали его сестру? Его дедушку и бабушку? Так и есть! Единственную сестру Иоахима звали Анной. А дедом его по материнской линии был маршалок конфедерации Новогрудского воеводства Казимир Неселовский, автор нескольких книжек, изданных в Пинске и Варшаве. Жену его тоже звали Теофилией. Есть и Адам Неселовский, их сын, который также дважды, в 1741 и 1746 гг., издавал в Пинске свои стихи. Все совпадает, все становится на свое место.

Старая польская энциклопедия свидетельствует, что И. Хрептович воспитывался в доме своего деда в Ясенце (из географических словарей: Ясенец — деревня и фольварок в бывших Новогрудском воеводстве и губернии, над рекой Сервечь, при дороге из Городища в Тугановичи; теперь это Барановичский район). А поскольку будущий последний канцлер ВКЛ родился там же в 1729 году, значит, стихотворение возникло где-то в сороковые годы XVIII столетия. Автором поздравления, скорее всего, был сам юный Хрептович».

На «круглом столе»

Состоявшееся недавно белорусско-литовско-польское заседание организовали Национальная библиотека Беларуси и посольство Литовской Республики в Беларуси. По существу, оно стало презентацией книги Иоахима Хрептовича «Аб прыродным праве» (Виль-

нюс, 2014). Ее рукопись в 1812 году автор передал на смертном ложе своему другу Богушу с запретом печатать под настоящей фамилией. Вот почему эта «элементарная и подручная книга по политической экономике» увидела свет в 1814 году анонимно и ждала своего переиздания ровно 200 лет!

Не буду пересказывать содержание интереснейших докладов и дискуссионных выступлений на заседании. Выделю только сообщения гостей из Новогрудка — директора местного историко-краеведческого музея Тамары Вершицкой и заместителя директора районной централизованной библиотечной системы Ирины Стародымовой, приятно удививших присутствующих рассказами о том, что традиции Хрептовича в Щорсах и, шире, на Новогрудчине оживают: здесь проводятся «Щорсовские чтения», организуются книжные выставки. Щорсы и соседнее «тандемное» Лавришево с его давним, со времен Миндовга, православным монастырем становятся своеобразными духовно-культурными центрами Новогрудчины (вот бы еще, подумалось, вернуть туда из Кракова Лавришевское Евангелие — был бы сделан прекрасный добрососедский жест!). Но высказанная кем-то мысль о том, что надо вернуть из Киева богатейшую библиотеку Хрептовичей именно в Щорсы, вызвала полемику. Да, Мицкевич, Лелевель, Почобут-Одлянницкий, Сырокомля, Чечот и другие светила туда ездили работать, а Мицкевич здесь даже дважды жил, да, здание библиотеки сохранилось, но кто и как сегодня туда поедет читать? К тому же значительные части легендарной библиотеки оказались и в Варшаве, и в Вильно. Поэтому не лучше ли (как председатель комиссии «Вяртанне» БФК к такому решению присоединился и я) объявить библиотеку (вернее, библиотеки) последнего канцлера ВКЛ совместным достоянием четырех соседних стран и народов, восстановить ее, по возможности, в виртуальном виде (насколько мне известно, киевляне над электронным вариантом уже работают). А наиболее ценные раритеты переиздавать в книжном виде. И вильнюсское издание «Аб прыродным праве» стало бы здесь добрым началом и примером.

...В своем выступлении я, конечно же, не мог не прочитать начало и конец моей давнишней, но все еще почти неизвестной кур-

никской находки. После чего услышал недоуменный вопрос: «А кто переводчик этого стихотворения?» Пришлось ответить: «Это звучал оригинал. Наши прежние представления о тотальной полонизации белорусских земель в XVIII веке явно преувеличены. В той же курникской папке под номером 1280 находятся еще два белорусских произведения песенно-интимной лирики, судя по стилю, иного автора. Аналогичных примеров можно привести множество».

Многообразие

Прежде всего, Иоахим Хрептович — мыслитель, философ. Он являлся в ВКЛ, Речи Посполитой и Российской империи самым видным и последовательным поборником физиократизма — общеевропейского философского течения, представители которого объявляли личную и общественную свободу человека источником и основой всеобщего благосостояния. Естественно, он был сторонником эволюционного развития, поэтому не сопротивлялся второму и третьему разделу Речи Посполитой, не участвовал в восстании Костюшко, хотя и осмелился сопровождать последнего короля погибшей от анархии державы во время Гродненского сейма.

Затем его можно назвать организатором просвещения. В образовательной комиссии, тогдашнем министерстве просвещения, он долгие годы руководил комиссией школ ВКЛ, в Варшаве был движущей силой Общества друзей науки, в своих имениях по английскому образцу открывал ланкастерские школы, в публицистических статьях, помещенных в варшавском «Мониторе», доказывал, что неграмотный крестьянин является обузой для хозяина, а значит, и для всего общества. Сам демонстрировал отличное владение законами поэтики, риторики и логики, что доказал своими стихами на польском и переходном от старого к новому белорусском языках, исследованием «Поэзия».

Теория у Хрептовича органически сочеталась с практикой. Его можно также назвать экономистом-реформатором. Вернувшись

в 1779 году из продолжительного образовательного путешествия по Западной Европе, он начал в своих деревнях, первоначально очень бедных, проводить инвентаризацию, улучшение земель, которые потом разделил между крестьянами, заменил барщину разумными налогами, искоренял пьянство в корчмах, другие вредные привычки. Организовал в Вишнево выплавку железа из болотной руды. Модернизировал, как бы мы сегодня сказали, сельскохозяйственную технику. Вот почему в Щорсах, Негневичах, Вишнево, Зембине крестьяне и сегодня богаче и хозяйственнее живут, чем в соседних селениях.

И. Хрептовича называют также активным и умным государственным деятелем, дипломатом. Не имея содействующих связей, он прошел путь от новогрудского стольника до канцлера ВКЛ и министра иностранных дел всей Речи Посполитой. И в то же время не сторонился физического труда, прослыл отменным пчеловодом.

Таким образом, Иоахим Хрептович представился мне одной из наиболее ярких, если не самой яркой личностью эпохи Просвещения. По закону «отрицания отрицания» он сродни титанам более ранней (XVI век) эпохи Возрождения заполняет довольно пустую лауну XVIII столетия. И как таковой достоин почитания в нашем национальном пантеоне. Мне видится бронзовое изваяние последнего канцлера ВКЛ у входа в сохранившееся здание Щорсовской библиотеки.

| СБ. *Беларусь сегодня*. — 2015. — 30 янв.

Палітык. Дыпламат. Кампазітар. Мемуарыст

| Нядаўна апублікаваны раней малавядомыя факты з жыцця Міхала Клеафаса Агінскага, 250-я ўгодкі якога сёлета адзначаліся.

За мроівам гадоў губляюцца абрысы мінулага, аднак дзякуючы ўдумлівым даследчыкам ёсць магчымасць у нас лепш яго разгледзець, нават пазбавіцца ад старых догмаў. Вось і ў гэтых нататках падаецца новы погляд на ЮНЕСКАўскага юбіляра. Самы час тое зрабіць: Міжнароднай канферэнцыяй у Маладзечне і выходам у перакладзе з літоўскай мовы каштоўнай манаграфіі Рамуне Шмігельскіце-Стукене паспяхова завяршаецца Год Агінскага.

Нагадаю, першая канферэнцыя, прысвечаная Міхалу Клеафасу Агінскаму як юбіляру ЮНЕСКА, прайшла ў Мінску, другая — у Залессі Смаргонскага раёна, дзе ён з перапынкамі жыў каля 20 гадоў. А форум «Культурная спадчына роду Агінскіх і яе значэнне для сучаснага развіцця грамадства» з удзелам дакладчыкаў з Беларусі, Літвы і Расіі прайшоў у Маладзечне, дзе ўзвышаецца помнік юбіляру, дзейнічае музычны каледж яго імя. А дырэктар каледжа — Рыгор Сарока, старшыня праўлення мясцовага Дабрачыннага фонду «Спадчына Міхала Клеафаса Агінскага», ён і арганізаваў Міжнародную навукова-практычную канферэнцыю. Паводле праграмы як супрацоўнік газеты «Голас Радзімы» я выступіў на яе пленарным пасяджэнні з дакладам «Найпершы беларуска-літоўскі Еўрапеец».

Пераказваць тое выступленне, даклады іншых удзельнікаў, а іх было каля 50, не буду. Назаву толькі дакладчыкаў, чые працы выклікалі найбольшую цікавасць або мелі працяг. Масквіч Юльян Бельскі выступіў з дакладам «Вобраз князя Міхала Клеафаса Агінскага ў рускай і польскай паэзіі» ды прыемна здзівіў прысутных добрым валоданнем беларускай мовай. Прафесары мінскіх ВНУ музыказнавец Вольга Дадзіёмава і культуролог Аляксандр Смолік дапамаглі прысутным лепш асэнсаваць ролю юбіляра ў «мастацкім свеце Беларусі» ды паўсядзённае жыццё Агінскіх у Залессі ў асвятленні іх лагойскага госця графа Канстанціна Тышкевіча. Вядомыя дыпламаты Пётр Краўчанка і Уладзімір Шчасны расказалі пра невядомыя лісты аўтара паланэза «Развітанне з Радзімай» і ролю ЮНЕСКА ў падрыхтоўцы да 250-годдзя М. К. Агінскага.

Прыехалі ў Маладзечна і літоўскія даследчыкі. Дырэктар Рэтаваўскага музея гісторыі ды культуры Агінскіх і старшыня Міжнароднага грамадскага савета па адраджэнні ды папулярызацыі спадчыны М. К. Агінскага Вітас Руткаўскас, загадчыца аддзела рэдкіх выданняў Бібліятэкі імя Урублеўскіх Літоўскай акадэміі навук Дайва Нарбуцене і дырэктар Нацыянальнага мастацкага музея Чурлёніса Освальдас Даўгеліс паведамілі пра вынікі работы музея ў Рэтавасе, дзяржаўных і прыватных калекцыях рукапісаў і карцін Агінскіх у Вільнюсе і Каўнасе. Найбольшае ўражанне на мяне ды калег зрабіў даклад літоўскага гісторыка Рамуне Шмігельскіце-Стукене «За кулісамі палітычнага жыцця: перамогі і няўдачы прыватнага жыцця Міхала Клеафаса Агінскага». Даследчыцы ўдалося знайсці ў Вільнюсе яго завяшчанне, датаванае 1818 годам! У ім уся маёмасць на выпадак смерці дзеліцца пароўну паміж двума сынамі ад першага шлюбу і чатырма дзецьмі ад другога. Так што ставім пад сумненне перабольшанні ці плёткі, запушчаныя зласлівым мемуарыстам С. Мараўскім, у якія і сам я раней верыў, «рэабілітуем» як Ізабелу Лясоцкую і Марыю Неры, так і самога Міхала Клеафаса, інакш асэнсаваўшы некаторыя яго важныя ўчынкі.

А ўсяго праз месяц пасля тае канферэнцыі (бываюць жа цуды!) пабачыў я прывабна выдадзеную ў новым мінскім выдавецтве «Научный мир» кніжку той жа даследчыцы «Міхал Клеафас Агінскі: палітык, дыпламат, міністр» у перакладзе з літоўскай на рускую мову Таццяны Цімчанкі. Аўтар прадмовы, вядомы беларускі гісторык Андрэй Мацук вызначае яе выключнае значэнне такімі словамі: «Кніга Рамуне Шмігельскіце-Стукене дазваляе разбурыць стэрэатып, калі Міхал Клеафас Агінскі бачыцца нам толькі як кампазітар, аўтар выдатнага паланэза. Бо мэта кнігі — прадставіць яго як дзяржаўнага дзеяча, палітыка і дыпламата, пры тым свядома не паглыбляючыся ў дзейнасць М. К. Агінскага як кампазітара, шырока раскрытую ў гістарыяграфіі». Памяць менавіта пра такога суайчынніка, лічыць аўтар прадмовы, «у першую чаргу важная для народаў Літвы і Беларусі», чыя дзяржаўнасць, права на яе, дададзім ад сябе, не раз ставіліся пад сумненне. У гэтым сэнсе Агінскі сён-

ня становіцца для нас постаццю гістарычнай, прадвеснікам нашай дзяржаўнасці, якая ў завершаным выглядзе прыйшла да беларусаў амаль на два стагоддзі пазней. Прынамсі так я разумею словы ў назве маладзечанскай канферэнцыі пра яе значэнне «для сучаснага развіцця грамадства».

Ва «Уводзінах» да кнігі тую ж думку развівае і сама аўтарка, бачачы тры этапы ў спасціжэнні сутнасці Агінскага. На першым беларуска С. Немагай, літоўка Д. Кяўляйкіце, паляк А. Новак-Рамановіч, рускі І. Бэлза (дабаўлю сюды і сябе, аўтара гэтых радкоў) бачылі ў Агінскім пераважна кампазітара, на другім (беларус С. Верамейчык, англічанін А. Залускі) — яшчэ і таленавітага празаіка-мемуарыста. І вось Р. Шмігельскіце-Стукене, выкарыстаўшы віленскія, гаагскія, варшаўскія, маскоўскія архівы (да прыкладу, перапіску Агінскага з апошнім каралём Рэчы Паспалітай, ураджэнцам Беларусі Станіславам Аўгустам Панятоўскім), атрымала дастаткова аргументаў, каб у характарыстыцы Агінскага на першае месца паставіць словы «палітык, дыпламат, дзяржаўнік». Прытым дэмакратычны, смелы. Аказваецца, у «падрыхтаваным М. К. Агінскім у 1811 г. праекце Канстытуцыі Вялікага Княства Літоўскага было прадугледжана паступовае вызваленне сялян, а магчымасць палітычнага прадстаўніцтва сялянства абмяркоўвалася на сейміку дваран Віленскай губерні ў 1817 г.» (пад кіраўніцтвам той самай асобы).

Найбольш самастойнымі, насычанымі новымі фактамі, узятымі з архіваў, мне бачацца другі ды трэці раздзелы манаграфіі: «Камісар Бюджэтнай камісіі Вялікага княства Літоўскага» і «Паміж Варшавай, Гагай і Лонданам. Дыпламатычная місія ў кантэксце геапалітычных пераменаў». Пераказваць іх тут няма сэнсу, раю зацікаўленым набыць манаграфію ў мінскім «Кніжным салоне». А ў раздзеле «Час палітычных кампрамісаў і рашэнняў» расказваецца пра напружаную дзейнасць Агінскага ў час самага трагічнага для нашага народа Гродзенскага сейма 1793 года. Міхал Клеафас удзельнічаў у складанні вымушанай дамовы з Расіяй. За тое яго потым папракалі ў здрадніцтве, а ён жа быў рэалістам. Імкнуўся, напрыклад, ураўняць у правах Польшчу і ВКЛ хаця б па колькасці ваяводстваў (дзесяць

на дзесяць), напружана працаваў над законам «Пра абмежаванні раскошы», які зніжаў заробкі высокім чыноўнікам на 25 працэнтаў, абавязваў купляць толькі мясцовае, забараняў увозіць і ўжываць дарагое французкае віно, але падтрымліваў вываз драўніны для вырабу за мяжой мэблі. Устанаўліваліся больш справядлівыя суадносіны пры абмене грошай. Такія і падобныя рэформы заклікалася праводзіць дзеля таго, каб той, «хто мае менш», ахоўваўся «сілаю закона, каб мог ён пражыць на свае даходы».

А праз год, у час Касцюшкаўскага паўстання, Агінскі зноў дзейнічаў на беларуска-літоўскіх землях. Тады яго выкарыстоўвалі ў Вільні для супакаення натоўпу. Ён зноў паказаў сябе як палітык, «здольны згуртаваць народы. Як вопытны ваяр правёў атрады, прытым часткова з узброеных пікамі ды выпрамленымі косамі сялян, на ўсход, да Валожына ды Івянца, і на поўнач, да Браслава і Дзвіны, не пашкадаваўшы на паходы сваіх і жончыных грошай». Даведаўшыся пра падзеі на беларуска-літоўскіх землях, кіраўнік паўстання Тадэвуш Касцюшка прызнаў: «Грамадзянін Агінскі, які сваю экспедыцыю так паспяхова завяршыў, заслужыў на падзяку народа, якую ад імя апошняга яму і абвясчаю».

Шлях палітычнай і дыпламатычнай дзейнасці, гаворыцца ў канцы манаграфіі літоўскай даследчыцы, «раскрывае новае аблічча Міхала Клеафаса Агінскага — актыўнага і паспяховага дзеяча».

| *Голас Радзімы. — 2015. — 24 снеж.*

Гениальный сын земли Новогрудской

| Наш великий соотечественник родился в бывшем Новогрудском уезде Гродненской, а потом Минской губернии. Где конкретно? Среди литературоведов споры об этом то раз-

гораются, то затихают. Одни указывают на сам Новогрудок, другие — за Заосье под Барановичами, третьи — на придорожную корчму. Мне же куда убедительнее кажутся аргументы в пользу одного из еще двух Заосий, существовавших в том же уезде в позапрошлом столетии. Доказательства изложены в статье «Притягательная сила Парижа» («СБ», 1 августа 2008 г.). Но в данном случае они не столь существенны, поскольку Новогрудчина в любом случае остается родиной Мицкевича, его жизненной и творческой колыбелью.

Белорус? Поляк? Литвин (литовец)?

Поначалу вопрос о национальности Мицкевича я вообще в этой статье не хотел затрагивать. Но тут пришло в редакцию на мое имя письмо читателя из Минска Геннадия Балаболова, упрекавшего меня в отсутствии должного патриотизма: «...читаю у вас уже в который раз — “великий польский поэт — прославленный уроженец земли Новогрудской Адам Мицкевич”. Режет слух и досадно. Мицкевич называл себя литвином, т.е. белорусом. Не литовцем, летувисом, т.е. балтом, а литвином. Тогда почему сразу не сказать о Мицкевиче как о белорусе».

На мой взгляд, вопрос здесь и куда сложнее, и куда проще. Ведь Мицкевич сам не делил себя, и мы тоже не имеем права этого делать. К тому же патриотические чувства, понимание родины у поэта со временем менялись. Впрочем, обо всем по порядку.

Гении не делятся

Весь парадокс в том, что лет 20 назад я и сам мыслил подобно читателю Балаболову. Начну, пожалуй, с личного. Адам Мицкевич вошел в мою жизнь с 1955 года, когда отмечалось 100-летие со дня его смерти. Тогда по собственному выбору я начал писать

дипломную работу «Адам Мицкевич — публицист». И обнаружил много преинтереснейших сведений о нем как о патриоте своей родины, борце за свободу европейских народов. Газета, которую он издавал в Париже во время революции 1848 года, так и называлась — *La Tribune des Peuples* («Трибуна народов»). А еще оказалось, что Мицкевич предвидел многое из будущего — телевидение и даже полеты в космос. Недаром его считали не только гением, но и пророком.

А потом у меня было еще составление белорусского сборника произведений Мицкевича, посвященных новогрудскому краю, подготовка к печати белорусского перевода его эпопеи «Пан Тадеуш», сделанного Брониславом Тарашкевичем, работа над книгой «Адам Мицкевич и Беларусь» и многое другое. Думается, именно поэтому 10 лет назад, когда во всем мире отмечалось 200-летие со дня рождения нашего великого соотечественника, из Польши мне пришло приглашение принять от Беларуси членство в Международном юбилейном комитете.

Но ехал я в Варшаву на заседание комитета, а потом и на юбилейную научную конференцию, хотя и вооруженный различными книгами, однако в смятении чувств. Ведь предстояло доказывать то, о чем, по существу, и пишет Геннадий Балаболов: мол, и мы, белорусы, имеем право на наследие поэта. Потому что родился он на нашей, новогрудской, земле. Предком его был восточнобелорусский крестьянин Митька (вычитал у польского исследователя), а другой представитель этого разветвленного рода стал белорусским писателем Якубом Коласом! И главное: как поэт Адам Мицкевич возрос на белорусской действительности, на богатейшем белорусском фольклоре. На основании всего вышеизложенного и многого другого некоторые горячие патриоты и утверждали (Балаболов здесь далеко не первый), не допуская ни малейшего компромисса: Мицкевич стопроцентно белорусский. И баста!

Но одновременно существовали и другие крайние позиции. Я видел польские путеводители, где однозначно утверждалось: Новогрудчина — польская земля, поскольку там родился Мицкевич. А литовцы, усмехаясь, сразу же ссылались на первую строку поэмы

«Пан Тадеуш»: «Litwo! Ojczyzna moja...» — «О, Литва! Моя Отчизна...» «А ваш Новогрудок — это Наугардукас, первая или вторая, после полулегендарной Воруты, столица Великого Княжества Литовского. И Миндовг, коронованный там, это наш и только наш Миндаугас...» Споры, случалось, заходили в тупик. «Не хватало еще, чтобы они снова разгорелись на юбилейной конференции, не пристало, чтобы я стал одним из разжигателей», — думалось под перестук вагонных колес.

Однако уже на первом пленарном заседании в выступлениях именитых общественных деятелей, ученых, писателей была поставлена одна из главных точек над «і» всей конференции: наследие великого поэта принадлежит не только польскому, но и белорусскому, литовскому народам, всем славянским народам, всей Европе, всей земной цивилизации.

Восхождение

А как же тогда быть с родиной, с национальными чувствами? — вопрошали другие участники юбилейной конференции. И как все это понимал сам Мицкевич? Общие положения требовалось наполнить конкретным содержанием.

И тут уже я смело включился в дискуссию, показывая, как у поэта менялось, наполнялось новым историческим содержанием понимание Отчизны. Это как восхождение на гору: с каждым новым шагом открываются новые горизонты. Взойдем же, хотя бы пунктирно, вместе с поэтом на высокие, светлые, но и тернистые вершины его жизни.

Начались они с живописных холмов Новогрудчины. Потом состоялись восхождения на гору Гедимина в университетском Вильно, крымский Аюдаг, крутые Альпы. Параллельно покорялись вершины творческие: писались романтические баллады и романсы, исторические поэмы «Гражина» и «Конрад Валленрод», ностальгические «Крымские сонеты», основанные на белорусском фольклоре

«Дяды», прощание со старыми шляхетскими иллюзиями — «Пан Тадеуш». Все выше и выше! Вплоть до лозаннских лирических миниатюр, рожденных в швейцарских Альпах. Изящных, маленьких, но обнимающих, охватывающих уже весь мир.

«Чтобы познать поэта...»

Другой европейский гений, Иоганн Вольфганг Гете, с которым Адам Мицкевич встречался и беседовал в саксонском Веймаре, как-то сказал: «Кто хочет познать поэта, должен побывать в его стране». Это в полной мере относится и к автору «Пана Тадеуша». Только поднявшись в древнем Новгороде к Замковую гору, постояв у ее подножия в старинном храме, где крестили будущего поэта, побродив по его стезям на берегах таинственного озера Свитязь, можно приступить к чтению Мицкевича не ради знания, а для души.

Детство Адама, как и положено гению, наполнено «небесными знаками». Это и исцеление от тяжелой болезни, и пожар в городе, и отступление войск Наполеона. Особенно мальчик любил слушать белорусские народные песни и сказки из уст надомных людей Гонсевской и Блажея. Когда подросток пошел в новогрудскую школу, содержащуюся монахами-доминиканцами, вместе с будущим поэтом и фольклористом Яном Чечотом не пропускал в окрестных деревнях народные празднества — свадьбы, крестины, дожинки, запоминал народные песни, смотрел обряды. И, конечно же, хорошо усвоил белорусское просторечье. Позже, в лекциях в Коллеж де Франс, он даст высокую оценку белорусскому языку, древнему и богатому.

Еще можно вспомнить поездки с родителями, а потом и самостоятельно по местечкам и фольваркам Новогрудчины, где жили многочисленные родственники и друзья. Душа поэта жадно впитывала все увиденное и услышанное. Пока его не очень волновало, как называть новогрудский край. В государственном отношении он вошел в состав Российской империи. Но местные, «тутэйшыя» от-

личия в традициях, быте со временем становились все очевиднее. «Малая родина» желала приобрести более точное имя. А для этого требовались новые горизонты представлений о жизни. И они появились в 1815 году, когда Мицкевич поступил в Виленский университет.

Родина расширяет свои пределы

Вильно, древний град, основанный князем Гедимином, долгие столетия являлся центром литовско-белорусских земель, столицей Великого Княжества Литовского, общего государства двух народов-соседей. Хотя с третьим разделом Речи Посполитой 1795 года оно прекратило свое существование, но по-прежнему обладало притягательной силой, особенно для молодежи, съехавшей сюда в университет, — неповторимое средоточие интеллектуальной жизни того времени. Ее волновали те же вопросы, что и Мицкевича: что являет собой их отчизна, каковы ее отличительные черты? Студенты объединялись в общества филаретов, филоматов и «лучистых». На тайных сходках за городом слушали рефераты о народном творчестве и быте крепостных крестьян, пели песни, читали стихи, ставили драматические сценки, где звучала и белорусская речь. Но называли они себя литвинами — не в этническом смысле, а в историческом, как наследники Великого Княжества Литовского. Так у Мицкевича определилось новое, более широкое, понятие родины. Литовского языка он почти не знал (с трудом записал на нем три песни), но историческое имя временно принял.

Вместе с Яном Чечотом, Томашем Заном и другими сынами земли белорусской Адам Мицкевич соревновался в стихотворчестве. Его произведения «Песня филаретов», «Ода к юности», прославляющие гражданственность, стали гимнами патриотической молодежи. Правда, как и первая поэма «Мешко, князь Новогрудка» (1817), написаны они в соответствии с устаревшими канонами классицизма. Поэту требовалось вдохнуть свежего, народного воздуха. И он смог это сделать на родной Новогрудчине, где проводил

летние и рождественские каникулы. Один из университетских друзей, Игнатий Домейко, познакомил Адама со своей родственницей Марылей Верещакой, жившей в Тугановичах. Марыля оказалась необыкновенной девушкой: отлично знала западноевропейскую романтическую поэзию, любила петь белорусскую народную песню «Да цераз мой двор...» и сама сочиняла музыку. Вспыхнула большая и чистая любовь, которая, по всеобщему признанию, разбудила в Мицкевиче настоящего поэта. Из складывавшегося эпитгона традиционного классицизма Марыля сделала страстного поборника романтизма. Однажды, выслушав на берегу Свитязи из уст старого рыбака легенду об утонувшем городе, она воскликнула: «Napisz coś takiego!» — «Напиши нечто такое!» И он написал. Создал баллады «Свитезь», «Свитезянка», «Лилии», вторую и четвертую части поэмы «Дзяды», издал в Вильно два сборника поэзии, которыми положил начало польскому романтизму.

В ссылке и изгнании

Власти все же вышли на след тайных обществ. Наиболее активных филоматов и филаретов, среди них и Мицкевича, уже работавшего учителем в Ковно, заключили в тюрьму. А потом отправили кого в ссылку, а кого домой под полицейский надзор. Для Мицкевича ссылка выглядела скорее почетной: Петербург, Одесса, Крым, Москва, снова Петербург. Посещения салона для избранных пианистки Марии Шимановской, встречи с братьями по духу — Пушкиным и Вяземским, Рылеевым и Бестужевым. Потом он адресует им свое стихотворение «Друзьям-москалям». А Пушкин (на доме по улице Немировича-Данченко, где они встречались, теперь красуется памятный горельеф) адресовал Мицкевичу строки: «Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В единую семью соединятся».

С такими убеждениями Мицкевич и покинул (почти явно) Россию, обогатившую его не только изданием «Сонетов», но и по-

ниманием того, что есть царская власть, но есть и друзья-славяне. Против первой он попытался бороться с оружием в руках во время восстания 1831 года, пробрался даже в Великопольшу (кстати, единственные месяцы, когда поэт пребывал на этнически польской территории), но почитатели удержали его.

А потом начались годы скитаний, паломничества по Европе во имя спасения родины. Теперь для него это уже была не только Новогрудчина, не только Литва (историческая), но и вся бывшая Речь Посполитая (включая Польшу и Украину), все славянство. А во время «весны народов» 1848 года пришло очередное понимание: нельзя освободить один европейский народ, не сделав свободными все страны Европы. Поэтому поэт организовал польский легион и направился в Италию на помощь повстанцам Гарибальди, потом, в 1855 году, — с политической миссией в Турцию, в Константинополь, где его внезапно и настигла смерть. Даже энциклопедии утверждают: от холеры. Но я разделяю мнение тех, кто считает: отравили недруги. Иначе тело Мицкевича не перевезли бы в Париж, а потом в Краков, в Вавельский замок, к гробам королей. Ведь корону короля поэтов на своей родине, малой и большой, он ни с кем не разделил.

К вершинам славы

Признание к Адаму Мицкевичу пришло уже в виленско-ковенский период его жизни, после выхода первых двух романтических сборников поэзии. Оно окрепло в России, где поэта, несмотря на молодые годы, причислили к сонму великих славянских творцов. Мицкевич оставался незабываемым литературным и нравственным авторитетом, находясь вдали от родины, в эмиграции. Хотя его произведения в Российской империи строго запрещались, тем не менее их привозили сюда и распространяли нелегально. Они воспитывали патриотические чувства у приемников филоматов и филаретов, участников восстаний 1831 и 1863 годов, формировали художественные вкусы.

В 1830-1840-е годы в распространенной в Беларуси польской литературе отчетливо сформировалась так называемая белорусская школа, куда входили Александр Гроза, Юльян Лясковский, Героним Марцинкевич, три брата Гржималовские и многие другие. По таланту они, несомненно, не дотягивали до уровня своего вдохновителя и учителя Адама Мицкевича. Но, как и он, в своих романтических произведениях уже сознательно и последовательно опирались на белорусское устное народное творчество. Отсюда оставался всего один шаг к литературе белорусской — сознательному творчеству на белорусском языке. Этот шаг сделали Владислав Сырокомля, Винцент Дунин-Марцинкевич, Ян Барщевский, Александр Рыпинский, Артем Верига-Даревский, Винцесь Коротынский, Аделя из Устроны, авторы анонимных «гутарак» (бесед). Наряду с польскими у них появляются, сначала несмело, нерегулярно, белорусские произведения, которые у Дунина-Марцинкевича уже занимают ведущее место. Как раз в таком смысле, как зачинателя традиции, Мицкевича можно считать и одним из зачинателей новой белорусской литературы. Вот почему Адам Мицкевич так почитаем в Беларуси, на его родине: переводами, посвященными ему стихотворениями, музеями, памятниками, названиями улиц. Любовь читателей и почитателей.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2008. — 23 дек.

Запаветы, адрасаваныя нам Ігнатам Дамейкам

Ігнацы Дамейка быў чалавекам дзеяння. Дзеяння надзвычай шматграннага, універсальнага. У праграме Міжнароднай навуковай сесіі, якая прайшла 11 красавіка 2002 г. у Зале Ігната Дамейкі

Універсітэта дэ Чылі ў Сант'яга пад эгідай ЮНЕСКА і патранатам прэзідэнтаў Чылі Рыкарда Лагоса Эскабара і Польшчы Аляксандра Кваснеўскага, наш суайчыннік быў ахарактарызаваны наступным чынам: «Патрыёт. Інжынер. Выгнаннік. Мінералог. Вучоны. Эмігрант. Географ. Антраполог. Асветнік. Рэктар». Да гэтых вызначэнняў я рызыкнуў бы дадаць яшчэ тры: пісьменнік, філосаф і этнограф (апісанні побыту арауканаў даюць для апошняга ўсе падставы). І чацвёртае, ужо спрэчнае: лінгвістапрактыка. Прынамсі, такую выснову робіш пасля прачытання артыкула Здзіслава Сіцькі, які сведчыць, што Жэгота (І. Дамейка. — «КГ») карыстаўся словам, у тым ліку беларускім, асэнсавана і мэтанакіравана, як і многія яго сябры-філаматы.

А чаму філосаф? Ды таму, што ў яго была свая канцэпцыя развіцця грамадства, свой погляд на прагрэс чалавецтва. Толькі яна выкладзена не ў асобных працах, а ў лістах да аднадумца і папечніка Лясковіча, лістах асабістых, шчырых, не прызначаных да друку, не сапсаваных знешняй або ўнутранай цензурай. І таму яны заслугоўваюць нашага поўнага даверу.

Само сабой зразумела, што Дамейка адмоўна ставіўся да царызму. Гэта ён даказаў, узяўшы ў 1831 г. паўстанцкую зброю, хаця потым, у 1863 і 1871 гг. выказаў вялікія сумненні ў мэтазгоднасці і рэальнасці ўзброенага звяржэння прымусу. Але, што на першы погляд дзіўна, ён крытычна ставіўся і да тагачаснага заходнееўрапейскага грамадства, якое дало яму прытулак. Лічыў яго, як і ўвесь свой час, «бязбожным і банкірскім». У лісце ад 26 красавіка 1850 г. ён шчыра сумняваўся, што прыход да ўлады чарговага Банапарты, змаганне «белых і чырвоных» нешта зменяць да лепшага. «Бо ў Францыі, замест тых даўнейшых рэлігійных, маральных і палітычных пачуццяў, замест узнёслых імкненняў да славы, свабоды і поўнай самаадданасці, угрызлася ў нутро народа імкненне да ўзбагачэння, разліковасць, спажывецтва, і гэта не ад голаду, але ад распусты і нявер'я». Такія ж тэндэнцыі палохалі асветніка і ў маладым чылійскім грамадстве.

Амаральнасці, імкненню да ўзбагачэння любой цаной Дамейка супрацьпастаўляў сваю пазітыўную праграму развіцця, якая, на

мой погляд, мае значэнне і для сённяшняй рэчаіснасці, у тым ліку для сучаснай Беларусі. У аснове гэтай праграмы — паўсядзённая, вонкава непрыкметная, стваральная праца. Атрымаўшы чылійскае грамадзянства (пры тым не па ўласнай ініцыятыве, а па рашэнні ўрада), Жэгота сціпла пісаў земляку: «...раблю, што магу, працую, як умею, для дабра гэтага краю». Служэнне Чылі для яго лепшы спосаб служэння роднаму краю, бо там многія «сквагіна кідаюцца на вялікія справы», а вынікі мізэрныя, часам і адмоўныя.

Праца, на думку Дамейкі, павінна спалучацца з сумленнасцю, высокай маральнасцю, а тыя немагчымы без глыбокай рэлігійнасці, таму што «ўсялякае дабро паходзіць ад Бога, а зло ад нас». «Толькі вера і набожнасць» могуць супрацьстаяць «ліберальнай балбатлівасці і дэмакратычнаму хамству», у тым ліку ў Расійскай імперыі. Адрасант з жахам глядзеў на тое, што заходнееўрапейская «бязбожная навальніца» дакочваецца і да Чылі.

Дамейка, безумоўна, быў прыхільнікам эвалюцыйнага развіцця. «Сапраўднае паляпшэнне ў грамадстве, — пісаў ён 23 верасня 1851 г., — прыходзіць ціха, наволі і спакойна, развіваецца паводле натуральнага парадісу, патрабуе цяжкіх і адрачэння ад самалюбства; і хто ведае, можа, ніякае, нават самае гераічнае самаахвяраванне чалавека, ніводнае паасобна ўзятае дзеянне непасрэдна не ідзе на карысць чалавецтву і толькі з часам, нябачна, выдасць свой сапраўдны плён». Таму трэба працаваць, «над чым можаш», з надзеяй, што калісьці «лепей будзе».

Зыходзячы са сваіх эвалюцыянісцкіх перакананняў, Дамейка, удзельнік паўстання 1831 г., ужо не мог адназначна ўспрыняць і станоўча ацаніць паўстанне 1863 г. Ён ужо не разлічваў на пазітыўны вынік «адчайнага хапання за зброю». Куды больш можна зрабіць шляхам паступальнага развіцця. 14 мая 1863 г. датаваны такія радкі: «Аднак бачу, хаця і здалёку, і дзівуюся, як далёка краіна пакрочыла, калі параўноўваць з нашымі часамі, які прагрэс дасягнуты дзякуючы нацыянальнаму духу сярод нашых, нават у Літве, дзе нягледзячы на тэрарызм, якога магло б і не быць, сённяшнія маршалкі (шляхты. — А. М.) і чыноўнікі робяць тое,

чаго, можа, не наважваліся рабіць у больш спакойныя і бяспечныя часы нашай маладосці».

Такія ж думкі паўтараў Дамейка, даведаўшыся пра падзеі 1871 г. у Парыжы. Поглядам французскіх камунараў ён супрацьпаставіў сваю грамадскую праграму, якая налічвала чатыры пункты. Працытуем два з іх:

«1. Не варта сёння марнаваць сілы нашага краю на эміграванне, на падарожжы без мэты, на рэвалюцыйныя планы і замахі, што абаніраюцца на Захад.

2. Можна быць карысным толькі ў краіне, на айчыннай зямлі, рабіць нешта дзеля будучыні, рыхтавацца да канфлікту, які раней ці пазней наступіць паміж Масквой і Германіяй, устрасяне Еўропу і не супакоіцца аж да аднаўлення Польшчы».

Дамейка, зразумела, рашуча выступаў супраць войнаў, асабліва братазабойчых і захопніцкіх. У 1851 г. у Чылі ўспыхнуў зацяты бунт, удзельнікі якога нават добра не ведалі, за што яны змагаюцца. У лісце да Лясковіча была дадзена такая ацэнка падзей: *«Толькі пасля доўгіх разважанняў і добра, зблізку ведаючы людзей, якія мелі на тую вайну найвялікшы ўплыў, бачу я і пераконваюся, што галоўнай яе прычынаю быў дух правінцыялізму і сляпое суперніцтва паміж паўднёвым і паўночным чылійскім насельніцтвам».*

Урэшце, наш суайчыннік, нібы прадбачачы будучыню, асуджаў тэрарызм, які не ў стане змяніць свет да лепшага. Літаральна ў апошнюю хвіліну перад заканчэннем гэтага рукапісу прафесар З.-Я. Рын прыслаў мне па электроннай пошце сенсацыйнае паведамленне: Курніцкая бібліятэка, што каля Познані, набыла дзевяць невядомых раней лістоў Дамейкі да Уладзіслава Паўліцкага, доктара і грамадскага дзеяча, які ў час перапіскі, у 1875–1883 гг., жыў у ЗША. 28 верасня 1878 г. былі яму адрасаваны такія радкі: *«Нічога добрага для нас даюць на еўрапейскім палітычным гарызонце не свеціць. Ані цяжкая рана, нанесеная нямецкаму манарху, ані забойствы і нігілістычнае пажарышча ў Расіі не прывялі да розуму, не зрабілі лепшымі тых, хто дагэтуль пануе над намі. Наадварот, здаецца, што Прусія і Расія саборнічаюць паміж сабой, каб паказаць, што яны не дбаюць пра*

тое, што пра іх скажа цывілізаваны свет». Дарэчы, у тых жа лістах Дамейка зноў і зноў падкрэсліваў сваю літвінскасць: яго «воўчую» натуру цягне «за Нёман», у яго жылах кіпіць «літоўская кроў».

Дамейка ўсё жыццё ішоў да беларускасці (паўночнай «рускасці»), але не дайшоў. Затое ён цяпер пачынае даходзіць і дойдзе да Беларусі.

(Паводле бюлетэня «Кантакты і дыялогі». №№ 7-8, 2002)

Краязнаўчая газета. — 2009. — Студзень. — № 3 (260).

Правда интереснее мифов

Об авторе «Литовской хозяйки»

Иногда бывает так, что человек, сотворивший миф или участвовавший в его создании, должен потом его опровергать. Точнее, заменять суммой реальных фактов и обобщений. Даже, а может быть, особенно если миф творился ради благородной цели. Неожиданно обнаружил, что к таким людям надо мне, в принципе, прагматику, отнести и себя самого.

Мифу этому — ровно сорок лет. Сотворен был под честное слово. Распространялся сначала устно — Владимиром Короткевичем и под его магическим влиянием мной. Потом впервые был зафиксирован и изложен в моем предисловии «Слоўца да чытача» к книге «Літоўская гаспадыня» (1993), переведенной с польского языка П. Козловским и В. Недведской. Вот от этого издания и пошел бродить по периодике миф, будто «Літоўская гаспадыня» — всего лишь «книга кулинарная».

В моей памяти проступает картина: Владимир Короткевич, просто друг, сосед по улице, забежал ко мне на минутку. Увидел

на столе старую польскую книжку в темно-коричневом переплете, начал ее с интересом листать. И мне уже не удалось оторвать его от чтения...

Как все начиналось...

В 1970 году меня, тогда сотрудника Института литературы АН БССР, послали читать лекции в Могилев. 4 февраля выступил в областной библиотеке, говорил о раритетах. В конце встречи меня попросили спуститься вниз — посмотреть на издания, привезенные после войны из разных стран, чтобы помочь в определении их ценности для Беларуси. Работа оказалась интересной, заняла несколько часов. Благодарные работники предложили мне вместо оплаты выбрать для себя любую книгу. Дорогим альбомным изданиям я предпочел довольно потрепанный том в 496 страниц, оцененный кем-то в 4 рубля.

Полное название книги довольно длинное. Но поскольку оно не только свидетельствует о содержании, но и поясняет, почему в 1970 году, в советское время, должен был родиться миф, будто издание предназначено исключительно для тех, кто любит хорошо поесть и выпить, приведем полностью: «Хозяйка Литовская, или Наука о содержании в хорошем состоянии дома и обеспечении его всяческими снадобьями и запасами кухонными, и аптечными, и хозяйственными, а также о выращивании и содержании скота, птицы и других животных в соответствии со способами, наиболее испытанными и проверенными опытом и к тому же самыми дешевыми и простыми». И дальше стояло: «Издание четвертое, исправленное и расширенное различными ссылками автором «Поварихи Литовской». «Хозяйка» и «повариха» — не одно и то же. И последние процитированные мной слова свидетельствуют: вторая, повариха по фамилии Завадская, только редактировала, готовила к изданию текст первой. И добавляла незначительные комментарии.

Книга, полученная мною в Могилеве, была напечатана в Вильно в известной типографии Юзефа Завадского в 1858 году и, очевидно, немалым тиражом, приносящим верный доход. Иначе не переиздавалась бы тем же Завадским пять раз. Для XIX столетия — случай редкий, свидетельствующий о необыкновенной популярности сочинения. Почему же тогда, подумалось мне еще в Могилеве, «Хозяйка Литовская» стала библиографической редкостью, не встречалась мне раньше в вильнюсских антиквариатах и библиотеках? Ответ напрашивался сам собой: такие издания предназначались для повседневного пользования, зачитывались в хозяйствах до дыр. А в каких таких хозяйствах? Конечно же, не в крестьянских, а в более крупных — господских, панских, значит. Выходит, слово «дом» в названии следует понимать как «усадьба»... Все это, не скрою, смущало меня, приученного преподавателями к тому, что классовое надо ставить превыше всего.

...и осмысливалось

Но Владимир Короткевич в тот памятный вечер, когда мы просидели вместе до полуночи, довольно зло высмеял мои сомнения: — А ты што сабе думаеш, родненькі?! Жыццё павінна было цябе ўжо навучыць, што гаспадары заўсёды дзяліліся, дзяляцца і будуць дзяліцца на разумных і не вельмі, добрых і злых. А мужыку ці калгасніку далёка не ўсё роўна, хто над ім пануе ці старшынюе. Ведаю, што тваім бацькам жылося нясоладка, але гэта яшчэ не падстава баяцца слова «сядзіба».

Во время ужина гость снова и снова возвращался к книге, делал выписки. Помнится, особенно его впечатлили способы откармливания индюшек и приготовления «ликвора» (ликера) голубого цвета, настоянного на лечебных травах.

— Не ведаў раней, калі пісаў «Паляванне». А то ўставіў бы. І ўвогуле мы многага не ведаем, проста забылі, а продкі ж ведалі.

А вслед за этим — уже настойчиво (Короткевич всегда упорно блял слово «стары», когда чего-то требовал):

— Слухай, стары, гэта ж усё абавязкова трэба перакласці на нашу мову. Такое багацце, такая смаката... А кажуць жа, што ў нас нічога не было — толькі лапці і каўтун на галаве... Пацікаўся, стары, дзе ў паперах, хто напісаў гэтую кніжэнцыю. Бо трэба было б сказаць колькі добрых слоў пра аўтарку, а мы нават прозвішча яе не ведаем. Не іголка ж у стоце сена... Так што пашукай у розных там архівах. Будучы ў Вільні, у Генадзя Кісялёва паспытай. І, можа, сам вазьміся за пераклад. Часу няма, кажаш? Тады знайдзі каго адпаведнага. Пужацта будзе слова «гаспадыня»? То не вымаўляй яго, не кажы, што гэта кніжка для паноў, націскай на кулінарыю... Кулінарныя ж раздзелы нібыта там ёсць? А смачна паесці кожны ахвочы... Так і дамовімся, стары, дамо ўзаемна слова гонару.

Потом Короткевич приходил на свидание с «кніжэнцыяй» еще не раз, в перерывах рисовал наших предков в моей «амбарной книге», заменяющей домашний альбом.

И вот вам автор!

Данное слово надо держать. Во время командировок в Вильнюс и Ленинград, Варшаву и Львов наряду с другими материалами заказывал и те, которые помогли бы установить авторство «Хозяйки Литовской». Перелопатил фонд издателей Завадских. Но найти человека, не зная даже его фамилии, очень трудно. Нужные сведения попались на глаза случайно — в газете Dziennik Wileński. В номерах 27, 31 и 32 за 1906 год помещена основательная статья «Силуэты женщин из-над Немана, Днестра и Двины» писателя-энциклопедиста Александра Ельского, жившего в Замостье на Игуменщине. Публикация состоит из трех биографических очерков, посвященных Еве Фелинской, Габриэле Гюнтер (Пузынине) и Ганне Цюндевицкой. О необыкновенной судьбе первой из них, политической ссыльной в Сибирь, плодovitой польской писательнице и матери канонизированного уже архиепископа Зыгмунта Фелинского, я подробно рассказал в «СБ» (номер за 17 августа).

Обширное наследие писательницы-моралистки и мемуаристки графини Гюнтер, жившей на Сморгонщине и Молодечненщине, исследует доцент БГУ Ирина Богданович, считающая, что ее же перу принадлежит белорусская романтическая поэма «Мачеха» (1850). Ну а третья героиня, утверждается в газете, и есть автор «Хозяйки Литовской».

По словам Александра Ельского, Ганна Цюндевицкая родилась в 1803 году в Королишевичах под Минском. Выйдя замуж за предводителя дворянства (маршалка шляхты) Борисовского уезда, занималась просветительской деятельностью среди местных крестьян: приучала их к рациональному хозяйствованию, лечила травами. Кроме «Хозяйки Литовской», впервые увидевшей свет в 1848 году, подготовила к печати «Хозяйский Ежегодник» (Вильно, 1854, 1861). В рукописи осталось третье ее сочинение, состоящее из записанных народных рецептов и результатов их проверки на практике. Умерла Цюндевицкая в 1850 году.

Ее сын

Когда я сказал Короткевичу, кто написал фундаментальную книгу о хорошем хозяйствовании, фамилия Цюндевицкая вызвала у него бурю восторга:

— А помніш, стары, як мы разам з табой пісалі да 900-годдзя Мінска эсэ «Горад паўстае»? Па-мойму, гэта ты пераказаў мне тады ўспаміны Паўловіча, здаецца, Эдуарда, які ў 1863 годзе некалькі дзён сядзеў у мінскай турме разам з Цюндзявіцкім, першай ахвярай мураёўскага тэрору ў Беларусі. Ён правініўся тым, што чытаў сялянам «Мужыцкую праўду» Кастуся Каліноўскага і казаў ім, што аўтар яе сам хутка будзе па суседству, у Вілейцы...

— І гэтага Цюндзявіцкага, — ва унісон пісьменніку працягнуў я, — расстралялі 21 мая на развілцы Койданаўскага і Ігуменскага трактаў, прыкладна там, дзе сёння стаіць паштаміт... Вось, Валодзя, тая памятная кніга «Горад і годы» з нашым сумесным дзіцем.

— Але ж у гэтага дзіцяці нават няма імя. Мы не ведаем, адкуль яно з’явілася на Меншчыне. І, галоўнае: ці мае яно якое дачыненне да Ганны Цюндзявіцкай, да Барысаўшчыны. Так што, стары, шукай не марудзячы. Кісялёва мабілізуй!

И опять слова Короткевича оказали магическое воздействие на ход поисков. Вскоре Геннадий Киселев принес мне в подарок толстый том документов о восстании 1863 года, изданный с его участием в Москве в 1965 году как совместный труд белорусских, литовских, польских и русских ученых. Из помещенного в томе «Доклада военно-судного отделения штаба войск Виленского военного округа по делу прапорщика М. Цюндевицкого», датированного 29 апреля 1863 года, видно, что артиллерийский прапорщик Михаил Цюндевицкий, родившийся около 1840 года, происходил из дворян Борисовского уезда. Их родовым именем было Вильяново, обустроенное, как видно из названия, где-то в начале позапрошлого столетия (по нынешнему административному делению это Кишинословодской сельсовет). На время допросов инсургента его отца (имя его в документе не называется), очевидно, уже не было в живых, ибо имение стоимостью 50.000 рублей серебром принадлежало «безраздельно с братьями и сестрами». «За подговор крестьян к бунту против верховной власти» Михаила приговорили к расстрелу.

После знакомства с подарком Геннадия Киселева уверенность в том, что Михаил Цюндевицкий — сын Ганны, возросла. Но несколько сомнений и неясностей осталось. Поэтому я не смог в предисловии к книге Цюндевицкой указать, кем был ее муж, какая ее девичья фамилия и так далее. Неясности сохранялись и во время, когда написание данной статьи дошло именно до этого места. «Эх, — подумалось, — как жаль, что уже нет в живых незабвенного Геннадия Васильевича! В его «повстанческих» картотеках непременно обнаружили бы ответы на вопросы. Но... Но ведь картотеки его существуют! Надо звонить вдове, Янине Михайловне — специалисту по архивному делу. Она «выловит» Цюндевицкого! Ведь фамилия-то редкая».

Ее муж и отец

В ту последнюю октябрьскую субботу Янина Михайловна была дома. Записала основные слова — «Цюндевицкий» и «Борисовский уезд» — и через полчаса внесла ясность:

— У картачы на Міхаіла Цюндзявіцкага пазначана, што нарадзіўся ён 16 (28) чэрвеня 1839 года, меў двух братоў, Аляксандра і Яўгенія, і чатырох сяцёр. Бацька іх, уладальнік маёнтка Вільянава, зваўся Мельхіёрам, меў у Барысаўскім павеце каля 3.200 дзесяцін зямлі коштам 50.000 рублёў. У вайну 1812 года служыў у расійскай арміі, за храбрасць атрымаў залатую шаблю, выйшаў у адстаўку палкоўнікам і таму, несумненна, мог выбірацца прадвадзіцелем дваранства. Маці ж паходзіла з роду Багдановічаў, бацькам яе быў уладальнік Стаек Вінцэнт Багдановіч...

— А Стайкі знаходзяцца непадалёку ад Каралішчавіч, — удзельна рэзюміравалі мы оба. — Значыць, усё сыходзіцца. Значыць, паўстанец Міхаіл — сын аўтара «Гаспадыні Літоўскай». Болей жа Цюндзявіцкіх на Барысаўшчыне не было! А Вільянава, відаць, было куплена і забудавана, як сведчыць назва, пасля адстаўкі Мельхіёра. Тады ж ён і ажаніўся.

Белорусское издание

Однако вернемся к основной теме разговора — к книге «Хозяйка Литовская». Перевод получился квалифицированный, тщательный, но порой слишком буквальный. Следующий этап — издание. Короткевич и я при каждой оказии рекламировали рукопись. Кое-кто сначала попадался на крючок «кулинарный справочник», «пособие по домоводству», но потом, познакомившись с текстом, мрачно возвращал его:

— На кого все это рассчитано? У кого теперь столько своей земли и столько скота? Засмеет нас начальство, а то и накажет... И потом, если эта ваша хозяйюшка такая умница, то почему прятала свою

фамилию?! И еще, если ее усадьба была на Борисовщине, то почему тогда она — «литовская»? Тут уже политикой попахивает...

Однако времена менялись. И наконец издательство «Полымя» согласилось издать рукопись. Тираж 50 тысяч экземпляров разошелся мгновенно.

Так кто же автор?

«Как кто? — удивится иной читатель. — Вы только что доказывали, что Ганна Цюндевицкая».

Но ведь надо еще определить и область знаний, к которой можно отнести и автора, и ее оригинальное творение. При повторном чтении Ганна Цюндевицкая удивила меня многогранностью своих интересов и знаний, редкой для тех времен, да и для нынешних, системностью.

Экономист

Цюндевицкая мыслила строго и реалистично, была требовательна не только к другим, но и к себе: «У нас создано много книг о женском хозяйстве, однако ни одна из них не соответствует заданной цели. Методы и советы, высказанные в тех писаниях, в большинстве своем надуманные, они родились только в головах тех, кто пишет, и не подтверждены практикой. Среди десятка книг найдется не больше одной действительно полезной, советы которой можно было бы использовать в нашем домашнем хозяйстве».

Цюндевицкая понимала, что где-то поневоле берется за мужское дело. И вот как с юмором оправдывалась: «Я писала только для женщин и о женском хозяйстве, не имея никакого намерения учить более за меня умудренных мужчин-хозяев. Если же в книге я поместила разделы, касающиеся земледелия, то сделала это лишь потому, что печальные обстоятельства понуждают многих женщин заниматься хозяйством как женским, так и мужским».

В первом разделе книги «Хозяйский дневник и еженедельник — это значит общие правила содержания в хорошем состоянии

усадыбы и различных частей хозяйства» изложены основные экономические принципы: продуманная организация труда, точный учет доходов и расходов, повседневный контроль. Требования излагаются убедительно и образно: «Хозяин или хозяйка должны дважды ежедневно или, по крайней мере, когда смогут, но всегда неожиданно и в разное время обойти и осмотреть все хозяйство. Им необходимо убедиться в том, что их приказы и установки выполняются точно и старательно, что порядок и чистота сохраняются и все направляется по назначению». Обнаружил, что челяди нечего делать, — скажи пусть учатся, читают. Кроме того, «хозяйка дома распоряжается, чтобы ей ежедневно давали попробовать блюда для слуг и челяди. Она должна убедиться, что до них доходит все предназначенное, а также проследить, приготовлены ли эти блюда чисто и старательно».

Зоотехник

Примерно треть книги, четыре раздела, поучают, как содержать крупный рогатый скот, овец, свиней и птицу. Автор смотрит на дело с удивительной широтой и пониманием местных особенностей. К примеру: «Голландские коровы весьма молочные. Холмогорские тоже, но они ведь лучше переносят колебания нашего климата, ибо сами привыкли к холодному. Украинская порода больше подходит для возобновления мощных и рослых волов, чем для ведения молочного хозяйства. Таким образом, местная скотина, созданная самой Божьей волей для здешнего климата, заслуживает преимущества». А дальше идут подробные советы, как содержать скот. Зоотехник превращается в опытного ветеринара, советующего то, что проверено на практике.

Такие же основательные разделы посвящены овцам, свиньям, птице. И всенепременно со ссылкой на собственные наблюдения, со сравнением зарубежного и местного крестьянского опыта.

Технолог

Далее следуют шесть разделов, которые действительно имеют отношение к кулинарии, точнее, к еде и питью человека. Но Цюндевицкую интересует не кулинария в прямом смысле, не блюда, изготовленные на кухне и поданные на стол, — здесь автор полагается на пособие Шитлера, а производство продуктов, технология. И читателя просто поражает разнообразие. Если колбаса — то литовская, итальянская, венская, хозяйская и так далее, если соленья — отдельные рецепты для рыжиков, боровиков, шампиньонов, эстрагона, фасоли, спаржи. Предлагаются рецепты 14 видов куличей, 11 видов сиропов, 15 видов ликеров и даже четыре способа сохранения на зиму орехов. И вот что важно: Цюндевицкая ориентировалась не только на домашнее потребление, но и на товарное производство. Одна из статей так и называется: «Продажа сливок и молока в город».

Косметолог

Читательницы «Хозяйки Литовской», безусловно, обратят внимание на раздел «Косметика и благовония». Начиная его, Цюндевицкая определяет свой идеал женщины, скорее всего, списанный с нее самой: «Хотя, на мой взгляд, нет ничего более достойного осуждения и сожаления, чем женщина, пренебрегающая своими самыми святыми обязанностями и затрачивающая много времени на сохранение и ухаживание за своей красотой, претворяющая это в единственную цель и занятие своей жизни. Однако привлекательность и очарование наряду с благотворительностью и мягкостью являются главным оружием, которым Провидение благосклонно наделило слабых женщин. Советую каждой из них не забывать о разных безгрешных и достойных средствах ради как можно более долгого сохранения молодости своей и красоты». А дальше идут десятки рецептов, ординарных и неординарных.

Агроном

Особенно удивила меня Ганна Цюндевицкая последним разделом — «О выращивании льна, подготовке волокна, белении полотна, стирке белья и цветной одежды, а также о выведении разных пятен и еще много о чем», где, как и в других местах, чувствуется собственный опыт. И дальше идут советы, где, как и когда сеять лен, как его рвать и замачивать, сушить и что потом делать с волокном. Особое внимание в книге уделяется белению и отбеливанию полотна. В конце раздела делается реверанс в сторону мужчин: даются советы, как выращивать, убирать и сушить табак.

Энциклопедист

Все это, подумалось после повторного прочтения книги, держала в памяти мать семерых детей, жена предводителя уездного дворянства, которой следовало активно посещать балы, вечера, добрососедские посиделки и обязательно церковные праздники. А еще надо было следить (судя по тексту) за французскими, русскими, английскими, немецкими изданиями. Мне не удалось установить, где и какое образование получила Ганна Цюндевицкая, выезжала ли она с мужем за границу. Наверное, образование было домашнее, гувернерское, но — основательное, системное. Ганна всегда хорошо помнила, где и что написала, о чем свидетельствуют целые страницы ссылок, к сожалению, сокращенных в белорусском переводе. Иными словами, Ганна Цюндевицкая оказалась не только практиком, но и теоретиком. У нее анализ сочетается с синтезом, образное изложение — с обобщениями. В наше время быть бы ей по меньшей мере доктором сельскохозяйственных наук, а может, видным биологом или медиком. Она явно опережала свое время.

Для кого же «Хозяйка Литовская», а фактически — белорусская, борисовская, сегодня наиболее интересна и полезна? Мне кажется,

для фермеров и особенно для экологических хозяйств, ведь все у хозяйки Цюндевицкой основывалось на естественных, натуральных средствах и способах.

P.S. Когда статья была уже закончена, я решил позвонить известному борисовскому краеведу и журналисту Михасю Мательскому и спросить у него, бывал ли он в Вильяново и что там сохранилось. Михась ответил: «Остались только фундаменты да погреб. Зато неподалеку, в Кишиной Слободе, где Цюндевицкие похоронены, еще стоит их деревянный дом, построенный в 1818 году (значит, сразу же после отставки Мельхиора, выходит, Вильяново возникло несколько позже). Здание в неплохом состоянии и продается за... одну базовую величину».

| СБ. Беларусь сегодня. — 2010. — 8 нояб.

Загадки и отгадки, связанные с Винцентом Дуниным-Марцинкевичем

Вопрос об авторстве «Пинской шляхты» можно считать решенным

Среди наиболее значимых мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения классика белорусской литературы, — двухдневная Международная научно-практическая конференция «Винцент Дунин-Марцинкевич в европейском контексте», проведенная в начале 2008 года Национальной академией наук Беларуси, Национальной комиссией Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО и Министерством культуры Республики Беларусь.

Кто автор?

Эффект разорвавшейся бомбы на конференции вызвало опубликованное в «СБ» (2 февраля) следующее высказывание известного английского белорусоведа Арнольда МакМиллина: «Мне кажутся убедительными доводы литературоведа Нины Мечковской о том, что авторство “Пинской шляхты” не принадлежит Дунину-Марцинкевичу. Думаю, эти доводы нельзя игнорировать». Профессора МакМиллина я знаю давно как автора основательных книг по истории белорусской литературы. Профессор Мечковская (скорее языковед, чем литературовед) тоже авторитетная исследовательница. Ее взгляды на комедию Белорусского дударя были изложены в 2000 году в солидном издании *Wiener Slawistischer Almanach* 46. Но... Ведь «Пинская шляхта» изучается в средней и высшей школе, издается как произведение Дунина-Марцинкевича!

Поскольку конференция носила научно-практический характер, участникам требовалось прийти к какому-то согласованному выводу, дать конкретные рекомендации. Обращаюсь за советом к английской поэтессе Вере Рич. Тем более она перевела на английский язык «Пинскую шляхту» (текст только что напечатан среди переводов комедии на другие языки; кстати, наряду с белорусским переводом есть там и «полешуцкий» оригинал).

— Няўжо вы думаеце, спадар Адам, — ответила давний друг нашей культуры на довольно чистом, хотя и своеобразном белорусском языке, — што я стала б перакладаць гэты твор, калі б яго напісаў не Дунін-Марцінкевіч, а невядомы хтосьці. Не рабіце залішняй трагедыі з усяго. Аўтарства многіх класікаў ставілася пад сумненне.

Другие авторитетные исследователи, например Язеп Янушкевич, подготовивший для издательства «Мастацкая літаратура» юбилейный двухтомник классика (первый том уже вышел), придерживались того же мнения: мы не должны сомневаться в лингвистических способностях писателя, прекрасно владевшего несколькими языками, к тому же он бывал на Полесье, около Столина. Давайте

не забывать и о том, что во время написания комедии писатель находился под неусыпным наблюдением полиции. В случае чего ему было легче отказаться от произведения, где едко высмеивалось царское правосудие: мол, мои «былицы» написаны совсем другим языком. Существуют и другие, уже мои аргументы. Скажем, в поэме Дунина-Марцинкевича «Из-над Ислочи, или Лекарство на сон», рукопись которой мне посчастливилось найти в 1964 году в Варшаве среди бумаг Александра Ельского (а она уж точно принадлежит Дунину-Марцинкевичу), есть строки, прямо перекликающиеся с «Пинской шляхтой» и «Сватовством». Да и на «полесском» автографе комедии можно обнаружить явные следы авторского вмешательства Дунина-Марцинкевича. Существуют и другие весомые аргументы «за», к которым я еще вернусь.

Контраргументы

Однако давайте будем беспристрастными, объективными. Приведем и доказательства версии Мечковской-МакМиллина. Ее противники прежде всего вопрошают: если не Дунин-Марцинкевич, то кто же? Не было, мол, тогда другого драматурга с таким талантом да еще вроде бы знавшего полесский говор! Оказывается, потенциально таковой был, только публикации о нем многие литературоведы не заметили. Пинский историк Александр Ильин опубликовал в брестской «Гістарычнай браме» (2004, № 1) статью «Кто же является автором “Пинской шляхты”?». Прежде всего он ссылается на то, что все тексты Дунина-Марцинкевича писаны латиницей, а «Пинская шляхта» — кириллицей. Затем обращает внимание на публикации гомельского ученого профессора Павла Охрименко, утверждавшего, что в «полешуцкой» пьесе заметны отчетливые следы влияния «Наталки-Полтавки» Ивана Котляревского, а Дунин-Марцинкевич в связях с украинской литературой замечен не был. Кто же из пинчан был замечен да еще наделен литературным даром, интересовался местным фольклором? Ответ А. Ильина однозначен: только Стефан Куклинский. Он, хотя

и православный, но тоже шляхтич, в 1852 году окончил Харьковский университет, собирал фольклор в окрестностях Пинска и Заблудова. В 1862 году руководство Виленского учебного округа предписало ему выехать в Пинск, чтобы там издавать журнал на белорусском языке «Друг народа» и писать по-белорусски, в том числе и на пинском говоре, «Рассказы на белорусском наречии» (вышли в 1863 году). К тому же уже в юбилейные дни ведущий специалист по диалектам брестско-пинского Полесья Федор Климчук напомнил: в Альпени на Столинщине, где бывал Дунин-Марцинкевич, говорят совершенно иначе, чем в «Пинской шляхте». И пришел к выводу, что ее автором являлся «не Дунин-Марцинкевич, а кто-то другой. Дунин-Марцинкевич только переписал это произведение». Но кто автор комедии, ученый не говорит. Очевидно, «периферийная» статья Александра Ильина до него не дошла.

По «совокупности фактов»

Ясность (как мне кажется, окончательную) внес в затянувшийся спор в своем докладе на конференции Геннадий Киселев. Он обратил внимание на то, что профессор МакМиллин высказывал не свое мнение, а повторил суждения языковеда Мечковской. Та же в заглавии статьи «Винцент Дунин-Марцинкевич не был автором водевиля “Пинская шляхта”» сразу же решила вопрос категорично и с научной точки зрения некорректно. Правильной стала бы иная постановка: а был ли он автором, мог ли быть?! К тому же аргументация порой неубедительна. Скажем, в статье в австрийском журнале утверждается, что Дунин-Марцинкевич не мог написать комедию, ибо не назвал ее среди своих произведений в письме в редакцию петербургского журнала «Край», где хотел печататься, а назвал лишь свой перевод латиницей поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». Но «Пинская шляхта», писанная кириллицей, и не могла печататься в польском «Крае». Так почему он должен был ее называть? Аналогичных натяжек в статье довольно много.

Решать вопрос об авторстве «Пинской шляхты», считает Г. Киселев, надо комплексно, с учетом всей совокупности фактов и фак-

торов — литературных, языковых, исторических. Отметим два наиболее существенных момента. Осознав, что печатать латиницей свои белорусские произведения ему уже не удастся, Дунин-Марцинкевич решил использовать русские периодические издания. Именно поэтому он обращался с предложениями в газету «Виленский вестник» (но там ответили молчанием, зная, что автор находится под наблюдением полиции). Именно поэтому он перешел в «Пинской шляхте» на кириллицу. А то, что «полешуцкий» оригинал писался именно Дуниным-Марцинкевичем, не так давно подтвердила графическая экспертиза.

Но как быть с пинским говором? Ведь автор комедии бывал только в Альпени, а там действительно другой диалект... Пинским говором мог владеть Стефан Куклинский, о котором писал Александр Ильин. Однако его версия сразу же отпадает, если сравнить художественные достоинства «Пинской шляхты» с творениями Куклинского: последние и близко не дотягивают до первой. Писана же «Пинская шляхта» — и это самый существенный аргумент — не на естественном говоре, а на искусственном, стилизованном, придуманном языке, кстати, как и «Мужыцкая праўда». Это еще в 1980-х годах стали аргументированно доказывать такие литературоведы, выросшие на Полесье, как Любовь Тарасюк и Иван Шпаковский.

— Для научных выводов, будто Дунин-Марцинкевич не является автором «Пинской шляхты», нет никаких оснований, — резюмировал Геннадий Киселев.

Новые загадки

Однако многие участники конференции подчеркивали, что до конца прояснить жизнь и творчество Винцента Дунина-Марцинкевича вряд ли удастся. Только разгадаешь одно, как всплывет другое... Мы до сих пор не знали, куда девался сундук («куфар») с рукописями Дунина-Марцинкевича, который мальчиком видел в Люцинке Ядвигин Ш. Одни считали, что сгорел во время пожара, другие — что перекочевал в Замостье около Игумена к собирателю и родственнику Алек-

сандру Ельскому. Ничего не было известно и о судьбе сына писателя Мирослава, наделенного музыкальными талантами. И вот польская родственница одновременно и Дунина-Марцинкевича, и Янки Купалы Беата Кристина Хомич в своем выступлении поведала, что как раз Мирослав, осиротев, взял сундук, все-таки вынесенный из пламени, с собой, направляясь к дяде в Одессу. Бабушка рассказывала ей, что в сундуке хранились рукописи со стихами, которые читались членами семьи. Но куда они делись во время Гражданской войны? Одесса — город культурных традиций многих народов, во время Первой мировой войны там собралось довольно много белорусов, они организовали землячество и даже издавали газету. Могли спасти и содержимое сундука... Из Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства уже полетели в Одессу соответствующие запросы.

Другой след ведет еще дальше, в Рим. Туда в первой половине XIX века перевезли архив выдающегося ученого и писателя Могилевского архиепископа Станислава Богуша Сестренцевича. Как говорилось на конференции, именно у него, своего дяди, жил в Петербурге (а не в Вильно, как считалось раньше) во время учебы будущий писатель. Но об этом периоде жизни Дунина-Марцинкевича, а значит, и о формировании его взглядов мы не знаем абсолютно ничего.

Что ж, конференция еще раз засвидетельствовала: путь познания непрост и нелегок. Даже если речь идет о жизни и творчестве отдельно взятого писателя. Особенно талантливого. И опального.

Кстати. В мировом литературоведении под сомнение ставилось, кто написал драмы «Гамлет» и «Отелло». Находились исследователи, утверждавшие, что Уильяма Шекспира вообще не существовало. А о месте рождения и пребывания Гомера спорили семь греческих городов. Некоторые считали эту личность мифической. Но ведь «Илиада» и «Одиссея» существуют...

| СБ. Беларусь сегодня. — 2008. — 15 февр.

А был ли Павлюк Багрим поэтом?

Темой рассуждений является единственное дошедшее до нас стихотворение «Заграй, заграй, хлопча малы...», приписываемое «белорусскому Шевченко и Бернсу» Павлюку Багриму. Стихотворение ведь существует, стало хрестоматийным. А если не Багрим его написал, то кто? И как вообще поступать в случаях, когда атрибуция литературного произведения вызывает не только споры в печати, но и эпистолярный терроризм?

Абьяцанка-цацанка

Угрозы поступили на мое имя 22 июля 2010 года: мол, чтобы моя статья на данную тему была напечатана не позже энного числа. Однако лучше процитировать само письмо: «Калі Ваша абьяцанка-цацанка не будзе ў друку, то мае заявы разам з ксеракснымі адбіткамі Вашых падманаў да прыцягнення Вас да адказнасці пойдучь...» И далее указаны десять инстанций, которые должны будут отбросить все важные и срочные дела и заняться (коллективно или по отдельности?) определением параграфа кодекса (очевидно, Уголовного), нарушенного вашим покорным слугой. Под номером 2 указан Генеральный прокурор, под номером 5 — главный редактор «СБ», под номером 6 — Высшая аттестационная комиссия (ну она ясно для чего: чтобы лишить меня незаслуженного звания профессора), под номером 10 — председатель Минского горсовета (а он зачем? Ведь Крошин, где жил Багрим, пока что не входит и вряд ли войдет в черту нашей столицы). И пути моего исправления определены четко: «Як мяркую, Вы здольны выкарыстаць газету “Сов. Бел.” для свайго пакаяння».

Действительно, первый раз в жизни я попросил коллег в редакции «СБ», чтобы не откладывали мое «покаяние» (далее будет ска-

зано, в чем). И не потому, что испугался еще одной угрозы адресанта, будто в противном случае я попаду в его следующую, сентябрьскую книгу, где мне будет, ой, будет. А потому пишу, что, во-первых, не хочется, чтобы тратили время впустую десять авторитетнейших учреждений и организаций на вопросы, которые, исключая Институт языка и литературы НАН, явно не входят в их компетенцию, и, во-вторых, потому, что за частным «багримовским» вопросом видится важная проблема атрибуции (и переатрибуции) литературных памятников прошлого. Кто и как ее должен делать?

И еще одно «вводное» замечание. Когда мои коллеги узнали, что я намерен (точнее, вынужден) вступить в печатный спор с адресантом (люди, сведущие в юриспруденции, добавляли, что здесь налицо оскорбление личности), посоветовали мне лучше не называть его имя-фамилию. Поэтому я решил до поры до времени пользоваться эвфемизмом Краевед. В написании его с большой буквы нет иронии или подхалимажа, ибо действительно уважаю Краеведа за десятки нужных публикаций и дел и не умершую способность к самокритическому анализу...

Все началось в 1992 году

Нстоками наш научный спор с адресантом восходит к осени 1992 года, когда в Крошине Барановичского района, на родине Павлюка Багрима, состоялось выездное научное заседание, посвященное (приблизительно) 180-й годовщине со дня рождения «единственного белорусского крестьянского поэта первой половины XIX века». Почти все, выступая, касались немногочисленных фактов его сложной биографии и художественных особенностей его единственного стихотворения (остальные 11 только приписывались), состоящего из семи строф. Брестчане хвалились записью во время экспедиции еще двух произведений, которые могут принадлежать Багриму. Всех волновала мысль, где находятся те три или четыре тетради, которые будто бы конфисковали у юного поэта

сенатор Новосильцев и ректор Виленского университета Пеликан. Никто не ставил даже под сомнение, что у белорусов, кроме поэтов из шляхты, существовал в те времена и один потенциальный Шевченко. И вдруг местный Краевед посягнул на святая святых: сопоставив противоречащие друг другу факты, он потребовал исключить Павлюка Багрима из школьных программ. Скептика собравшиеся не поддержали (хотя сегодня, после выхода его книжки, видно, что следовало бы), ибо в его выступлении не было ответа на второй вольно или невольно возникающий вопрос: если автор, похоже, не Багрим, то кто тогда?

Вопрос я как председательствующий вынужден был тогда поставить на голосование, чего мне Краевед не может простить до сих пор. Отрицательные результаты потребовали моих комментариев, мол, вопросы атрибуции так с ходу не решаются, нужно серьезное обсуждение на научном форуме. И все-таки определенные сомнения темпераментное выступление Краеведа посеяло. Во всяком случае, в моей душе. Не имеем ли мы здесь дело с невольным или заданным социальным мифом? Ведь Исидор Бас, нашедший документы о бунте крошинских крестьян в 1828 году, доказал только, что у юного Павлюка было тогда изъято совсем иное белорусское произведение — переписанная «гутарка» Яна Барщевского «Рабункі мужыкоў» («Размова хлопаў»), притом изъято не сенатором Новосильцевым, а гродненской губернской «командой». Но тогда действительно откуда же взялось лирическое стихотворение «Заграй, заграй, хлопча малы...»? Альтернатива Багриму не появлялась еще десятилетие.

Автор — Яцковский?!

Н вот в 2006 году выходит в Минске книга профессора Белорусского (а теперь уже и Варшавского) государственного университета Микола Хаустовича «Айчына здалёку і збліску: (Ігнацы Яцкоўскі і Аляксандр Рыпінскі)». В ней ученый внимательно про-

анализировал изданную на польском языке в Лондоне (1852), а затем в Познани (1858) книгу «Повесть моего времени, или Литовские приключения», появившуюся анонимно. Потом было установлено, что автором ее является бывший новогрудский адвокат, а после поражения восстания 1831 года — политический эмигрант Игнатий Яцковский, основавший вместе с Александром Рыпинским Свободную славянскую печатню в Лондоне. Как раз в этой книге впервые появилось на свет стихотворение «Заграй, заграй, хлопча малы...» — как на белорусском языке, так и в переводе на польский. Игнатий Яцковский утверждал, что это произведение принадлежит перу «Пётрака (!) из Крашина».

На основании текстологических сопоставлений (особенно здесь убедительна близость фраз «*Bo gdzież biedny się obróce?*» — «Гдзе ж я, бедны, абярнуся?») с польскими оригинальными стихами Яцковского профессор Хаустович приходит к выводу, что стихотворение «Заграй, заграй, хлопча малы...» и его польский перевод принадлежат перу самого Яцковского. Правда, не совсем понятно, для чего понадобилась такая мистификация. Возникает, однако, мысль: чтобы не ставить под удар реальных Багримов, проживающих в Крошине и знакомых их земляку Яцковскому как местному адвокату. Да и с утверждением профессора, что белорусский оригинал слабее польского перевода, я не могу согласиться. Давайте вспомним, как естественен и образен белорусский текст хотя бы на примере этой, последней строфы:

*Ой, кажане, кажане!
Што ж не сеў ты на мяне?
Каб я большы не падрас
Ды ад бацькавых калёс.*

Посмотрите, какая романтическая, сказочная иносказательность, какой профессиональный подбор рифм и почти полное отсутствие более ранней силлабики! Одним словом, писала рука Мастера. Согласен с Хаустовичем, что Рыпинский, сопутствующий Яцковскому в Лондоне, до такого уровня, судя по его балладе

«Нячысцік», явно не дотягивал. Еще менее вероятен Барщевский с его «Рабункамі мужыкоў» и предлагаемый в качестве автора Лясковский. Для Сырокомли же было еще рановато... Тогда все-таки сам Яцковский? Ах, если бы иметь доказательства, что он владел и белорусским языком... Но, с другой стороны (добавлю от себя), почему мы должны в этом сомневаться? Ведь родился он в Красном Селе, скорее всего, нынешнего Слуцкого района (не исключены также две деревни Красное нынешнего Кореличского района), где белорусский язык могли знать не хуже, чем в недалеком Крошине.

Недостаточность прямых аргументов, очевидно, чувствовал и сам профессор Хаустович. Ему очень хотелось упрочить свою версию. Ибо в противном случае он так настойчиво не повторял бы ее варианты на очередных научных конференциях — в поисках новых доказательств и ради переубеждения скептиков. Вот тут-то действительно каюсь: раньше я был в рядах сторонников старого мифа, созданного с благородной целью — иметь своих Шевченко и Бернса. Но я разделял свою точку зрения вместе с несколькими поколениями, в том числе с Язепом Дылой, сочинившим романтическую пьесу «Юнак з Крошына», да и с Владимиром Короткевичем, автором стихотворения «Паўлюк Багрым» и соответствующих страниц в книге «Зямля пад белымі крыламі». Кстати, у последнего Краевед насчитал 16 «багримовских» неточностей. Однако это обстоятельство знаменитого прозаика и не смутило бы, ибо для него в «эпоху нацыянальнага прабуджэння» важна была не точность мифа, а сам миф как таковой. Мне не раз приходилось из его уст слышать фразу: «Чалавек павінен абрасцаць міфамі, як карабель ракавінкамі».

Так в чем моя вина?

Н вот в конце прошлого года в Белорусском государственном университете состоялась международная славистическая конференция. Профессор Хаустович перепроверял на ней свою версию авторства стихотворения «Заграй, заграй, хлопча малы...», а я по-

том на страницах «Голасу Радзімы» порадовался, что его версия, закрывающая вакуум, становится все убедительнее.

Спустя несколько дней после публикации пришло обиженное письмо от Краевода: мол, в 1992 году я выступил против его утверждений, что Павлюк Багрим не мог написать это стихотворение, а теперь, вероятно, с корыстью, согласился, что не он его написал. Мол, Краевед в своей книге «Павел Іосіфавіч Багрим (Паўлюк Багрим): Легенды, праўда, загадкі», изданной в 2006 году за свой счет, все давно расставил по полкам. От меня же требовалась малость: засвидетельствовать в прессе, что Краевед доказывал неавторство Багрима значительно раньше, чем профессор Хаустович.

На все эти обвинения я с удивлением ответил, что указанной книги я никогда не видел: в продаже ее нет, а в библиотеке не оказалось даже обязательного экземпляра. Но если Краевед пришлет книгу, то я прочту ее, выскажу свое мнение, хотя от меня последнее и не требовалось.

И вот в начале февраля сего года искомое «научно-популярное и литературно-художественное издание» с почтительным автографом Краевода легло на мой рабочий стол. Прочел 125 страниц за один вечер. И убедился: книга в целом получилась. Краеведу удалось развенчать ошибки, которые накопились вокруг Багрима, доказать, что его отец не был «кіямі забіты», а его самого не сдавали в рекруты на 25 или 27 лет, т.е. что в стихотворении изложена не конкретная биография автора, а сделано романтическое обобщение. Обратил внимание на две существеннейшие детали: семья Багримов, оказывается, жила безбедно, а потом благодаря выгодному браку Павлюка даже богато, о чем Краеведу рассказала старожилка бывшего местечка по фамилии Орловская. А потомков этой семьи в Крошине и окрестностях нет, так как вся она, во главе с Павлюком, эмигрировала в США. Кстати, последний факт следовало бы перепроверить в Национальном государственном историческом архиве Беларуси, где сохранились дубликаты дореволюционных заграничных паспортов (так, недавно был обнаружен паспорт «любимой бабушки» знаменитого актера Генри Форда).

Что мне не понравилось в книге, так это обилие этического «терроризма» (тут сказалось отсутствие издательских редактора и корректора). Направо и налево раздаются ярлыки типа «малады правакатар» (о П. Багриме), «брудная гульня і неверагодная лухта» (об И. Яцковском). Все, кто не согласен с Краеведом, — это «люмпенскія даследчыкі і ілжэпрыдумшчыкі». Вот отсюда, от вседозволенности, и рождается «эпистолярный терроризм». Терроризм? А может, проявление отчаяния? Я еще раз перечитал книгу Краеведа и пришел к выводу, что, опровергая авторство Павлюка Багрима, он в подавляющем большинстве фактов прав (ах, если бы еще спор везде велся нормальной научной лексикой!). Около 20 лет он доказывает, что не мог мифический рекрут быть еще и поэтом, а его не слышат...

Впрочем, почему не слышат? Вон профессор Хаустович признает в своей книге, что не только он, а и доцент Игорь Запрудский именно под влиянием концепции Краеведа начали поиски истинного автора стихотворения «Заграй, заграй, хлопча малы...» А теперь уже Краевед не слышит оппонента, утверждает, что «сполонизованный» участник восстания 1831 года, описывая невзгоды, пусть и не совсем достоверные, Павлюка Багрима, вел всего лишь «грязную игру». Дискуссии не получилось. А так бы хотелось, чтобы Ученый и Краевед сели вместе, за один «круглый стол» с заинтересованными специалистами, и главным героем обсуждения стало бы само неповторимое, реально существующее стихотворение. Только где сесть? Никем и нигде это не предусмотрено.

Аналогии

Тем временем Краевед через своих гонцов, барановичского и минского, поторапливал меня: скорее признайте, что именно он начал отрицать причастность Павлюка Багрима к известному стихотворению, притом намного раньше, чем профессор Хаустович. Я отвечал, что это уже сделал на страницах белостокской

«Нівы» сам Хаустович, и даже вырезку вручил гонцу для подтверждения. Да и что за статья получится у меня из одного предложения?!

В поисках выхода перечитал еще раз письма Краевода и в одном из них наткнулся на такое вот место: «Усё-ткі я дамогся выключэння жыцця і “творчасці” Багрима са школьных праграм». Вот тебе и беспомощный борец за правду! Ведь это тоже акт, схожий с террористическим, хотя сама цель благородна: достижение истины. Но кто вправе истину определять индивидуально и напором? Не апробировал ее в академической сфере? Пойдите, подумалось, а как решались вопросы изменения атрибуции в других случаях? Скажем, покойный Геннадий Киселев доказывал, что автором поэмы «Тарас на Парнасе», прежде считавшейся анонимной, является сын крепостного, мещанин Городка на Витебщине, выпускник Горы-Горецкого сельскохозяйственного института Константин Вереницын, а поэмы «Энеида навыварат» — помещик Духовщинского уезда Смоленской губернии поэт и драматург Викентий Ровинский. Путь к истине был долог и трудоемок. На эту тему Г. Киселевым написано несколько монографий, статьи для энциклопедического справочника «Беларускія пісьменнікі». Они всесторонне обсуждались и были одобрены на заседаниях отдела и ученого совета Института литературы имени Янки Купалы АН БССР. И все-таки Г. Киселев не поставил категорическую точку над «і»: несмотря на косвенные и даже прямые доказательства, как в первом случае, Вереницына и Ровинского он назвал только вероятными авторами названных произведений. Теперь «Тарас на Парнасе» издается уже как произведение Вереницына, а вот к изданию «Энеиды навыварат» как произведения Ровинского книжный мир более осторожен, ведь там преобладают косвенные свидетельства внука. Соответствующие изменения, естественно, сделаны в энциклопедиях, во втором томе академического издания «Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў» (2007), на основе которого будут сделаны уточнения и в школьных учебниках, и в программах. Характерно, что Г. Киселев, автор разделов об «Энеідзе навыварат» и «Тарасе на Парнасе», и здесь не категоричен, рассматривает свои

открытия как версии, называя разделы не именами Вереницына и Ровинского, а названиями самих поэм. А вот про Багрима в той же «Гісторыі» все еще говорится как о поэте, хотя уже называется и фамилия Яцковского. Значит, путь Истины в школьные программы и даже энциклопедии по-прежнему закрыты.

Или другие случаи. Доцент БГУ Ирина Богданович уже несколько лет и в печати, и устно утверждает, что поэма «Мачыха», когда-то найденная мною среди рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове, принадлежит перу аристократки Габриели Пузынины, жившей на Молодечненщине, а преподаватель Полесского университета Александр Ильин — что автором «Пінскай шляхты» является не Винцент Дунин-Марцинкевич, а другой литератор, лучше знавший Полесье. Но оба они не расценивают свои открытия как истину в последней инстанции, называют их версиями, требующими дополнительных доказательств. Ведь атрибутика — процесс длинный и сложный, и угрозами его не ускоришь.

Выход из тупика

Но как же быть с близкими к истине версиями и профессора Хаустовича, и Краевода? Разве что обсудить этот вопрос в Институте языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН? Ибо где же еще?

И вот на 24 мая в Институте языка и литературы была назначена литературоведческая научная конференция. Я подал туда заявку, чтобы на пленарном заседании (больше участников) поставить на обсуждение мой доклад о принципах атрибуции литературных памятников XIX столетия. Но конференция шла впритык за V Международным конгрессом белорусистов, где у меня тоже были два доклада. Написать текст не получилось. Говорить же импровизированно по такому вопросу не хотелось. Отсюда и вынужденное промедление с «абяцанкай-цацанкай», которое вывело из равновесия Краевода.

Перечитав данную статью, убедился, что в нее в сокращенном виде вошли основные положения заявленного на 24 мая доклада. Вот их и предлагаю ученому совету институтов языков и литературы НАНБ как вступительное слово для дискуссии об авторстве стихотворения «Заграй, заграй, хлопча малы...» Я не мыслю ее без присутствия Краевода и, конечно же, профессора Хаустовича. Только таким путем можно приблизиться к ее величеству Истине, изложенной, скорее всего, в нескольких вариантах. Один из них не дает мне покоя: ну почему мы все время ищем Павлюка, когда и Яцковский, и Ластовский, а вслед за последним и Богданович твердили: «Петрок из Крошина»?! Ведь мог он существовать в этом разветвленном татарском роду наравне с Павлюком!

| СБ. Беларусь сегодня. — 2010. — 4 авг.

Посланник в Японию Иосиф Гашкевич

Предложить тему Иосифа Гашкевича меня заставило то, что за последнее время изучение жизни и деятельности нашего знаменитого соотечественника обогатилось несколькими существенными страницами: прошли международные чтения, посвященные его памяти, вышли из печати их материалы в специальном сборнике «Беларусь–Японія». Да и мне самому в 2001 году посчастливилось побывать в Стране восходящего солнца и выяснить там несколько важных моментов, связанных с деятельностью И. Гашкевича. Кроме того, в связи со 195-летием со дня его рождения, которое пришлось на 5 октября, и предстоящим 200-летием подошло время сделать несколько обобщений и высказать ряд предложений.

Немного предыстории

Когда-то более подробно про Иосифа Антоновича Гашкевича я узнал из книг «Путешествия наших земляков» Валентина Грицкевича и «Одиссей с Белой Руси» Виталия Гузанова, изданных соответственно в Минске и Москве в 1968 и 1969 годах. Особенно меня заинтересовал тот факт, что герой этих книг, выйдя в отставку в 1867 году, приобрел имение Мали в нынешнем Островецком районе Гродненской области, в родных местах его второй супруги Екатерины Семеновны. Там Гашкевич продолжил работу над своим основным исследованием «О корнях японского языка», изданным в Вильно только в 1899 году. Там же и умер 15 мая 1875 года.

Шел 1986 год. В Минске ожидали приезда из Японии группы деловых людей, объединенных в Общество почитателей Гашкевича во главе с самураем в 13-м поколении Такадо Касичи, чей пращур дружил с Гашкевичем. Японцы очень хотели поклониться праху легендарной личности. Мне позвонили и спросили: не знаю ли я, где похоронен дипломат. Ответил: по воспоминаниям старожилов, у начала северо-восточной стены старого островецкого костела, который после восстания 1863 года преобразовали в церковь. Но после того как в соответствии с Рижским договором Островец оказался в составе Польши, а церковь опять стала костелом, местные фанатики сровняли православные могилы с землей. Может, закончил я, более точные сведения есть у районных властей.

Но из Островца, видимо, убоявшись того, что на месте мальской усадьбы стоял свинарник, пришел ответ: Иосифа Гашкевича похоронили в Вильно.

Островец в маршруте японцев поменяли на Вильнюс. Там на православном кладбище Липовка действительно нашелся памятник Иосифу Гашкевичу. Но не Иосифу Антоновичу, а Иосифу Иосифовичу, умершему в 1903 году, — сыну консула. Японцы сочли бюрократическую путаницу за осознанный обман, обиделись (особенно Такадо Касичи) и хранили молчание примерно лет десять.

Потепление наступило в середине 1990-х годов, когда временный поверенный в делах Японии в Беларуси Акире Тотейяма-сан торжественно открыл в центре Островца бюст Иосифа Гашкевича работы скульптора Валериана Янушкевича. В 1995 году прошли первые островецкие краеведческие чтения, посвященные памяти «беловолосого посланника», как называли его японцы. В заседаниях принял участие ведущий токийский белорусист профессор Джун ичи-Сато.

От Токио до Хакодате

В Токио, в аэропорту «Нарита», переводчица Накагава-сан встретила меня, держа в руках портрет Гашкевича, — я даже машинально оглянулся, не следует ли он за мной. Я не собираюсь подробно рассказывать о незабываемой неделе, проведенной в Токио, Киото и Хакодате. Только в нескольких словах напомним о самом существенном, связанном с Гашкевичем, его первой российской консульской миссией, размещенной не в столице (тогда Токио назывался Эдой), а на самом северном большом острове Японии Хоккайдо. Там сходятся несколько морей, недалеко Россия — удобное место для мореплавателей, торговцев и дипломатической службы.

В Хакодате, главный город острова Хоккайдо, меня пригласил Такадо Касичи-сан — тот самый, который в 1986 году хотел вместе со своей группой поклониться праху Иосифа Гашкевича и не смог. Я опасался услышать упрек за это, но он упрекнул меня за другое. Он повел меня в свой частный музей, где на возвышении стоял небольшой бюст «беловолосого посланника», подождал, пока я повяжу его белым белорусским рушником, и с легкой издевкой спросил:

— Ну что, где он стоит: на городской площади или в комнате?

— Безусловно, в музее. А почему вы так ставите вопрос?

— А потому, что мы хотели возвести этот памятник в городе. Ваше посольство нас поддерживало. Для убедительности решили обратиться за обоснованием в Минск. А оттуда ответили, что памятник

Гашкевичу в Хакодате уже... стоит. На вашу энциклопедию сослались.

— Да, помнится, было, к сожалению, такое. Перепутали музейный экспонат с памятником.

— Вот видите, чем обернулась обыкновенная невнимательность... Исправлять как-то надо ситуацию.

Из музея мы направились к местному православному храму, поставленному на месте прежнего, построенного еще миссией Гашкевича, но потом сгоревшего. Около него среди могил русских моряков находился и памятник первой жене Иосифа Гашкевича.

Иосиф Гашкевич покинул после себя не только церковь, действующую и ныне, но и русскую школу для детей, и «Японско-русский словарь», удостоенный в Петербурге Демидовской премии. Оставил добрую память как гуманный человек, рачительный хозяин. Ему одному среди зарубежных дипломатов разрешалось путешествовать по Японии.

И самое важное. Во время путешествия я все время ощущал неподдельный интерес японцев к Беларуси и Гашкевичу. Многие мои собеседники в Токийском университете и японском ПЭН-центре, слушатели на литературных вечерах впервые узнавали, что Гашкевич — белорус. Предлагалось очередные чтения его памяти провести в Хакодате. Будем надеяться, со временем они состоятся...

Что мы знаем...

Итак, нам известно, что «беловолосый посланник» родился на Гомельщине 5 октября 1814 года в семье униатского священника. Рос в Якимовой Слободе бывшего Речицкого уезда Минской губернии (нынче Светлогорский район Гомельской области). Успешно окончил Минскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. Но по стопам отца не пошел, увлекся языками, коих знал более десяти. Благодаря этому в 1839 году попал в состав Русской духовной миссии в Пекине, а в 1852 году адмирал Путятин взял его переводчиком на фрегат «Паллада», направлявшийся

из Петербурга, вокруг Африки, в Японию. По пути Гашкевич внимательно изучал флору и фауну Африки и Азии. Его попутчиком был известный русский писатель Иван Гончаров, впоследствии не забывший о нашем земляке при создании своей книги «Фрегат «Паллада». Путешествие совпало с франко-русской войной. В результате боевых действий фрегат потопили, а его команда оказалась в шестимесячном плену у англичан. Но русско-японский договор был подписан. Адмирал Путятин высоко оценил способности и скромность Гашкевича и рекомендовал его первым консулом в Японию.

Российская дипломатическая миссия в Хакодате оказалась 5 ноября 1858 года и сразу же при содействии местных жителей взялась за дело. На вершине сопки появились двухэтажная резиденция консула, дома офицера и доктора, невдалеке — баня для моряков, пекарня и склады для грузов. Со временем к ним прибавилась школа, церковь, лазарет. Медики лечили японцев бесплатно, посещали их дома. Все это поднимало авторитет консульства.

В апреле 1865 года Иосиф Гашкевич отправился из Хакодате в Россию. О последнем, мальском, периоде его жизни уже говорилось выше.

...и чего еще не знаем

В свое время, узнав дату смерти Иосифа Гашкевича, я пролистал подшивки виленских и петербургских газет за 1875 год в поисках некролога, надеясь в нем найти точные свидетельства о месте захоронения, а также месте рождения. В «Беларускай Энцыклапедыі» последнее не указывается, как и точная дата рождения.

Что касается места рождения, осторожно и косвенно называются Пересвятое и Якимова Слобода бывшего Речицкого уезда. Прояснить ситуацию может, кроме гипотетического некролога, только метрика рождения дипломата и ученого. К поискам ее и призываю наших архивистов. Находка имела бы особенную цен-

ность в связи с тем, что светская фамилия белорусского святого Иоанна Кормянского тоже Гашкевич. Но степень их несомненного родства не установлена.

И еще одно существенное белое пятно есть в биографии «беловолосого посланника»: десятилетний пекинский период его жизни. Известно лишь, что в Китае он тоже не терял времени. Однако эти публикации пока тоже не обнаружены. Значит, надо в Пекине и, вероятно, в Петербурге искать архив Русской духовной миссии. В случае успеха, возможно, обнаружится, что Гашкевич сыграл значительную роль также в русско-китайских общественно-культурных отношениях. И тогда следующие Гашкевичские чтения могут из «трехсторонних» превратиться в «четырёхсторонние».

Все сказанное выше имеет существеннейшее значение в связи с тем, что не за горами 2014 год, а с ним грядет и 200-летие со дня рождения Иосифа Гашкевича. По моему мнению, это событие достойно включения в почетный список памятных дат ЮНЕСКО.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2009. — 17 окт.

«Яснавяльможная пані Арэшчыха»

На Гродненщине 2011-й был годом выдающейся польской писательницы-реалистки Элизы Ожешко. И для этого были веские основания: как свидетельствуют найденные исследователями документы, родилась она в поместье Мильковщина невдалеке от Гродно 6 июня 1841 года, основную, творческую, часть своей жизни провела в городе над Неманом, где и похоронена. В центре города на улице имени Элизы Ожешко, недалеко от памятника ей, находится дом-музей писательницы. Поэтому логично, что юбилейная научная конференция состоялась

в расположенном рядом Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. В сборниках и периодической печати увидело свет немало статей, повествующих о жизни и творчестве литературного символа наднеманского края. Кажется бы, есть основания поставить на юбилейном, 2011-м точку.

Пробелы и сомнения

Есть одно обстоятельство, заставляющее меня усомниться, а в том ли году отмечали мы юбилей. Я скорее верю не метрике, которую не удалось увидеть хотя бы в репродуцированном виде, а самой писательнице, указавшей иную дату. В ее обширных и с трудом доступных мемуарах говорится: «Я родилась майской ночью 1842 года. Говорили, что как раз в это время — не знаю, раньше или позже — впервые в мильковщинском саду запел соловей. Может, это была просто выдумка или итог беззаботного воображения слуг и дворовых, но мама моя еще многие годы любила пересказывать это домашнее предание и особенно вспоминала его в ту пору, когда начала гордиться моей писательской профессией, которую сначала терпеть не могла». К тому же 1842 год долго фигурировал и продолжает фигурировать в литературоведении.

Конечно, я не могу вот так с ходу объявить ошибочной (бывают же случаи описки) метрическую запись, но не могу и не верить самой пани Элизе, личности по натуре дотошной. Уж она, а тем более ее мать, наверное, знали год рождения... Такие сомнения беспокоят меня уже свыше полувека — с тех пор, когда в пятом номере журнала «Работніца і сялянка» за 1960 год была помещена моя первая статья об Элизе Ожешко, после чего я отзывался в печати уже на каждую значительную публикацию о ней в Беларуси, Польше и России. Не знаю, как для кого, а для меня, наверное, останутся юбилейными оба года — уходящий и наступающий.

Многоязычное детство

Будущая писательница выросла в довольно богатой шляхетской семье Павловских, которой принадлежали, кроме усадьбы в Мильковщине, соседние деревни Хоневичи и Тарасюки, насчитывающие 165 мужских душ. Отец Элизы и ее старшей сестры Клемуни служил гродненским уездным судьей, слыл вольтерянцем. Рано умер, оставив после себя богатую библиотеку. Мать, женщина видная и властная, воспитанием девочек не занималась, говорила с ними, как и гувернантка, только по-французски. Благодаря домашним учительницам Элиза очень рано научилась читать по-польски, в первую очередь патриотическую поэзию своего земляка Юлиана Немцевича, и сама пробовала писать «взрослые» рассказы.

Уже в раннем детстве Элиза понимала, что наряду с усадьбой, говорящей по-французски и по-польски, наряду с соседней почтовой станцией, где часто звучала русская речь, рядом существуют крепостные деревни, отличающиеся языком. Ей часто удавалось присоединяться к крестьянским детям, включаться в их игры, перенимать их речь. Об этом свидетельствует такое место в ее «Мемуарах»: «Как раз тогда я услышала мужицкие сказки, которые умел рассказывать Франук, и научилась немного говорить по-белорусски, ибо мои друзья разговаривали между собой на этом языке, а ко мне обращались по-польски».

Зрелость мысли

Дальнейшие десять лет своей жизни Ожешко прожила в отдалении от дома, от Гродненщины: училась, притом легко и настойчиво, в варшавском монастырском пансионе. Вернувшись в Мильковщину, чувствовала себя одиноко, ибо старшая сестра умерла, а мать, повторно выйдя замуж, вела светский образ жизни. Поэтому, особенно не раздумывая, дала согласие на первое же брачное пред-

ложение галантного шляхтича Петра Ожешко, приехавшего из-под полесского Дрогичина. Шестнадцатилетнюю девушку не смутило, что он был гораздо старше ее, а будущее, признавалась она в тех же «Мемуарах», казалось ей игрушкой. К тому же из Мильковщины Элиза везла с собой в Людвиново, имение мужа, богатую библиотеку, картины, знакомую с детства мебель. И это было необычное приданое для тех времен, когда выше всего ценились земельные наделы, крепостные и деньги.

Но беззаботная жизнь продолжалась в Людвиново недолго. Муж оказался человеком недалеким, убежденным консерватором, основное время проводил на охоте. Поэтому Элиза зачастила в соседние имения: Жуков в Папино, Русецких в Грудковичах, где находились серьезные библиотеки и как раз велись жаркие споры о необходимости отмены крепостного права. Сначала она оставалась только заинтересованной слушательницей, потом сама включилась в споры, опираясь на труды французских и польских просветителей, доказывала равенство всех людей. Пользу приносили также откровенные беседы с младшим братом мужа Флорианом — выпускником Петербургской медико-хирургической академии, тесно связанным с российской революционной организацией «Земля и воля».

В итоге Элиза Ожешко стала внимательнее присматриваться к жизни местных крепостных. В ее воспоминаниях мы находим такие строки: «...каждый раз, когда я, выйдя за ворота дома, видела в тумане крестьян, шедших в поле за сохой, и слышала их протяжное покрякивание на волов, мне становилось так грустно и так было жалко этих людей, что не могла воздержаться от слез. Я ощущала тогда странное желание пойти в этот туман, на эти поля, подойти к этим темным, согбенным, тяжело шагающим за сохой фигурам и совершить... я сама не знала, что? — сказать им что-то, пожать им руку?»

Во времена отмены крепостного права и подготовки к восстанию Элиза Ожешко начала последовательно защищать интересы крестьян, доказывать, что национальные вопросы следует связы-

вать с социальными. Крестьян-полешуков в 1863 году оказалось довольно много в повстанческих отрядах, которые сформировались в глухих лесах над рекой Темрой, притоком Ясельды, при участии Флориана Ожешко, Жуков и Русецких под командованием отважного Ромуальда Траугута, жившего в недалеком Острове и учившего инсургентов военному мастерству. Элиза доставляла в лагерь секретные сведения о дислокации царских войск, а также собранные в окрестностях продукты питания, перевязочные материалы и белье. Наконец, она спасла после локального поражения на своей повозке раненого Траугута, помогла ему добраться с фальшивым паспортом до Варшавы, чтобы там он с великим опозданием возглавил все повстанческие силы Польши, Литвы, Белоруссии и Украины.

За все содеянное царские власти жестоко расправились с Ожешками: Флориан был арестован и сослан в Пермь, Петра также арестовали с конфискацией имения (все понимали, что это месть за активные действия жены), а самой Элизе пришлось вернуться в родную Мильковщину и потом, когда прекратились преследования и был получен развод, надолго поселиться в Гродно. Полесские же впечатления легли в основу ее первого художественного произведения — правдивого рассказа «Картинка из голодных лет», а затем романа «Пан Граба» и сборника рассказов *Gloria victis* («Слава побежденным»). А в мемуарах писательница так оценит шесть лет, проведенных в Людвиново: «Мысленно я привыкла ту эпоху называть своим университетом. И на самом деле (...), там я прошла высшую школу крупнейших наблюдений, общественных и эстетических впечатлений».

Продав после смерти матери усадьбу в Мильковщине и купив за вырученные деньги просторный деревянный дом в Гродно, Элиза Ожешко постепенно сделала из этого провинциального города литературную столицу всего обширного края, исторически, в память о Великом Княжестве Литовском, называвшегося тогда Литвой. Ее интеллектуальное влияние распространялось от города над Неманом и Вильно, где она в 1879 году безуспешно попыталась соз-

дать собственное книжное издательство, до Минска, через который лежал ее путь в Раков — «Северные Афины» братьев Здеховских», и дальше до Могилева, Витебска и Мозыря, где объявлялись ее ценители и вдохновители.

Ожешко и Богушевич

Наиболее впечатляющий пример духовных связей с деятелями белорусского культурного возрождения — дружба писательницы с Франтишком Богушевичем, неоднократно навещавшим ее в Гродно. Очевидно, первый такой визит был нанесен осенью 1887 года. 2 ноября Ожешко сообщила их общему другу, известному лингвисту Яну Карловичу, жившему тогда в Вишнево, около Сморгони: «Три недели тому был у меня хороший ваш знакомый из Вильно пан Богушевич. Очень приятно провела с ним несколько часов. Он читал мне свои белорусские поэтические произведения и даже дал мне их копию с отдельным стихотворением, тоже белорусским, адресованным мне или для меня. Согласитесь со мной, что это творения весьма красивые, в них заключена какая-то особенная привлекательная сила. Меня очень интересует, смогут ли наши крестьяне осмыслить их, почувствовать их привлекательность. Следующим летом попробую их читать моим знакомым в Миневицах».

Следующее упоминание о приезде белорусского поэта в Гродно имеется в письме тому же Яну Карловичу от 22 февраля 1888 года: «Был у меня недавно г. Богушевич и читал мне только что написанную по-белорусски сказку, длинную, полную фантастики, красивую. Чудесный это талант. Его польские стихи слабы, но белорусские, по моему мнению, выдающиеся. Следовало бы его изо всех сил поощрять, чтобы работал в таком направлении». Очевидно, под влиянием этих строк Карлович посодействовал, чтобы в Кракове, в типографии Анчица, увидели свет богушевичские «Дудка беларуская» (1891) и «Тралялёначка» (1892).

Наконец, Франтишек Богушевич был гостем Элизы Ожешко, когда она 6 февраля 1892 года торжественно отмечала в Гродно 25-летие своей литературной деятельности, дольше всех задержался в ее доме. Юбилярше он посвятил свое стихотворение «Ясна-вьяльможнай пані Арэшчысе».

Между польской писательницей и белорусским поэтом велась оживленная переписка. Эдмунд Янковский, подготовивший многотомное собрание корреспонденции Ожешко, сообщает в третьем томе, что в ее архиве имеется «несколько его писем». Однако, несмотря на мои старания, во время нескольких научных командировок в Польшу познакомиться с ними по непонятным мне причинам не смог (передоверяю это дело младшему поколению исследователей). В комментариях же Янковского помещена только польская парафраза стихотворения Винцента Поля: «*A czy znasz ty, bracie młody?..*» («Известно ли тебе, молодой брат?..») Что же касается ответов писательницы, то они погибли, сгнив в Кушлянах, усадьбе Богушевича на Сморгонщине. Однажды, во время приезда на родину из польского Ольштына, одна из внучек поэта показала мне то место, где в 1945-м, перед выездом семьи в Польшу, закопали «бумаги деда». К сожалению, глубина была небольшая, от разницы температур стеклянная банка лопнула и рукописи истлели. Судебная экспертиза, куда обратился за помощью академический Институт литературы, смогла восстановить только две латинские буквы: *ia*. Но и их оказалось достаточно, чтобы узнать почерк Элизы Ожешко. Значит, в банке находились ее письма. Потеря, конечно, невозполнимая...

Тяготение к таланту и авторитету

Франтишек Богушевич оказался далеко не единственным литератором из белорусско-литовских и польских земель, искавшим в Гродно понимания, квалифицированной оценки и поддержки. К сожалению, сведения о других посетителях писательницы чаще всего весьма скудные.

Что, например, мы знаем о крестьянском парне из Ошмянского уезда Леонардо Дзядуле, нашедшем приют в доме Ожешко? Осталось только несколько строк в ее письме собрату по перу Теодору Томашу Ежу. Сначала, говорится там, хозяйка дома встретила незваного гостя настороженно: слишком молодой, да и окончил только народное училище. Но все же попросила, чтобы «он прочитал мне свои произведения, а когда он начал — остолбенела. Талант писательский неслыханный, интеллигентность, интуиция, что проникает в неизведанные миры и возносится до самых сложных абстракций не в состоянии даже назвать их, — удивительные. Некоторые картинки, писанные по-русски (возможно, по-белорусски. — А. М.), если бы не цензурные условия, можно было б сразу, не стыдясь, печатать». И хотя по своим убеждениям Дзядуля показался писательнице «коммунистом», она все же помогла ему найти работу в Варшаве. Там, а также на Ошмянщине, следует и нам искать следы этого неизвестного самородка.

Элизе Ожешко поступало много писем с Минщины и Брестчины: восторженных о ее романе «Над Неманом», повестях «Низины», «Дзюрдзи», «Хам», сочувствующих — после опустошительного пожара в Гродно в 1885 году, когда писательница возглавила сбор пожертвований пострадавшим. У нее спрашивали совета, просили приехать. В 1907 году благодарный город присвоил своей «опекунше» звание почетной гражданки, а в 1910-м, когда она заболела, выставил соломой соседнюю улицу, чтобы ее не тревожил стук колес. Умерла она 18 мая 1910 года — в один день с Зыгмунтом Свентицким, своей единственной настоящей симпатией и единомышленником, который был женат на племяннице Адама Мицкевича и жил в Минске по улице Подгорной.

Произведения Элизы Ожешко уже в начале XX века начали переводиться на белорусский язык, ставиться на сцене труппой Игната Буйницкого. Белорусские по тематике, они по праву принадлежат двум соседним славянским народам, двум литературам. В белорусско-польском культурном взаимодействии Элиза Ожешко заслуженно делит первое и второе место с Адамом Мицкевичем.

Недаром известный критик Станислав Бжозовский назвал ее, прозаика, «младшей сестрой» выдающегося поэта.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2012. — 19 янв.

Династия Ельских

Непотерянные поколения

Торжества по поводу 500-летия династии Ельских недавно прошли в Донецке. Но могли бы состояться и в Беларуси, в Дудичах-Дудутках или Лядах, в польском Радоме, где в местном музее работают знатоки живописи Эвелина и Анджея Ельские. А также в России, Литве, Германии, Франции. Род Ельских укоренился по всей Европе. Но его наиболее известные представители родились на белорусской земле. В Донецке же работает один из активнейших представителей семейного клана — профессор Виктор Ельский. Он чтит память своего прадеда Константина Ельского, уроженца имения Ляды бывшего Игуменского уезда (ныне — Червенский район), и нередко навещает Беларусь.

Ельские герба «Пелеш»

На белорусской земле род Ельских известен с XVI века — шляхта среднего достатка, гнездились они на Минщине и Пинщине. Уже в XVIII веке среди Ельских появились таланты. Скульптор Кароль создал изваяния в Заславле, Цепре около Клецка, в Кухтичах на Узденщине, украсил Виленский кафедральный собор и костел бернардин-

цев в Троках. По стопам отца пошли и сыновья. Ян исполнил фигуры пророков Иеремии и Исаяи для главного алтаря знаменитого костела Святых Петра и Павла в Вильно. О Казимире будет подробно рассказано ниже. Наиболее же прославили свой род белорусские Ельские, Александр, Казимир, Константин и Михал, в следующем, XIX, веке.

Писатель, собиратель

Начать следует с Александра Ельского (1834–1916). И не только исходя из алфавитного принципа. Он много сделал для белорусской культуры — как поэт и переводчик, историограф и этнограф, коллекционер и краевед, член Академии наук в Кракове. Родился Александр в Дудичах, жил в двух километрах от них, в Замостье нынешнего Пуховичского района. Что касается его назидательно-описательных поэм («Сынок!», «Выбіраймся ў прочкі!», «Слова аб праклятай гарэліцы і аб жыцці і смерці п'яніцы», «Гутарка аб том, якая мае быць “Зямля і воля” сельскаму народу») и стихотворений, они, скажем прямо, имеют сегодня только историческое значение. Значительно большую ценность и для своего, и для нашего времени являют насыщенные фактами исследования А. Ельского «О белорусском говоре», «Словечко о материалах для изучения белорусского говора, этнографии и литературы», двухтомный «Очерк истории местного хозяйства в сопоставлении с народными обычаями от первобытных до последних времен» (по существу, история отечественной экономики), «Адам Мицкевич в Беларуси», «Исторические сведения о радзивилловской ткацкой фабрике поясов в Слуцке», «Словечко о старом Заславле», другие исследовательские работы. Сюда следует добавить около 10 тысяч (!) статей в самых различных географических справочниках и энциклопедиях. Поэтому их автора сегодня называют первым белорусским энциклопедистом.

А. Ельский был страстным собирателем редких книг, автографов (свыше двух тысяч) знаменитых людей, произведений живописи (среди них — оригинальный Рембрандт) и декоративно-при-

кладного искусства. Создал в Замостье богатый музей, куда, между прочим, попали и экспонаты из сундука его родственника Винцента Дунина-Марцинкевича. В свое время мне посчастливилось найти в Варшаве «Книгу для записи лиц, которые осматривают собрания в Замостье, начатую в 1882 году». Кого только не оказалось среди посетителей! Записи сделаны на белорусском (есть стихотворные), русском, польском, немецком, французском и даже датском языках. Однако после смерти писателя все коллекции этого музея вывезли в Краков, Варшаву и Вильно, в Минске осталось совсем немного.

Скрипач, композитор

На ином поприще, музыкальном, снискал себе славу старший брат Александра виртуоз-скрипач Михал Ельскийкий (1831–1904). Он также родился в Дудичах и остался там жить. Успешно концертировал не только у себя на родине, но и в Германии, Польше. Написал свыше 100 музыкальных произведений. Некоторые опубликованы в сборнике, вышедшем в Киеве в 1852 году. Собирал и использовал народные мелодии. В рукописи осталась его работа «Народные танцы Минской губернии». Произведения М. Ельского часто исполняются в наше время. Звучали они и на недавнем фестивале, посвященном музыке дворянских усадеб.

Скульптор, педагог

Нз тех же Дудичей родом и Казимир Ельскийкий (1782–1867), сын уже упомянутого Кароля. Образование он получил в Виленском университете и Петербургской академии художеств. Автор скульптурных портретов местных ученых и художников, барельефов «Смерть Барбары Радзивилл», «Триумф Александра — в честь Парижского конгресса 1856 г.». Созданные им статуи и бюсты по сей день украшают Вильнюсский кафедральный собор и Вильнюс-

ский университет. В 1811 году К. Ельский возглавил кафедру скульптуры на факультете живописи, скульптуры и архитектуры Виленского университета.

Путешественник, исследователь

Очевидно, большее внимание, чем Александру, Михалу и Казимиру, следует уделить сыну Михала — Константину Ельскому. Если первые три личности в Беларуси уже достаточно известны (Александр «дождался» однотомника в издательстве «Беларускі кнігазбор»; хорошо исследовано наследие Михала, его именем назван Международный конкурс струнной музыки в Минске; скульптурные изваяния Казимира представлены в различных альбомах), то имя Константина больше на слуху в Польше и Украине, чем на родине.

Биолог, географ и геолог Константин Ельский (1837–1896) как профессор руководил в Киеве университетским кабинетом зоологии. Молодой ученый чуть ли не первым в Российской державе стал сторонником эволюционной теории развития природы Дарвина. Но его научная и педагогическая карьера прервалась событиями 1863 года, за участие в подготовке которых Константину угрожала каторга или ссылка. Пришлось ему через Бессарабию и Турцию добираться до Франции, а потом «по бесплатному билету самого низкого класса» плыть на военнотранспортном фрегате «Амазонка» до южноамериканской Гвианы.

В августе 1865 года фрегат прибыл в Кайену, торговый и административный центр французской Гвианы. Там в больничной аптеке Ельский работал помощником фармацевта за незначительную плату. В свободное время исследовал тропические джунгли, где находил и описывал растения, насекомых, птиц. Препарированные чучела отсылались в музеи Европы. Ельский первым описал многие виды растений и животных, а один из видов лавра даже назван именем первооткрывателя. Из Гвианы исследователь отправился через Боливию в Перу, где пробыл десять лет. Но в отличие от другого нашего соотечественника, Игнатия Домейко, ставшего в те же годы

национальным героем Чили, Ельский не смог обобщить свои открытия — на его материале это сделали другие. Закончить запись воспоминаний помешала болезнь. Но все же некоторые из них напечатаны в книге путешественника «Популярно-природоведческий рассказ о пребывании во французской Гвиане и частично в Перу», изданной на польском языке в Кракове, правда, уже посмертно. У меня, естественно, нет возможности пересказать здесь содержание этой научно-приключенческой работы (надеюсь, ее у нас переведут). Однако кое о чем не могу не упомянуть. Ельского очень огорчало, что индейцев становится все меньше, что они не выдерживают столкновений с некоторыми проявлениями европейской цивилизации и, конечно, с жадными купцами, спаивавшими их водкой в качестве платы за драгоценности. Туземцы помогали Константину охотиться на акул и черепах, сопровождали во время многочисленных походов по джунглям. Они уважали бесплатно лечившего их «доброго белого».

В пожилом возрасте Ельский переехал в Краков, откуда отправлялся в экспедиции в Бретань и Далмацию. Буквально за несколько дней до смерти он еще работал над учебником по зоологии.

Украинская ветвь рода

После эмиграции Константина в Киеве остался его сын Ян (1862–1930). Мать отдала мальчика на воспитание родственникам в Пинск. Там он окончил школу, работал преподавателем. Потом вернулся в Украину, служил на железной дороге. Как реликвию хранил привезенное из-под Минска фортепьяно деда Михала. У Яна было шестеро детей, среди них — София Ельская (1897–1962), ученица всемирно известного генетика Николая Вавилова, в годы немецкой оккупации — участница подпольного движения. С. Ельская — мать ныне здравствующего Виктора Ельского, члена-корреспондента Академии медицинских наук Украины. В Донецке состоялась международная конференция «Ельские вчера и сегодня (500-летие рода Ельских герба «Пелеш»)». Там прозвучали и три белорусских доклада.

Изданные книгой и любезно присланные мне Виктором Николаевичем материалы конференции позволят в будущем пополнить белорусские энциклопедии еще несколькими именами Ельских. Это прежде всего маршалок пинской шляхты Лукаш Ельский (XVII век), заключивший в 1657 году «вечный и нерушимый мир» с Богданом Хмельницким и получивший от него «Универсал» о правах и привилегиях. А также выдающийся агроном, выведивший новые сорта роз, общественный деятель и коллекционер Вильгельм Ельский (1867–1917). Создал в своем имении Игнатичи (теперь Калинино Пуховичского района) прекрасную картинную галерею, в которой насчитывалось около ста произведений живописи и столько же гравюр. Кстати, Вильгельм Ельский, кажется, первым из белорусов посетил лужицких сербов и описал свои впечатления в книге, изданной в 1892 году в Варшаве.

...Семейство Ельских, где Виктор Николаевич представляет 13-е поколение, продолжает свое развитие. Присланная книга завершается краткими рассуждениями 16-летнего Яна. А это уже 15-е поколение. Внук ученого мечтает стать биологом или медиком, как и многие представители этого белорусско-украинско-польского, а по существу — европейского рода.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2007. — 4 дек.

По маршруту Сморгонь – Новая Зеландия

*Крутые жизненные виражи революционера и литератора
Ивана Синицкого*

Еще в 1977 году я напал в Москве, в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, на след воспо-

минаний «Из моей жизни в деревне», принадлежащих перу уроженца и жителя Сморгони Ивана Францевича Сеницкого. Сохранились они в фонде известного русского писателя Николая Рубакина и писались, скорее всего, по его просьбе. Личность мемуариста меня заинтересовала: что за человек так подробно и образно рассказывает о жизни сморгонского пролетариата накануне революции 1905 года?

Воспоминания «Из моей жизни в деревне» писались до 1907 года, когда Рубакин уехал в Швейцарию, и до ссылки автора. Поэтому Сеницкий, руководствуясь конспиративными соображениями, весьма скупно рассказывал о себе, стремился не называть фамилий товарищей по борьбе. Он только сообщил, что родился в 1861 году в крестьянской семье, в молодые годы служил в Украине, в 1893 году купил на окраине Сморгони, при выезде на Залесье и Молодечно, небольшой участок земли и начал хозяйствовать, развел «показательный сад». Писал корреспонденции в различные виленские газеты, где защищал интересы рабочих и крестьян, чем нажил себе врагов среди местных предпринимателей и чиновников.

«В доме Сеницких, — продолжает мемуарист, — часто собиралась молодежь». Читалась и обсуждалась нелегальная литература, которой полно было в библиотеке сморгонского революционера. Власти обвинили Сеницкого «в принадлежности к тайному объединению, ставившему своей целью низвержение существующего порядка». По «сморгонскому делу» арестовали более 100 человек. 36 из них отправили в ссылку в Восточную Сибирь и губернии Севера. Сеницкого сослали в Вологодскую губернию.

В бурную осень 1905 года Сеницкого арестовали как одного «из видных руководителей забастовочного движения, организатора стачек и демонстраций» и посадили в камеру № 14 виленской Лукишской тюрьмы, где, очевидно, и были написаны найденные мной мемуары.

Из Вильно, как уже говорилось, сморгонский революционер был сослан в Вологодскую губернию. Вернувшись оттуда, опять участвовал в рабочем движении, вынужден был спастись от повторного ареста выездом в Финляндию. После Первой мировой войны Сеницкий приехал на пепелище родной хаты в Сморгони.

Шесть лет добивался, чтобы польские власти вернули ему гектар земли, завещанный отцом. Наконец добился, отстроил дом, привел в порядок запущенный сад. Его образцовая усадьба стала известной в округе, даже дождалась издания посвященной ей открытки.

Ленинградский исследователь А. Дридза сообщил мне, что ему приходилось видеть книжку Синицкого о Новой Зеландии. Из Гродненского областного музея мне сообщили, что после смерти Синицкого его вещи, рукописи, фотографии остались у племянниц Юлии и Ольги Страшинских, живших тогда в Сморгони. В конце 1960-х годов и племянниц не стало. В их квартире сотрудники музея и обнаружили книгу о Новой Зеландии, а также несколько фотографий.

И вот наконец передо мной лежала ксерокопия небольшой книжки И. Синицкого «Новая Зеландия – Европа». Нижняя часть ее титульной страницы обрывалась, потому мне не удалось определить ни год, ни место издания. Издания? А может, книжка так и не увидела свет? Ведь сверху отчетливо написано: «Корректурa», а в тексте действительно видны корректорские правки. Тогда закономерно возникают новые вопросы: кто и почему помешал выходу книжки? Не царская ли цензура здесь поработала? И с какой целью Синицкий отправился за тридевять земель, перед этим посетив Францию и Англию?

Ответы стал искать в тексте книги. Читаю ее первые строки: «На пароходе “Вайвера”, после пятидесятидвухдневного непрерывного плавания (останавливались только в Капштате и Тасмании), я прибыл, наконец, в Веллингтон, столицу Новой Зеландии...» Эх, подумалось, ну почему здесь не указан год того плавания! Тогда в загадочной биографии Синицкого стало бы одним белым пятном меньше...

Тем не менее первая же страница книги пролила свет на весьма существенный момент — цель путешествия. Прибыв в Веллингтон, Синицкий снял номер в скромном частном отеле, чтобы там «встретиться с людьми рабочего класса». Потом наш соотечественник, «желая ближе познакомиться с условиями труда», обратился в правительственную контору с просьбой предоставить «какую-либо работу». Ему предложили «место рабочего на строительстве железной дороги» с мизерной зарплатой — всего восемь шиллингов

в день. Синицкому очень хотелось побывать «среди землекопов, работавших на артельных началах», и только плохое состояние здоровья заставило отказаться от уslug конторы.

С жизнью разных категорий рабочих — иммигрантов, сезонников — путешественник знакомился в Окленде, куда вскоре переехал из столичного Веллингтона... Невольно задаешься вопросом: неужели такой интерес объясняется лишь любопытством самого Синицкого? Не выполнял ли он, находясь в Новой Зеландии, задание некоей революционной организации? И какого знакомого пытался разыскать в Окленде?

Наш земляк много ездил по далекой стране. Его привлекали покрытые снегом вершины гор, шумные водопады, таинственные пещеры, горячие гейзеры, в которых местные жители варили рыбу и яйца.

В своих странствиях по острову автор книжки часто встречался с маори — представителями коренного населения Новой Зеландии. Туземцы благожелательно относились к чужому для них белолицему человеку, помогали в сложных ситуациях. Синицкий, возможно, стал первым из восточных славян, кто не только побывал на новозеландских островах, но и подробно описал их аборигенов. Наблюдая нравы и быт маори, автор сравнивал условия их жизни с английскими и американскими. И делал это, очевидно, опираясь на предыдущие наблюдения.

Язык Синицкого колоритен, метафоричен. Он тонко чувствовал и образно передавал красоту окрестной природы. Однажды в горах заблудился и вынужден был ночевать под открытым небом. «Ночь была тихая, звезды ярко блестели, а из-за гор поднималось наше самое красивое созвездие — Орион, которое в Новой Зеландии проходит в это время почти над самой головой. Южный Крест, вблизи которого яркость Млечного Пути достигает наибольшей силы, склонялся к западной части горизонта, а серебристые лучи луны уже скользили по вершинам гор. Ни одного звука здесь не было слышно, будто все живое затаилось и любуется этим великолепным, усеянным яркими звездами покровом, этими медленно странствующими тенями гор, этими таинственными ущельями...»

«По первоначальному плану, — признается Сеницкий, — я рассчитывал пробыть в Новой Зеландии два года и возвратиться через Америку (Сан-Франциско, Нью-Йорк), но изменение обстоятельств заставило меня оставить эту интересную страну и поспешить в Россию; поэтому я выбрал другой, более скорый путь, а именно: Австралия, Цейлон, Порт-Саид, Европа».

Из Окленда на пароходе автор приплыл в Сидней, напоминавший ему Лондон. Потом был Цейлон, город Коломбо, удививший путешественника крайней бедностью местных жителей — сингалов, тамиллов, малайцев, веддов. Последние потешали публику, ныряя вслед за брошенной в море монетой на большую глубину. Сеницкий осмотрел не только центр Коломбо, но и его окраины, где жили туземцы. На Цейлоне автор впервые услышал из уст чужезмцев русское слово, и словом этим было «дай» (монету).

Аден, Порт-Саид, Неаполь, Генуя... По дороге Сеницкий опять сравнивал социальные условия жизни в разных странах. И, очевидно, часто вспоминал родную Сморгонщину. Во всяком случае, когда в третьем классе парохода хорваты начали отплясывать свои национальные танцы, те казались автору «чем-то вроде белорусской “лявонихи” или “польки”».

Пройдя через Гибралтар, постояв в Антверпене, пароход наконец прибыл в Бремен. Этим и завершаются путешествие и книжка неусидчивого сморгонца. Конспиратор Сеницкий нигде не уточнил, какая же это «смена обстоятельств» заставила его срочно оставить Новую Зеландию и вернуться в Россию. Но, сопоставив разные источники, нетрудно догадаться, что это были революционные события 1905 года. Значит, путешествие в южное полушарие состоялось между 1901 и 1905 годами, скорее всего, в 1904 году. Тогда же появилась и книжка, так и не увидевшая большой свет, ибо ее автор не вызывал доверия у властей. Потому, смею утверждать, гродненский корректорский экземпляр поистине уникален.

Оставалось еще выяснить, когда же умер Иван Сеницкий. Библиотечные поиски опять ничего не дали. И тогда я обратился за помощью к писателю и фольклористу Арсену Лису, уроженцу и зна-

току Сморгонщины. Вскоре он принес мне величайшую редкость — номер журнала «Беларускі летапіс». Он вышел в Вильно в первой половине сентября 1939 года (в номер успела попасть статья о начале войны) и поэтому не успел дойти до подписчиков. В нем есть некролог, посвященный Ивану Синицкому и подписанный инициалами «А. Л.» (скорее всего, за ними скрывался Антон Луцкевич). Сообщается, что сморгонский литератор, революционер и садовод умер 2 мая 1939 года.

Как видно из некролога, Синицкий был тесно связан и с белорусской литературой. Будучи неженатым, он все свое имущество завещал Обществу белорусской школы. «Однако случилось так, что покойный пережил общество, которое через несколько лет было закрыто административными властями».

Иван Синицкий оставил после себя добрую память не только как революционер, общественный деятель, но и как автор литературных материалов в «Нашай ніве», а также как создатель, вероятно, первого среди восточных славян описания Новой Зеландии. И верится, что в День белорусской письменности, который в 2009 году намечено праздновать в Сморгони, его участники придут с цветами к месту, где стоял дом Синицкого. А еще лучше — к памятному камню, поставленному на месте этого помнящего многие исторические события дома.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2009. — 28 марта.

«Свояки» Казимира Свояка

| Исполнилось 120 лет со дня рождения католического священнослужителя и известного белорусского поэта Константина Степовича, писавшего под псевдонимом Казимир Свояк. На

его родине в Островецком районе 2010 год был объявлен годом памяти земляка. Местная делегация в день рождения Казимира Свояка отправилась с корзиной цветов в соседний Вильнюс, где на кладбище Расу, на Литературной горке, похоронен поэт, а также его брат Альбин Степович — композитор, музыковед, посол от белорусов в довоенный польский сейм. Одной из улиц Островца присвоено имя поэта.

На земле клюшанской

Особенно торжественно отметили юбилей в Клюшанском приходе — это Спондовский сельсовет. Здесь, в деревне Барани (дореволюционное название — Бараны), поэт родился, здесь сохранился дом Степовичей, где произошли открытие мемориального музея и презентация первого собрания сочинений писателя. А недалеко, в бывшем местечке Клюшаны, возвышается костел, у входа в который установлен мемориальный камень в память братьев Степовичей. В этом храме молодой священник Константин Степович, переехав из Камаев (теперь Поставский район), куда был направлен из Петербургской духовной академии викарием, прослужил всего около года, но успел в это тяжелое, военное время (1915–1916) сделать столько, на что другим потребовались бы десятилетия. Он создал молодежное общество «Хаўрус Сваякоў» («Союз Свояков»), которое ставило своей целью получение глубоких знаний и моральное самоусовершенствование. Организовал при костеле хор, исполнявший духовные и народные песни, драмкружок. Наконец, в Клюшанах и окрестных деревнях (в Баранах дети собирались в хате Степовичей) организовал семь (!) школ с белорусским языком обучения, для чего потребовались и курсы учителей, и учебники, которые покупал за свой счет. Причем все делалось живо, с юмором, импровизациями и остается в памяти местных жителей до сих пор.

Деятельность Степовича не очень-то устраивала начальство, и его отправили викарием в Корытино на Белосточчину. Попытки

распространять там белорусские книги, вести проповеди на родном языке вызвали резко отрицательную реакцию властей. К тому же обострился туберкулез, возникший еще в годы обучения в академии. Пришлось часто и надолго выезжать для лечения в предгорья Татр — в Закопане. Здоровье временно улучшилось, когда в конце 1920 года удалось получить место в Засвири на Мядельщине, откуда было близко до родных Ключан. «Хаўрус», а также белорусские школки там продолжали действовать еще года три-четыре, пока польские власти их решительно не закрыли. Организатору угрожал арест, от чего спасла очередная поездка в Закопане. В Засвири Степович закончил свое служение. Умер в Вильно 6 мая 1926 года.

Ступеньки постижения

Путь мой к познанию жизни и творчества Казимира Свояка выдался долгим и сложным. В Институте литературы АН БССР, помнится, долго спорили: планировать отдельный раздел о Свояке в четырехтомной истории литературы или не планировать (характеристика «клерикальный» привела к тому, что остановились на втором варианте). К тому же я все время занимался другими периодами — литературой XIX, а потом и XVIII века.

По-настоящему меня заинтересовал Казимиром Свояком незабываемый брестчанин Владимир Колесник в конце 1960-х. Благодаря ему в Вильнюсе я заказал в библиотеке поэтический сборник Свояка «Мая ліра» (1924), философский дневник «Дзезя маёй мыслі, сэрца і волі» (1932), пьесы «Янка Канцавы» и «Купалле». Прочитал и по-настоящему увлекся. Но тогда еще не осознал всей глубины и трагизма творчества Свояка. Воистину сказано: кто хочет познать поэта, должен побывать в его краях.

Однако в середине 1970-х, когда пришлось объездить почти весь Островецкий район, до Ключан и Бараней я все-таки не добрался. Отметил только, что в соседних Спондах и Жукойнях самый чистый в этих краях белорусский язык, почти никаких полонизмов

или русизмов. И подумал: а чем это объяснить? Лесной глушью? И только с годами осознал: наоборот, край этот благодаря Степовичам и их опекунам не позабытый, а — избранный, намоленный и интеллектуальный. Откуда же все это бралось?

Первое объяснение пришло, когда в начале 1980-х побывал в хате Казимира Свояка, которой тогда угрожало исчезновение, познакомился с племянницей поэта — скромной, обаятельной и гостеприимной Анелей Степович, с ее соседями, которые заходили, предлагая помощь: «А раптам што трэба?» И я почувствовал, что отличает жителей Бараней: у них повышенное чувство собственного достоинства и одновременно — спаянность, духовное своячество. Хозяйка говорила точно и образно:

— Трымаемся з суседзямі разам, вось як старадрэвіны ў гэтых сценах. Колькі гадоў нашай хаце? Ой, многа! Яшчэ дзед Мацей выбіраў лепшыя камлі. Такое права даў яму шайкунскі пан, Сволькенам ён зваўся. Ці не немец быў? Не, швед. Паміж сабой па-свойму гертаталі, а з людзьмі — па-нашаму, простаму. Добрыя паны былі: кемлівыя, гаспадарыстыя. Дзед Мацей ляснічым у іх служыў. Не, не лесніком, а якраз ляснічым, бо ў паноў былі тысячы гектараў лесу, вялізны абшар. І двор тыя, што гаспадарылі да іх, таксама з моцнай старадрэвіны склалі. Дзед Мацей у Шайкунах прыглядаўся, што і як рабіць. І таму добрую галаву займеў, усіх шасцярых сыноў вывучыў, у людзі вывеў, дачкам пасаг даў...

Но Шайкуны со Сволькенами и тогда еще не очень меня интересовали. Все поиски сосредоточились вокруг Казимира Свояка и его весьма талантливого и очень трудолюбивого брата Альбина. Еще раз перечитал их произведения и понял: они оба — натуры удивительно цельные, харизматические. Да, в поэзии Свояка отразилась внутренняя борьба, но не борьба между добром и злом, верой и неверием, а между добром активным и созерцательным. Поэта привлекала борьба революционная, но одновременно он опасался, что у нее будут жертвы.

Такие мысли впервые я высказал на вечере, посвященном столетию со дня рождения Казимира Свояка в деревне Спонды —

культурном центре клющанского края. И опять меня поразили сплоченность и внутреннее благородство простых сельчан. Высказываясь, они думали не о своем, а об общем. Как сделать так, чтобы дом Анели Степович не пошел в случае чего на дрова? Как отвадить «фулиганов» от издевательств над останками Сволькенов в шайкуновской часовне и отремонтировать саму часовню? Как найти могилу того клющанского ксендза-органиста, который чудесно играл и сам сочинял музыку? И почему бы не перезахоронить Казимира Свояка в Клющанах, как он сам того хотел?! Эти вопросы тогда казались мне неразрешимыми, но потом их решала сама жизнь. К примеру, прах Сволькенов перезахоронен в Клющанах, там же найдена и приведена в порядок могила композитора Яна Галича-Сулинского, а дом Степовичей стал общественным достоянием и на нем установлена мемориальная доска. Что же касается часовни в Шайкунах, надеюсь, ее приведут в порядок местные прихожане, потомки «Сваякоў».

Где разгадка?

Позже я стал тщательно собирать все материалы, связанные с клющанским краем, и пришел к выводу: поэтическая, литературная и, шире, интеллектуальная почва там необычно плодотворна. Сюда же стремились приехать деятели белорусской культуры. Что их так влекло? Почему Язеп Дроздович считал необходимым написать портрет Казимира Свояка? Почему Янка Купала, Павлина Медёлка и вся виленская театральная труппа легко поддались уговорам Константина и Альбина Степовичей, чтобы в середине жаркого лета 1914 года, перед самой войной, выехать с «Паўлінкай» в Клющаны и Барани? По существу, это были первые белорусские сельские театральные гастроли, почетные для всех сельчан. Как свидетельствует по записанным воспоминаниям местный учитель и краевед Иван Древницкий, они дружно встречали гостей на украшенных домашними «посцілкамі» бричках на ближайшем

железнодорожном полустанке Гелядня. Ключанская молодежь вышла навстречу с цветами. Спектакль ставили в просторном гумне Смоленских. Обедали сытно по соседству, в Казановщине, у Эмили Хадорской, чье кулинарное мастерство ценили и в Шайкунах. А после перебрались в Барани, где перед началом спектакля Альбин Степович рассказал о «Нашай ніве», которую тогда редактировал Янка Купала. Кончилась встреча общим ужином, на который каждый сельчанин нес из дому самое вкусное, и танцами под народные мелодии слаженного оркестра. Музыканты тут же сочиняли припевки про Купалу и Медёлку.

Меня в записях Ивана Дреwnицкого заинтересовала вот какая деталь. Оказывается, жители Бараней спели для гостей песню «Дробна драбніца», которая сейчас считается народной. Но слова и музыку сочинили здесь и адресовали хозяйке Шайкунов, которая не давала «бедной басоце» денег на выпивку (вспомним, что и Свояк свою первую книжку, «Алкаголь» (1913), направил против пьянства). Потом слова «пані скупая» дипломатично заменили на «дзядзька багаты». Песня понравилась гостям, и они переписали ее для себя. Но самое важное, как мне кажется, заключается в том, что крестьяне обращались песней к своим господам на белорусском языке! Почему? Да потому, что хозяева были шведами, пусть и слегка полонизированными. Будь на месте Сволькенов польские или русские землевладельцы, неминуемо активизировался бы процесс денационализации. Шведы же воспринимали местных крестьян такими, какими они были, поэтому усвоили (не пользоваться же переводчиками!) их говор. Он не раздражал их, не мешал им. Это была данность, и данность свыше.

Шайкуновские просветители

Сволькены оказались хорошими христианами. Их стараниями в Ключанах на месте старого костела возвели новый — легенда гласит: за одни сутки, чтобы не успели вмешаться царские власти.

Только им под силу было пригласить в Ключаны и Шайкуны такого одаренного человека, как Ян Галич-Сулинский (около 1830–1898), — ксендза, композитора, органиста и педагога в одном лице. Где он родился — неизвестно, но что вел пастырскую работу в Ключанах в 1875–1898 годах и похоронен там же — точно.

В толстом томе Романа Афтаназы, посвященном усадьбам бывшего Виленского воеводства, я отыскал Шайкуны и в который раз внимательно осмотрел снимки старинной усадьбы. Известный польский исследователь архитектуры свидетельствует, что одноэтажный лиственничный дворец в усадьбе с оригинальной балконной надстройкой был возведен в конце XVII века и уничтожен пожаром в 1929 году. Имению принадлежало около шести тысяч десятин земли — стройных сосновых лесов, живописных лугов и нескольких фольварков с мельницей. Виленскому судье Игнатию Сволькену, чьи предки переселились из Швеции в Литву, Шайкуны достались в 1840 году как приданое жены Михалины Кучевской. В 1879 году имение унаследовал Эдуард, а в 1905 году — Константин Сволькен. Жили они довольно уединенно, а за реформаторство и внимание к крестьянским нуждам, участие в деревенских празднествах заслужили у виленских консерваторов отрицательную кличку *chloroman* — «народолюбы». По сведениям Р. Афтаназы, Сволькены были очень образованны. В их библиотеке насчитывалось около трех тысяч книг, в том числе издания XVI и XVII столетий, множество рукописей на пергаменте. В салоне со стороны сада стоял рояль фирмы «Мюльбах», а стены украшали масляные портреты предков. Сволькены имели графский титул, многочисленную родню за границей, а в ней — несколько генералов. Нескованный человеческий дух творил на ключанской земле чудеса. Нечто похожее мы наблюдали только в конце XVIII века на землях просветителей Хрептовичей (Щорсы, Негневичи, Вишнево) и в начале XIX века у Монюшек на Игуменщине.

Пожалуй, было бы интересно посмотреть, исследовать историкам и социологам, как обстояли дела с гуманизмом и традициями

в разных именах в зависимости от происхождения их владельцев, особенно пришлых из Западной Европы. Геральдист Марина Елинская насчитала семь шведских родов, осевших в Беларуси. Сволькены стали среди них правилом или исключением? А Гуттен-Чапские, в семье которых, как писала Мария Чапская, скрестилась вся Европа? А потомки Пушкина под Бобруйском и род Домейко на Новогрудчине?

Исследования продолжаютя

В поиски неизвестных материалов о Казимире Свояке уже включились исследователи из Литвы и Польши. Их находки имеют принципиальное значение. Так, профессор Алесь Смалянчук обнаружил в Вильнюсе список членов «Хаўруса Сваякоў». В нем 36 фамилий. Этот список 8 мая 1922 года изъяла польская полиция «во время обыска у ксендза Константого Степовича». Тогда же нашли две тетради с уставом общества и протоколами заседаний, из чего следовало, что цель общества — «развитие белорусской культуры и занятие делами религиозными, научными и художественными». Ради этого создавались отделы, а в них секции науки, искусства, религии и экономики. Общество уже получило печать и готовилось к регистрации. Но власти прервали дальнейшее формирование «Сваякоў».

Профессор Елена Глоговская из Гданьска прислала неизвестные ранее фотографии. На них — совсем юный Константин Степович после освящения и его неизвестный доселе отец Матей, внешне поражающий своей серьезностью, собранностью, целеустремленностью. Так выглядят реформаторы.

Думаю, читатели могут упрекнуть меня в некотором игнорировании жизненного и творческого пути Казимира Свояка. Но этому уже посвящены многие работы других авторов. Прежде всего отсылаю к трудам Адама Станкевича и Владимира Колесника. В последние годы напечатаны книги и статьи Ирины Богданович и Николая

Микулича. Я же стремился показать окружение поэта, те традиции, белорусские и шведские, которые не только облегчили, но и ускорили его восхождение на Парнас и Голгофу.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2010. — 13 марта.

Шматгранны талент ссыльнага камісара Язэпа Дылы

Адразу патлумачу: гаворка тут — пра беларускага дзяржаўнага і культурнага дзеяча, рэвалюцыянера і пісьменніка. Пасля таго, як двойчы, у 1930–31 і 1938–39 гадах, Язэп Дыла мужна перанёс рэпрэсіі, жыў ён у Саратаве. Там, у горадзе над Волгай, і быў рэабілітаваны ў 1957 годзе. Але ў Беларусь не вярнуўся. І доўга заставаўся самым апошнім жывым з камісараў першага ўрада БССР, калі іншых ужо не было...

Не памятаю, каму з кіраўнікоў Саюза пісьменнікаў прыйшла ў галаву задума менавіта мяне паслаць ранняя вясной 1968 года ў камандзіроўку ў Саратаў. Каб напісаць артыкул пра Язэпа Дылу. Якраз ішла падрыхтоўка да 50-годдзя БССР, і тэкст пра члена першага беларускага савецкага ўрада, наркама працы ў ім, быў бы вельмі дарэчы, скажам, у «Полымі». Мяне папярэдзілі: сам Дыла піша ўжо з вялікай цяжкасцю і таму не можа прыслаць успаміны, але галава ў яго, на шчасце, яшчэ светлая.

Еду, праз Маскву, у Саратаў. Знаходжу сціплую кватэру, у якой разам з прыёмнай дачкой, падабранай у 1920-м на мінскім вакзале, жыў гэты легендарны чалавек. Мяне сустрэў прысадзісты мужчына ў акулерах і з бародкай. Прыезду земляка ўзрадаваўся, запрапанаваў жыць у яго, паколькі гасцініца далёка,

а часу ў нас мала. І распачаў каларытныя ўспаміны пра родны Слуцк, гады вучобы...

Я настройваўся пісаць нарыс. Але ў першы ж дзень зразумеў, што гісторыя мне не даруе, калі не запішу аўтарызаваныя ўспаміны Язэпа Дылы. Рабочы дзень у нас быў такі: ён паволі расказваў, а я імкнуўся як мага хутчэй, скарачана ўсё запісаць (дыктафона ж не было). Пасля абеду расшыфроўваў запісы, вечарам паволі зачытваў тэкст, а гаспадар уносіў карэктывы. Так за тыдзень мы прайшлі асноўныя вехі жыццёвага шляху наркама. Дзяцінства ў слуцкім рамесным асяроддзі. Знаёмства з беларускімі песнямі і легендамі. Вучоба ў Слуцкай гімназіі і выключэнне з яе за смелыя выказванні. Восенню 1899-га Дыла падаўся ў эстонскі горад Юр'еў (цяпер Тарту), дзе паступіў у Ветэрынарны інстытут, звязаўся там з беларускім зямляцтвам. За ўдзел у студэнцкіх сходках і дэманстрацыях тройчы арыштоўваўся і высылваўся пад нагляд паліцыі. Вярнуўшыся на радзіму, пачаў супрацоўнічаць, а потым і друкавацца ў мінскай газеце «Северо-Западный край». У 1905 годзе стаў на чале аграрнай групы Мінскага камітэта РСДРП, вёў агітацыю ў навакольных вёсках. Пасля былі Пецярбург, Казань, Масква, знаёмства з кнігавыдавецкай справай, супрацоўніцтва з Купрыным, Стасюлевічам, Калантай...

У 1918-м Язэп Дыла стаў членам Маскоўскай беларускай секцыі РКП(б). І ў канцы снежня, як знаёмы з прафсаюзнай справай, быў у Смаленску зацверджаны наркамам працы ў створаным там урадзе. У той час, як вядома, і Янка Купала жыве, працаваў у Смаленску, і Дыла разам з Жылуновічам, старшынёй урада, наведалі яго, парадавалі важнай дзяржаўнай падзеяй і нават паднялі разам тост за Савецкую Беларусь. Затым адбыўся гістарычны выезд урада ў Мінск. Язэп Дыла займаў і шэраг іншых адказных дзяржаўных, грамадскіх і навуковых (сакратар Інбелкульта) пасадак. Пра гэта гаворыцца ў яго аўтабіяграфіі «Шлях амаль у сотню год», якая ў маім запісе была апублікавана спачатку ў «Полымі», а потым у яго «Творах» (1981). Адзначу толькі тое, што мяне здзіўляла тады і ўражае сёння.

Найперш — гэта шматграннасць дзейнасці Язэпа Дылы, энцыклапедычнасць яго ведаў, атрыманых пераважна шляхам самаадукацыі. Ён упэўнена адчуваў сябе ў самых розных сферах. Скажам, даручылі яму такую справу, як вызначэнне адміністрацыйных цэнтраў маладой рэспублікі. І Дыла, ездзячы па Беларусі, кіруецца найперш эканамічнымі меркаваннямі, глядзіць: куды сяляне звычайна накіроўваюцца на кірмашы. Выбар прызналі ўдалым — ён у многім дзейнічае да сённяшняга дня... Зрабілі яго адказным за электрыфікацыю — і ён едзе ў Маскву, да самога Глеба Кржыжаноўскага, кампетэнтна раіцца з ім, дзе будаваць новую электрастанцыю, і вырашаюць: толькі на Бярэзінскіх запасах торфу... Паставілі яго на чале Першага Беларускага драматычнага тэатра — і ён знаходзіць грошы на пастаноўку п'есы Міхася Чарота «На Купалле». Больш таго: адчуўшы рэпертуарны голад, сам піша «гістарычную хроніку ў 5 дзях» «Панскі гайдук», наладжвае творчыя кантакты з кіеўскімі акцёрамі... І — ніводнага правалу. Наладзіць работу ў адной установе — яго пасылаюць у іншую.

У Язэпа Дылы быў адметны талент кіраўніка, які маштабна бачыць рэчаіснасць. Са шматлікіх прыкладаў прывяду такія. У красавіку 1919-га яго прызначаюць кіраўніком Цэнтрасаюза, які аб'ядноўваў усю спажывецкую кааперацыю маладой рэспублікі. Ёй нестала валюты на набыццё машын. Яе лёгка можна было атрымаць за сібірскую пушніну, ды паляўнічыя не хацелі расставацца з ёй узамен на абясцэненыя рублі. І Дыла заключае дамову з расійскай «Галоўфутрай», збірае па Беларусі муку і соль, порох і шрот, фрахтуе карабель на Абі — і толькі за адзін рэйс на ўсеагульнае здзіўленне абменьвае свой тавар ажно на 75 тысяч шкурак. Знясіленая вайной краіна атрымала валюту на самае неабходнае... Сёння з такой асобы, упэўнены, атрымаўся б дзелавіты рэфарматар!

Ці памятаем мы Язэпа Дылу сёння, ці ведаем? Званю дырэктару Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва Ганне Запартыка, пытаюся, ці карыстаецца попытам багаты архіў пісьменніка, набыты ў свой час у Саратаве. У прыватнасці, прыве-

зены адтуль гістарычны раман Язэпа Дылы «На шляху з варагаў у грэкі», з якога мне ў 1981 годзе ўдалося апублікаваць толькі ўрыўкі. І, аказваецца, цікавяцца навукоўцы архівам рэдка — іх палохае неразборлівы почырк. То можа, гаворым, расшыфроўка тэкстаў можа стаць добрай практыкай для студэнтаў, будучых юрыстаў-крыміналістаў?

Дырэктар Цэнтральнай бібліятэкі ў Слуцку Людміла Гурыновіч, якой я пазваніў наконт юбілейных мерапрыемстваў, расказала пра выставу ў бібліятэцы і спецыяльную радыёперадачу, прысвечаную юбіляру. Аднак, сыходзімся на думцы, для такой Асобы гэтага малавата. Можа, варта было б імем знакамітага земляка Язэпа Дылы назваць вуліцу ў Слуцку, устанавіць мемарыяльную дошку...

| *Голас Радзімы. — 2010. — 20 мая.*

Веніямін Фабрыкант, перш за ўсё паэт...

На будынку электраэнергетычнага факультэта Рыжскага тэхнічнага ўніверсітэта, што на бульвары Кронвалда, 1, вісіць мемарыяльная дошка з тэкстам на латышскай і рускай мовах: «У гэтым будынку з 1960 г. да 1981 г. працаваў вядомы вучоны-энергетык, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР, заслужаны дзеяч навукі і тэхнікі Латвійскай ССР, доктар тэхнічных навук, прафесар Фабрыкант Веніямін Львовіч». Госці з Беларусі, прадстаўнікі беларускай дыяспары ў Латвіі чытаюць гэты надпіс без асаблівых эмоцый. Бо ў ім жа не сказана, што сусветна вядомы навуковец мае дачыненне да Беларусі — ён нарадзіўся ў Оршы.

Спадчына Веніяміна Фабрыканта зрабіла б гонар кожнаму народу. У ім арганічна спалучаліся вучоны і паэт, матэматык і філосаф. Як гаварылася на «круглым stole», прысвечаным яго со-

тым угодкам і праведзеным у мінскім ДOME дружбы таварыствам «Радзіма», імя гэтае па праву належыць не толькі латышам, але і беларусам, рускім, яўрэям. Нашчадкі Фабрыканта Ілья і Міхаіл сёння займаюць віднае месца ў замежнай навуцы. А вучні яго (сярод іх многа дактароў і кандыдатаў тэхнічных навук) плённа працуюць літаральна па ўсім свеце.

Выступалі на «круглым stole» больш госці: паэт і выдавец кніг В. Фабрыканта Фелікс Кац (дарэчы, ураджэнец Бабруйска), акадэмік, старшыня камітэта Рыжскай Думы па адукацыі, справах моладзі і спорце Юрыс Закіс, публіцыст, правадзейны сябар Пятроўскай акадэміі навук і мастацтваў Карл Апрыеўскі (Санкт-Пецярбург) і іншыя. Яны паспрабавалі ўзнавіць асноўныя вехі жыццёвага і навуковага шляху нашага суайчынніка. Ён быў сынам настаўніка матэматыкі, які выкладаў спачатку ў Оршы, затым у Маскве — туды сям'я пераехала на пачатку 1920-х гадоў. Здольнасці бацькі перадаліся Веніяміну. Пасля дэмабілізацыі з войска ён вырашыў паступаць у Маскоўскі энергетычны інстытут, але набор на першы курс быў ужо закончаны, і юнак паступіў адразу на другі, даздаўшы за месяц неабходныя экзамены. А пасля заканчэння інстытута — работа ў Масэнерга, аспірантура, кандыдацкая, затым доктарская дысертацыі, выданне манаграфій. У 1960 годзе ў Рызе Фабрыкант паспяхова вытрымаў конкурс на пасаду прафесара прэстыжнага ва ўсім СССР інстытута. На рахунку вучонага 12 кніг і 23 вынаходніцтвы.

З такой жа сур'ёзнасцю В. Фабрыкант ставіўся і да паэзіі. Больш за 20 гадоў працаваў ён над паэмай «Федор Соев», якую называюць «роднай сястрой» «Яўгенія Анегіна»: тая ж вобразная сістэма, тая ж «анегінская страфа». Толькі рэчаіснасць у паэме іншая — савецкая, сібірская, заснаваная на асабістых уражаннях, атрыманых аўтарам у час стажыроўкі на Томскай электрастанцыі. Мусіць, з-за сваёй нязвычайнасці рукапіс твора праляжаў больш за 10 гадоў у рэдакцыі часопіса «Даугава» — і быў вернуты ўдаве аўтара, таксама пісьменніцы і вучонай Веры Блок. У 2000 годзе Фелікс Кац выдаў паэму асобнай кніжкай. Праз два гады пабачыла свет навуковая

і філасофская публіцыстыка В. Фабрыканта — у тоўстым томе пад назвай «Второе начало». А яшчэ праз год выйшаў зборнік вершаў «Шаги истории». Як бачым, іх аўтар меў падставы казаць: «Усе думаюць, што я вучоны, а я перш за ўсё – паэт».

Ад імя землякоў усебакова адоранай асобы выступіў на «круглым сталем» кіраўнік аршанскага грамадскага аб'яднання «Шалом» Ісаак Гурэвіч. Ён паведаміў, што ў 2000 годзе ўдава вучонага пабывала ў Оршы, наведала музей Уладзіміра Караткевіча і пакінула ў ім кніжку «Федор Соев» з аўтографам. Цяпер аршанцы шукаюць дом, дзе жыла сям'я Фабрыкантаў, каб устанавіць на ім мемурыяльную дошку.

| *Голас Радзімы. — 2008. — 3 крас.*

Эталон ветлівасці

Народны пісьменнік Беларусі Янка Брыль

Ён быў эталонам шляхетнасці, ветлівасці, аб'ектыўнасці, уважлівым да іншых, што і я адчуў на сабе, а паходзіў Янка Брыль не са шляхты, а з сям'і рабочага-чыгуначніка, які ў сувязі з падзеямі Першай сусветнай вайны мусіў падацца ў бежанства. Аднак хутка вярнуўся на радзіму, у вёску Загор'е цяперашняга Карэліцкага раёна.

У дзяцінстве будучы пісьменнік, не маючы магчымасці закончыць гімназію, шмат займаўся самаадукацыяй, захапляўся творчасцю Льва Талстога і Антона Чэхава, стварыў у роднай вёсцы драматычны гурток, урэшце, у 1938 годзе пачаў пісаць у віленскія беларускія газеты. У пачатку Другой сусветнай вайны абараняў ад фашыстаў Гдыню, трапіў у палон, уцёкшы з яго, пайшоў у пар-

тызаны. Вайна назаўсёды пакінула свой жудасны след, нездарама працаваў разам з Алесем Адамовічам і Уладзімірам Калеснікам над кнігай успамінаў ахвяр нацызму «Я з вогненнай вёскі...».

Прыгадаю, што Івана Антонавіча не стала год таму. А першая наша сустрэча адбылася дзесьці ў 1953 годзе — пасля таго, як яго аповесць пра калектывізацыю ў Заходняй Беларусі атрымала Дзяржаўную прэмію СССР. Мы, студэнты Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, сабраліся на чытацкую канферэнцыю па гэтай кнізе. Я ўжо не помню дакладна, што тады гаварыў, але, у адрозненне ад іншых, выказаў і некалькі дробных крытычных заўваг. Гэта спадабалася аўтару, які, спыніўшы мяне ў канцы сустрэчы, пацікавіўся, адкуль я родам і ці не «крэмзаю» чагосьці сам.

Памятаецца, потым нашы сустрэчы, ужо больш «раўнапраўныя» адбываліся на кватэры Караткевічаў. Застаўся запіс, датаваны 23 лістапада 1968 года, калі адзначаўся дзень нараджэння Валодзі. Апошні пахваліўся, што ў Віцебскім драматычным тэатры нарэшце бяруцца ставіць яго «Кастуся Каліноўскага». У адказ на гэта Брыль задумліва прыгадаў словы Хемінгуэя: «Пішы сумленна, а некалі цябе прызнаюць — хоць пасля смерці, што ўжо сумна». Пасля гэтай цытаты знайшоў я і ўласны «каментарый»: «Брыль разумее, што ўжо належыць гісторыі, і гэта разуменне бачна ў яго жэстах, постаці. Цікава, ці піша ён дзённікі. Мабыць, піша».

Другая сустрэча, якая адбылася на той жа кватэры роўна праз год, прайшла досыць канфліктна. Янка Брыль стаў папракаць мяне за тое, што я заклікаю ў друку перакласці на беларускую мову аповесць «Неўтаймаваныя сэрцы» польскай пісьменніцы Эміліі Кунавіч, якая да вайны настаўнічала на заходнебеларускай Вілейшчыне, у Ільі. Маўляў, Беларусь паказана там «вашываю і толькі»; лепш ужо перакладаць «Іскры Сібіры» Гушчы або творы Радзевіч, Гамуліцкага. Я слаба бараніўся: да вайны былі і «вашывыя» беларусы, што зробіш. А ў цэлым аповесць напісана сумленна, гэта прызнаюць і вучні Кунавіч.

Польская літаратура з'яўлялася ў нас частай тэмай падчас сустрэч, бо Янка Брыль быў дасведчаным яе прадстаўніком —

асабліва тых яе пісьменнікаў, якія нарадзіліся на беларускай зямлі. 21 жніўня 1976 года, ужо на кватэры Янкі Брыля, я пазнаёміўся з гданьскім прэзаікам Збігневам Жакевічам, улюбёным у Маладзечаншчыну, край свайго дзяцінства, якому прысвечаны некалькі яго кніг. Памятаецца, яны ездзілі з Семашкевічам у Беніцу да хворага настаўніка будучага польскага прэзаіка Юльяна Сергіевіча. Жакевіч нават намагаўся за сталом гаварыць па-беларуску. Другі раз, у маі 1978 года, нашым супольным госцем быў лодзінскі пісьменнік, перакладчык беларускай паэзіі Мацей Юзаф Канановіч. Памятаецца, у рэстаране «Юбілейны» па яго гучнай прапанове мы стоячы выпілі за памяць Тадэвуша Касцюшкі, і польскі госць быў крыху, але прыемна здзіўлены, калі яго заклік дружна падтрымалі за суседнімі сталамі і некалькі савецкіх афіцэраў. («А как же, ведь под Ленино вступила в бой Первая польская дивизия его имени»).

Застаўся ў памяці вечар у Данілы Канстанцінавіча, сына Якуба Коласа, прысвечаны 93-й гадавіне з дня нараджэння Песняра. За-столле было і сямейным, і дзелявым. Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі там упершыню падзяліўся радасцю, што нарэшце пад Мікалаеўшчынай яму ўдалося знайсці рэчышча пра-Нёмана і што пра гэта ён піша кнігу. Па камандзе гаспадара за кожнае сужонства гаварыў тост нехта з прысутных. Пасля Коласа, Міцкевічаў, Гарэцкіх, Брылёў, Караткевічаў дайшла чарга і да нас з Марыяй. Янка Брыль, гаворачы тост, успомніў тое, пра што і я сам забыўся: у верасні 1939 года, калі рабавалі панскія маёнткі, мой бацька замест іншага добра прывёз з паўвоза кніг...

Былі і іншыя, «грамадскія» сустрэчы — на пісьменніцкіх пленумах і вечарах, чытацкіх канферэнцыях. 26 студзеня 1980 года такая канферэнцыя прайшла ў акадэмічнай бібліятэцы. Была яна незвычайнай, бо складалася з адказаў на загадзя сабраныя пытанні. Памятаецца, пра Караткевіча ён сказаў, што вельмі высока яго цэніць, што ён самы чытабельны («Яго бяруць з сабой нават у Туніс, а пачытаць просяць ледзь не кожны дзень»). У 90-я гады Янка Брыль быў частым госцем кангрэсаў і канферэн-

цый беларусістаў, Цэнтра імя Скарыны. Перадаў у падарунак Цэнтру частку сваёй багатай бібліятэкі.

Наша апошняя, ужо тэлефонная размова адбылася літаральна за месяц да смерці Янкі Брыля. Тады ён прыслаў мне сваю новую кнігу, як заўсёды спрыяльна падпісаную і акуратна запакаваную. Мне заставалася падзякаваць. І голас Янкі Брыля, як мне здалося, гучаў яшчэ бадзёра.

| *Голас Радзімы. — 2007. — 30 жн.*

Разуменне прыгожага, памножанае на працавітасць Уладзіміра Конана

існуе распаўсюджанае меркаванне, што прысуд мастацкаму твору выносяць крытыкі. Маўляў, яны рашаюць, ёсць твор ці яго няма. Але мы часта бачым, што заключэнні крытыкаў бываюць і недасведчанымі, і кан'юктурнымі. Таму літаратуразнаўцы і мастацтвазнаўцы лічаць, што апошні вердыкт за імі, бо яны мысляць, карыстаючыся гістарычнымі і параўнальнымі катэгорыямі. Але як жа часта ім нестае маральна-эстэтычнага абгрунтавання. Як мне здаецца, толькі людзі, якія бачаць і разумеюць чалавечнае і прыгожае, у стане вырашаць, ці той або іншы твор, з'ява, а, значыць, і іх аўтары будуць перададзены наступным пакаленням.

Такі вывад лёгка можна зрабіць на прыкладзе жыцця і спадчыны Уладзіміра Конана, саракавіны з дня смерці якога наступілі ў пачатку ліпеня 2011 г. Гэта ён як тэарэтык і гісторык беларускай эстэтычнай думкі дазволіў нам, у тым ліку і мне асабіста, глыбей асэнсаваць значэнне дзейнасці і творчасці Францыска Скарыны і Сімяона Полацкага, Максіма Багдановіча і Янкі Купалы, братоў Ан-

тона і Івана Луцкевічаў і Адама Станкевіча, такіх, здавалася б, розных помнікаў пісьменства, як «Слова аб палку Ігаравым» і Статут Вялікага Княства Літоўскага. Ад канкрэтных фактаў (творчасць Мацея Сарбеўскага, Адама Бабарэкі) ён узнімаўся да тэарэтычных абагульненняў у ацэнцы філасофска-эстэтычных здабыткаў цэлых эпох (манаграфіі «Ад Рэнэсансу да класіцызму», «Праблемы мастацтва і эстэтыкі ў грамадскай думцы Беларусі пачатку ХХ ст.», «Эстэтычная думка Савецкай Беларусі» і многія іншыя) і зноў «апускаўся» да асобных з’яў і творцаў, толькі аналізаваў іх ужо значна глыбей, чым раней. Гэтыя працы былі ўганараваны Дзяржаўнай прэміяй Беларусі, многімі навуковымі званнямі.

Сёння, у гэтых жалобных радках, мне хацелася б падкрэсліць дзве рысы ў навуковай і публіцыстычнай спадчыне Уладзіміра Конана — яе комплекснасць і «геаграфічную» шырыню. Яго называлі ў друку то філосафам, то літаратуразнаўцам, то фалькларыстам, то гісторыкам рэлігіі — і ўсё было праўдай. Яго працы друкаваліся ў Маскве і Вільнюсе, Кіеве і Бухарэсце, Беластоку і Ташкенце. І якія працы! Скажам, гэта былі раздзелы ў шматтомнай маскоўскай «Гісторыі эстэтыкі».

І яшчэ адна рыса кінулася мне ў вочы на працягу амаль трыццацігадовага супрацоўніцтва з незабыўным Конанам у АН БССР (мы працавалі ва ўзаемазвязаных інстытутах) і Нацыянальным навукова-асветным цэнтры імя Францыска Скарыны (а тут калектыў быў ужо адзін) — яго канструктыўнасць. Удзельнічаючы ў пасяджэннях, дзе разглядаліся вострыя пытанні, ён не далучаўся ні да «левых», ні да «правых», а імкнуўся, зыходзячы з аб’ектыўных гуманітарных каштоўнасцей, знайсці аб’яднальнае рашэнне. І час паказваў, што ён звычайна меў рацыю.

| *Голас Радзімы. — 2011. — 30 чэрв.*

Запаветы Уладзіміра Караткевіча наступным пакаленням

Стаў ужо агульнавядомым і нават нібы банальным, але, тым не менш, застаўся актуальным падзел пісьменнікаў на тых, хто крочыць у нагу са сваім часам, хто адстае ад яго, паўтараючы іншых, і тых, хто апярэджае сваю эпоху, прароча асвятляе яе сваімі ідэаламі і тым самым набліжае будучыню. Уладзімір Караткевіч, безумоўна, належаў да трэціх. І, прыглядаючыся да сучаснасці, робячы мастацкі аналіз гістарычнага шляху свайго народа, пісьменнік браў адтуль, падсумоўваў, абагульняў усё найлепшае, вартае быцця і памнажэння ў наступных пакаленнях.

Уладзімір Караткевіч эмацыйна падрыхтоўваў тое пакаленне, якому выпала доля прыняць на плечы незалежнасць сваёй дзяржавы ў 90-я гг. мінулага стагоддзя. Ноша гэтая была не з лёгкіх, калі прыгадаць, што фарміраванне нашай нацыянальнай самасвядомасці было запаволена стагоддзямі прымусовай і добраахвотнай паланізацыі і русіфікацыі, якія часам (успомнім першую палову XIX ст., 20–30-я гг. XX ст.) узаемна наслойваліся і перапляталіся, калі прыгадаць, што ў часы У. Караткевіча тэрміны «суверэнітэт», «дзяржаўная незалежнасць» былі выкраслены з афіцыйнага ўжытку і ў найлепшым выпадку лічыліся крамольнымі мроямі. Сёння ж гэтыя тэрміны не толькі ўвайшлі ў нашу свядомасць, але і ўспрымаюцца як нешта натуральнае, гістарычна абумоўленае і прадвызначанае.

У творчасці Уладзіміра Караткевіча ёсць тое, што ў большай ці меншай ступені, прама або ўскосна, уваходзіць у нашу сённяшнюю ідэалогію — нацыянальную і дзяржаўную як эмацыйнае, вобразнае выяўленне і ўвасабленне гэтай ідэалогіі.

Якімі ж ідэаламі натхняўся сам пісьменнік і натхняў іншых? Што заставалася ў свядомасці чытачоў яго твораў, слухачоў яго публічных выступленняў і прыватных гутарак? У канцэнтравана-

ным, крышталізаваным выглядзе ў У. Караткевіча нічога такога не знойдзеш. Яно вынікае з усёй сістэмы мастацкіх вобразаў, учынкаў і разваг яго герояў. Гэта трэба выяўляць па драбніцы, сублімаваць. І зрабіць сэння такое выяўленне і абагульненне куды лягчэй, чым яшчэ некалькі месяцаў таму. Справа ў тым, што чытач нядаўна атрымаў (у серыі «Жыццё знакамітых людзей Беларусі») тоўсты том пад назвай «Уладзімір Караткевіч. Быў. Есць. Буду! : Успаміны, інтэрв'ю, эсэ» (Мінск, 2005; пры цытаванні старонкі далей пазначаюцца ў тэксе ў дужках). У ім рупліва сабраныя Галінай Шаблоўскай выказванні блізкіх, сяброў, знаёмых пісьменніка, беларускіх і замежных літаратараў, мастакоў, артыстаў, дзеячаў культуры. І кожны з іх згадвае, чым жа ён узбагаціўся ў чытацкім або размоўным кантактаванні з У. Караткевічам.

Калі не спыняцца на пабочных, дадатковых момантах у шматграннай спадчыне Уладзіміра Караткевіча можна выявіць пяць узаемна звязаных пастулатаў, якія разам утвараюць выпеставаны ў думках ідэал пісьменніка, вельмі індывідуальную сістэму яго поглядаў на грамадства і чалавека.

Першы пастулат

У беларусаў ёсць свая, Богам дадзеная зямля. Яна прывабная, прыгожая («прыўкрасная»). Другой, іншай зямлі ў іх няма і не будзе. Таму яе трэба берагчы, песціць. Не калечыць чарнобылямі, бяздумнымі асушэннямі, ранами-кар'ерамі, не шкодзіць ёй рознай хімічнай атрутай, а раз і назаўсёды ўсвядоміць яе непаўторнасць, рабіць квітнеючай.

Важна падкрэсліць, што Беларусь ва Уладзіміра Караткевіча гэта яшчэ не дзяржава (пра яе можна было тады ціха мроіць), не краіна, а толькі «зямля» («Зямля пад белымі крыламі»), «край» («Беларуская песня»). Праўда, ужо не нейкая «тутэйшая» мясціна, не «малая радзіма» ці яе асобная частка. Не адно Падняпроўе (хоць У. Караткевіч яго асабліва мілаваў), не Падзвінне, Наднёманне ці Палессе, а ўсё гэта разам узятае. Агульнанацыянальнае, адно цэ-

лае, калі глядзець на яго зверху, з нябёсаў. Цэлы край, які вось-вось набрыняе, нібы дрэва вясной, унутранымі сокамі, ператворыцца ў паўнацэнную краіну, дзяржаву.

Аб «прыўкраснасці» роднай зямлі вельмі вобразна сказана ў рамане «Хрыстос прыязміўся ў Гародні». Яе будучыня асацыюецца ў Юрася Братчыка з раем. Узнёсшыся на неба, да Саваофа, ён убачыў там зможнае, ідэальнае жыццё: *«кожная вёска была, як пахучы букет»*, а ўся дагледжаная зямля аж *«дымела ад сытасці і задавалення, на вачах гонячы ўгору злакі і дрэвы»*, распасціралася *«ў нятленным ззянні вечнай красы»*. Сімвалічным, звернутым у будучыню ўспрымаецца завяршэнне рамана, калі Братчык-Хрыстос разам з сейбітамі падняўся «на вяршыню круглага пагорка, як на вяршыню зямнога шара». Яны ўпэўнена ішлі насустрач сонцу, а «гатовае да новага жыцця, падала зерне ў цёплую, мяккую зямлю». Не раллю, а менавіта зямлю.

Безумоўна, Уладзімір Караткевіч, апісваючы «родную старонку» і яе насельнікаў, прыхарошваў іх, часта выдаючы жаданае за сапраўднае (бо інакш які ж ідэал). Алена Васілевіч, якая рэдагавала беларускі аўтапераклад «Зямлі пад белымі крыламі», згадвае сваё першае ўражанне ад тэксту наступнымі словамі: аўтар «маляваў побыт беларусаў такімі нясцерпна буйнымі фарбамі, што, збоку зірнуўшы на такое піраванне жыцця... кожны сказаў бы: “А, чорт іх не браў, гэтых беларусаў: як цары жылі, елі сала з салам і спалі на саломе...”» (149). Паэтызацыя краявідаў у творчасці У. Караткевіча ўразіла Пятра Драчова, які імкнуўся ў малюнках да яго твораў перадаць, услед за пісьменнікам, «прыгажосць роднай зямлі». Паводле слоў мастака, «Караткевіч пастаянна ў сваёй творчасці паказвае нам, што гэта наша зямля, яна не горшая за іншыя і не лепшая, але яна родная. Яе трэба любіць і шанаваць. І таму мне хацелася, каб у гледача ўзнікала адчуванне светласці і адначасна ўнутранай пагрозы. Каб зразумець глыбокую душу самога Караткевіча» (441).

Сапраўды, Уладзімір Караткевіч першым у беларускай літаратуры прадбачыў тую пагрозу, якую нясе нашай зямлі тэхнічны прагрэс, сэрцам прадчуваў Чарнобыльскую катастрофу. Задоўга да

яе, пішучы ў сярэдзіне 1960-х гг. аповесць «Чазенія», вуснамі маладога, сімпатычнага і таленавітага героя, вучонага-атамніка Севярына Будрыса, які атрымаў вялікую дозу апраменьвання і тым не менш не згубіў аптымізму, папярэджвае Гражыну Арсайлу, а разам з ёй і чытача, і чалавецтва: «*Нельга бясконца стрымліваць самае святое — урэшце адбудзеца выбух*». І тут не ўтапічная схема, не «ігнараванне навукова-тэхнічнага прагрэсу і ядзернай фізікі», як сцвярджаў у рэцэнзій на гэтую аповесць крытык Якаў Герцовіч, а, як адказваў яму аўтар «Чазеніі», рэальны прывід «атамнага выбуху». Падзеі 26 красавіка 1986 г. пераканальна даказалі, хто меў рацыю: пісьменнік ці яго крытык з вачыма, зашоранымі вульгарным сацыялагізмам.

Або прыгадаем як прароча пісаў У. Караткевіч у вершы «Дзяўчына пад дажджом», датаваным яшчэ 1960 г.:

*Дожджык зрабіў сваё цуда,
Ён абляніў, як мог,
Плечы, маленькія грудзі,
Гнуткія лініі ног.
Бэзам з садоў павявала,
Вечна хацелася жыць.
Дзяўчына ад шчасця спявала.
.....
Стронцый быў у дажджы.*

І праз чвэрць стагоддзя радыеактыўны дождж над беларускай зямлёй праліўся.

Уладзімір Караткевіч глядзеў на зямлю як на арганічнае цэлае з яе насельнікамі, з чалавекам. Таму папярэджаў: нельга бяздумна ставіцца да прыроды, па-варварску калечыць яе і нявечыць. Асабліва гнеўна выступаў пісьменнік супраць інтэнсіўнай меліярацыі, якая пераўтварала Палессе ў пячаную пустыню (эсэ «Званы ў прадоннях азёр», нарысы пра Тураў). Надзея Кучкоўская, пляменніца пісьменніка, якая ездзіла разам з ім і яго жонкай Валянцінай Браніславаўнай у навуковыя экспедыцыі па Брэсцкай

вобласці, згадвае: «Ездзіў з намі і Дзядзечка. Як заўсёды, ён быў у цэнтры ўвагі. З ім раіліся. Ён расказваў пра дарогі-брукаванкі, старасвецкія паркі, Палессе, асушванне балот і яго вынік — пясчаныя буры. Адна з супрацоўніц перапытала Караткевіча: “Вы што, супраць савецкай улады?” “Я супраць дурняў у любой уладзе”, катэгарычна адрэагаваў Дзядзька» (100).

І «дурні» помсцілі аўтару «Званоў у прадоннях азёр», як маглі: пасквілем у газеце «Літаратура і мастацтва», выкрэсліваннем кнігі з выдавецкіх планаў.

Але пісьменнік рашуча і паслядоўна адстойваў зялёныя лёгкія Еўропы, адстойваў дзеля будучыні, нашчадкаў.

Другі наступат

Ён лагічна вынікае з першага: калі ты жывеш на такой «прыўкраснай» зямлі, то павінен быць яе дбайным гаспадаром. Ты не маеш права працаваць дрэнна, быць несумленным ці подленькім чалавечкам. Станоўчыя героі У. Караткевіча людзі высокамаральныя (хоць часам і празмерна ідэалізаваныя). А дабро гэтых герояў раней або пазней, няхай нават праз пакаленні, перамагае ліха.

Сам Уладзімір Караткевіч пра стаўленне да працы, пра ўнутраную патрэбу сумлення выконваць свае абавязкі, абавязкі Насельніка самім Богам дадзенай зямлі, спецыяльна не выказваўся. Гэта для яго было нібы аксіяматычным, само сабой зразумелым. Але такое стаўленне вынікала з яго адносінаў да людзей, якія нешта зрабілі і робяць. Не марнатравяць час, не птушачкі ў справаздачах ставяць, а робяць карыснае для сябе і іншых. Ён паважліва (сам назіраў не раз), зацікаўлена гутарыў з пастухамі і леснікамі, мастакамі і будаўнікамі — усімі тымі, хто пакідаў стваральны след на «прыўкраснай» зямлі.

Зрэшты, і сам пісьменнік паказваў прыклады апантанай працавітасці. Калі яго нішто не прыгнятала, не выводзіла з сябе. ён сядзеў за работу, як за святочны стол: апранаў белую кашулю, клаў на стол добрую паперу, браў у рукі паркераўскую ручку. Прасіў

не падымаць тэлефонную трубку, каб ніхто, нават высокае начальства, не адцягваў увагі ад «свяшчэннага дзеяння». Вядома, былі «пустыя», «непатрэбныя» дні і тыдні. Але яны лягчэй або цяжэй змяняліся, замяняліся месяцамі напружанай працы. Бо інакш не было б напісана столькі, што, сабранае разам, складзе (з лістамі) не менш як 25 тамоў.

Трэці пастулат

Герой Уладзіміра Караткевіча (яго alter ego) высокамаральныя ў хрысціянскім сэнсе гэтага слова. Калі Стваральнік Сусвету добры, калі ён стварыў і такую «прыўкрасную» зямлю і чалавека, дасканалага, як Алесь Загорскі ці Гервасій Выліваха, то трэба паступаць у адпаведнасці з устаноўленымі Ім канонамі, заповедзямі, адказваць Яму любоўю на любоў. Станоўчы герой У. Караткевіча верны хрысціянскаму ідэалу, хоць і талерантны да рэлігійных перакананняў іншаверцаў. Для пісьменніка Беларусь была (гэта вынікае з яго твораў, гэта помніцца з асабістых размоў) зямлёй поліканфесійнай. Рэлігійная разнастайнасць, спалучэнне ўсходніх і заходніх уплываў (у праваслаўі, каталіцызме, уніяцтве, пратэстантызме) робяць яе шматфарбнай, быццам летняя сенажаць, непаўторнай. Зрэшты, У. Караткевіч разумеў, што поліканфесійнасць мела ў беларускай гісторыі і культуры як плюсы, так і мінусы.

Апаненты могуць запырэчыць: а раман «Хрыстос прызямліўся ў Гародні»? Хіба не з'яўляецца ён «богаборніцкім»? Хіба не развенчваецца ў ім ілжэ-Хрыстос? Хіба не з сарказмам апісвае аўтар разбэшчанасць касцёльных служак?

Такія самыя пытанні пры мне задаваў пісьменніку (можа, толькі ў больш далікатнай форме) архіепіскап Мінскі і Беларускі Антоній, які да ўладыкі Філарэта ўзначальваў Праваслаўную царкву ў Беларусі, а потым быў пераведзены ў Ленінград. Хоць і нараджэнец Масквы, але цікавіўся беларускай літаратурай, прачытаў, як высветлілася пазней, «Хрыста...» у арыгінале. І вось неяк пазваніў ён мне дадому і сказаў:

— Адам Восіпавіч, я чуў («наслышан»), што ў кола вашых сяброў уваходзіць Уладзімір Сямёнавіч Караткевіч. Сёння я арганізую ў сябе выстаўку старадаўняй беларускай вышыўкі і ткацтва. То ці не былі б вы так ласкавыя перадаць маё запрашэнне Уладзіміру Сямёнавічу і ўдвух прыйсці на гэтую выстаўку заўтра, скажам, а гадзіне сёмай вечара?! Жывём жа мы побач, праз некалькі дамоў.

Я тут жа накіраваўся да У. Караткевіча, тады таксама суседа, і спытаў:

— Ну што, пойдзем?

— Ой, не ведаю, стары. Не ў выстаўцы тут уся штука... Прыйдзем мы на падвор’е, а тут выбегуць царкоўныя служкі, пакладуць мяне гэтак мякка на траву і стануць лупцаваць розгамі, прыгаворваючы: «Не пішы блюзнерчых раманаў, не пішы...»

— Ну глядзі сам. То што мне адказаць?

— Не, усё-такі пойдзем. Што ж мне скажуць наконт майго «Хрыста...»? Цікава.

І вось, уважліва агледзеўшы сапраўды вельмі багатую выстаўку, а ў хатняй капліцы старыя абразы (Караткевіч і тут выяўляў дзівосную дасведчанасць), пагартаўшы некалькі рэдкіх кніг, мы апынуліся за гасцінным сталом, і архіепіскап Антоній задаў тое пытанне, дзеля якога, уласна кажучы, і задумвалася сустрэча:

— Уладзімір Сямёнавіч, нядаўна я быў на пасяджэнні Сусветнага савета хрысціянскіх цэркваў у Галандыі, і вось неяк швейцарскі архіепіскап пытае: «А ці ёсць у Беларусі гістарычныя раманы?» — «Так, адказваю, напрыклад, “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні” Уладзіміра Караткевіча» — «Але ж Караткевіч піша блюзнерчыя раманы, ужо з самой назвы відаць» — «Не, запярэчыў я, Караткевіча турбуюць не столькі пытанні рэлігіі і атэізму, колькі пытанні чалавечай асобы, яе адказнасці перад гісторыяй...» Скажыце, калі ласка, Уладзімір Сямёнавіч, ці правільна я запярэчыў яму?

— Безумоўна! Я не быў бы мастаком, калі б пісаў агіткі. Мяне куды больш хвалюе, што такое чалавек і чаму ён можа мець уладу над іншым чалавекам, чым розныя канфесіянальныя спрэчкі. З-за іх у майго народа было столькі войнаў, столькі трагедый...

Потым, наколькі я ведаю, архіепіскап Антоній і Уладзімір Караткевіч неаднаразова сустрэкаліся, у згодзе вырашалі агульныя і прыватныя пытанні. І не было паміж імі ніякага супрацьстаяння. Караткевіч ніколі не аддзяляў сябе ад Праваслаўнай царквы. Як і ад каталіцкага, пратэстанцкага духавенства, уніятаў. Найперш пісьменніку ў іх бачылася тое, што яднае: хрысціянская, біблейная і евангельская, традыцыя.

Памятаецца, вярнуўшыся з Пінска, У. Караткевіч расказваў мне, як ён там пазнаёміўся ў касцёле з біскупам Казімірам Свёнткам, затым узнесеным да кардынала, які па-гаспадарску аглядаў і падлічваў скульптуры анёлаў. Потым гэты заслужаны дзеяч быў з сімпатыяй апісаны ў эсе «Званы ў прадоннях азёр».

Уладзімір Караткевіч бачыў і разумеў усю складанасць і супярэчлівасць уніяцтва: спачатку яно было накінута, навязана зверху, а потым, калі не здзейсніла спадзяванняў, ускладзеных на яго, стала «мужыцкай» верай, выразніцай не магнацкіх, а сялянскіх інтарэсаў. Увесь драматызм становішча пашыральнікаў ідэй Брэсцкай уніі дакладна паказаны на прыкладзе Іасафата Кунцэвіча ў драме «Званы Віцебска».

Чацвёрты наступат

Паводле Уладзіміра Караткевіча, Усявышні, які знаходзіцца на нашай зямлі (верш «На Беларусі Бог жыве»), даў яго насельнікам не толькі гэтую зямлю, але і чыстую душу, родную мову (верш «Мова»), таму свяшчэнную і таксама «прыўкрасную». Яе трэба ведаць і шанаваць, бо інакш чалавек загіне. Але беларус павінен таксама валодаць іншымі мовамі, асабліва роднаснымі, суседнімі. Ідэалам У. Караткевіча было не столькі дзвюхмоўе, колькі шматмоўе, полілінгвізм.

У адрозненне ад Францішка Багушэвіча Уладзіміру Караткевічу ўжо не трэба было даказваць чытачу, разлічваючы на пэўную яго паблажлівасць, што беларуская мова такая самая добрая, як і кожная іншая, за яго гэта ўжо сваёй творчасцю зрабілі Максім Багдановіч

і Якуб Колас, Янка Купала і Кузьма Чорны на першапачатковым, пераважна яшчэ сялянскім, яшчэ цесна і прама звязаным з фальклорам этапе станаўлення найноўшай беларускай літаратуры. Цяпер, на новай, інтэлігенцкай, інтэлектуальнай стадыі яе развіцця, трэба было паказаць, наколькі добра гэтая літаратура, абапіраючыся ўжо на развітую мову, засвоіла славянскі і еўрапейскі вопыт, наколькі арганічна ўвайшла ў літаратуру сусветную, паспяхова вырашае глабальныя праблемы. Тут У. Караткевіч рыхтаваў (і рыхтуе сваёй спадчынай) ужо «віртуальны» этап літаратурнага шляху. Нездарма першым пісьменніцкім сайтам у Беларусі стаў сайт «Быў. Ёсць. Буду».

Уладзімір Караткевіч сам мог з’яўляецца красамоўным прыкладам шматмоўя. Ён аднолькава свабодна, як і роднай беларускай, валодаў рускай мовай, вучыўся на рускім аддзяленні філалагічнага факультэта Кіеўскага ўніверсітэта, пісаў на рускай мове творы ў школьныя і студэнцкія гады, у час навучання на Вышэйшых літаратурных і Вышэйшых сцэнарных курсах не адрозніваўся па мове ад масквічоў, адэкватна перакладаў на яе свае вершы. Адначасова ён добра валодаў мовай украінскай. Чытаў, разумее, спрабаваў размаўляць па-польску, па-славацку, па-чэшску і нават па-літоўску. Ад маці ён пераняў павагу і пэўнае веданне французскай мовы, на ёй часам гавораць персанажы рамана «Каласы пад сярпом тваім».

У моўных зносінах У. Караткевіч, вядома, найперш быў патрыётам беларушчыны, вучыў гэтаму патрыятызму іншых. Хораша пра гэта згадвае вядомы мастак Арлен Кашкурэвіч: «А як прыгожа гучала (у вуснах пісьменніка. — А. М.) беларуская мова, на якую мы па маладосці гадоў не звярталі ніякай увагі. Я пасля Валодзю гаварыў, што дзякуючы яму прачнулася мая нацыянальная самасвядомасць, цікавасць да сваіх каранёў, і я як мастак пачаў працаваць над беларускай тэмай» (462). Пад уплывам У. Караткевіча пераходзілі на беларускую мову нават людзі іншых нацыянальнасцей. Мастак Фелікс Янушкевіч апісвае такі выпадак: «Раман “Каласы пад сярпом тваім” пасля выхаду чытаўся навывперадкі. Юрка Паршнёў, хлопец з Зэльвы (родам расіец) канстатаваў: “Гэта шэдэўр”, і разам з усімі (вучнямі Рэспубліканскай школы-інтэрната па музыцы і выяўленчым ма-

стацтве. — А. М.) пачаў запаўняць дзённік і адказваць на занятках толькі па-беларуску» (504).

Але патрыятызм пісьменніка не пераходзіў у нацыяналізм (у найгоршым сэнсе гэтага слова) і тым больш не апускаўся да шавінізму. З іншымі людзьмі Уладзімір Караткевіч імкнуўся гаварыць на той мове, якой яны лепш валодалі. Перапыняў суразмоўцаў, калі яны ў жаданні зрабіць яму прыемнасць пачыналі карыстацца хоць якой («трасяначнай») беларушчынай. Калі хтосьці паспеў прызабыць родную мову, як блізкі сваяк Васіль Сінькевіч, аўтар «Каласоў...» не настойваў, каб вярнуць яго, як той казаў, да роднай «веры» (102).

Раней погляды і штодзённую практыку Уладзіміра Караткевіча на ўжыванне моваў мы назвалі б, відаць, інтэрнацыяналістычнымі. Сёння ж найперш бачым іх гуманнасць, успрымаем як доказ павагі да іншых народаў. Ніколі ў пісьменніка не было руса-, палана ці якой іншай фобіі. Гэта высока цанілі яго сябры ўкраінец Раман Іванчук і паляк Фларыян Няўважны, славачка Гелена Брындзава і латыш Віктар Ліўземніек. Часта нашы суседзі ацэньвалі яго творчасць вышэй, чым на радзіме: выканаўца ролі Іасафата Кунцэвіча ў п'есе «Званы Віцебска» Уладзімір Куляшоў згадвае, што ў Маскве гэты спектакль сустракалі куды цяплей, чым на радзіме аўтара, а оперу «Дзікае паляванне караля Стаха», паводле слоў спевака Віктара Скарабататава там жа папрасілі паўтарыць на наступны дзень «выпадак унікальны для практыкі Вялікага тэатра» (492).

Асаблівай папулярнасцю і на Беларусі, і за яе межамі карысталіся творы Уладзіміра Караткевіча, прысвечаныя мінуўшчыне.

Пяты і, відаць, галоўны пастулат

Герой Уладзіміра Караткевіча, найперш станоўчы, гэта чалавек гістарычны. Для яго існуе не толькі сучаснасць, але і мінуўшчына, і будучыня. Беларуская нацыя была для У. Караткевіча нармальнай нацыяй, а беларуская гісторыя — нармальнай, паўнацэннай гісторыяй. Толькі для многіх яшчэ невядомай, таму што часта прысвойвалася і прысвойваецца суседзямі (вынік колішняй дзяржаўнай залежнасці, традыцыйнай талерантнасці). Гэта

творчасць дазваляла і дазваляе цяпер яго чытачам пазбаўляцца ад галоўнай іх немачы, галоўнай хранічнай хваробы комплексу нацыянальнай непаўнаценнасці.

Уладзімір Караткевіч дасканала, да драбніц ведаў гісторыю і ахвотна, «з адкрытай радасцю» (Валянцін Ждановіч) дзяліўся сваімі ведамі з іншымі. Пад яго ўздзеяннем на патрыятызм, любоў і павагу да мінулага свайго народа «захварэлі» многія: пісьменнік Анатоль Бутэвіч і кампазітар Алег Залётнеў, мастакі Уладзімір Басалыга, Пятро Драчоў і Рыгор Сітніца, артыстка Марыя Захарэвіч і работнік кіно Юрый Цвяткоў. Апошні, па паходжанні рускі, пісаў: «Усё, што ён расказваў тады нашай групе (аўтарскаму калектыву дакументальнага фільма “Памяць каменя”. — А. М.), а праз нас — глядачу, было ўзнаўленнем гісторыі, нашай гісторыі дзівоснай і незвычайна цікавай. Калі б не гэты рамантычна-паэтычны дух Уладзіміра Сямёнавіча, калі б не гэта моцнае жаданне расказаць пра сваю беларускую зямлю, пра яе непаўторныя легенды і традыцыі, калі б не яго ўменне заразіць сваімі ідэямі кожнага, магчыма, я ніколі б не пайшоў у рэжысуру. Але так захацелася данесці да глядача яго, Валодзева, думкі, яго любоў да сваёй зямлі» (499).

У параўнанні з іншымі народамі і краінамі беларускае адраджэнне, а яно заўсёды грунтуецца на адраджэнні гістарычных традыцый, пачалося запознена, перапынялася неспрыяльнымі абставінамі. Таму на долю Уладзіміра Караткевіча выпала тая місія, якую Генрык Сянкевіч, Вальтэр Скот ці Алойз Ірасек выканалі для польскай, англійскай і чэшскай літаратуры яшчэ ў XIX ст. Адказнасць гэтай місіі пісьменнік добра разумеў. Паводле Анатоля Вераб'я, «у адным з лістоў, дасланых Максіму Танку ў сярэдзіне 50-х гадоў, ён, спасылаючыся на вопыт Вальтэра Скота, марыў стварыць такія творы, якія б адкрылі Беларусь для беларусаў і для ўсяго свету»⁴⁰.

⁴⁰ Верабей, А. Уладзімір Караткевіч: Жыццё і творчасць. 2-е выд. Мінск: Бел. навука, 2005. С. 31

«Каласы пад сярпом тваім», «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», «Нельга забыць» — гэтыя асновы беларускай гістарычнай раманістыкі, на якія абаперліся пісьменнікі маладзейшага пакалення: Уладзімір Арлоў і Леанід Дайнека, Вольга Іпатава і Вітаўт Чаропка. Нарадзілася гістарычнае народазнаўства, увасобленае ў мастацкую форму, без чаго было б немагчымым стварэнне (ці, дакладней, адраджэнне на традыцыях старажытных княстваў) сучаснай беларускай дзяржаўнасці. Па сутнасці, менавіта яе меў на ўвазе пісьменнік, калі ў вершы «Маці-Радзіма» заклікаў узводзіць «храм наш агульны і светлы», паўстаць (з вялікіх літар) «за Край Свой Родны».

| Роднае слова. — 2007. — № 8.

Мыслитель и патриот

Из воспоминаний об Алесе Адамовиче и не только о нем

Среди немногочисленных материалов, опубликованных в последнее время в связи с 20-летием со дня смерти выдающегося писателя, ученого и кинематографиста, мне особенно понравилась статья московского общественного деятеля Алеся Чайчица, помещенная в его блоге. В ней точно определена отличительная черта личности Алеся Адамовича: являясь «сознательным белорусом», он тем не менее соединял страны и народы, был «мостом между ними», в первую очередь между Беларусью и Россией. А это «очень редкое сочетание качеств — настолько редкое, насколько и необходимое нам для строительства нормальных, полноправных и конструктивных белорусско-русских взаимоотношений».

Однако одно место в этой статье вызвало у меня принципиальное несогласие. Там говорится, что Адамович после чернобыльской катастрофы «вынужден был съехать в Москву» под нажимом минских властей.

Помнится, в то время, весной 1987 года, работали мы в соседних кабинетах Института литературы имени Янки Купалы на четвертом этаже главного корпуса АН БССР (у нас были даже спаренные телефоны). Он заведовал сектором взаимосвязей литератур, а я, его ученик, — сектором белорусской дооктябрьской литературы.

И вот мне коллеги, то ли ультралевые, то ли ультраправые, начали вкладывать в уши: «А вось гэты ваш хвалёны Адамовіч здраджвае радзіме, уцякае ў Маскву і ад акадэміі і ад уладаў, бо надаелі яму іх праследаванні».

Хорошо зная, что это, скажем, не совсем так, ибо Алесь Михайлович тогда по-настоящему дружил и с президентом АН БССР Николаем Александровичем Борисевичем, и с секретарем ЦК КПБ Александром Трифоновичем Кузьминым, а до этого был в нормальных отношениях с Петром Мироновичем Машеровым. Но у моего соседа немало было и недоброжелателей, притом на разных уровнях. Упреки, как правило, касались «абстрактного гуманизма».

В тот весенний день он заскочил в мой кабинет взволнованный и уставший: шесть часов дискутировал с первым секретарем ЦК КПБ Николаем Никитовичем Слюньковым, доказывая ему необходимость во весь голос говорить о вредности для человека чернобыльского излучения. Признался руководителю республики, что ради этого он поедет в Москву к самому Горбачеву, предварительно договорившись с одним из помощников последнего. Увидев, что я, не очень-то разделяя его беспокойство, продолжаю спокойно расставлять в ящике библиографические карточки для первого тома шеститомника «Беларускія пісьменнікі», вдруг рассердился:

— Каму стануць патрэбны гэтыя твае паперкі?! Мы скоро ўсе выйрам!

И тут я решил рассказать Адамовичу, что о нем злые языки судачат в Минске. В ответ на лице моего собеседника появилось сначала удивление, а потом — улыбка:

— Ты думаеш, Адаме, што я еду ў Маскву, каб забаўляцца... А я спадзяюся, што, працуючы там, прынясу беларусам больш карысці, чым знаходзячыся тут. Вазьмі для прыкладу Мікалая Улашчыка: колькі дабра ён робіць для вывучэння нашага летапісання, працуючы пасля высылкі ў Інстытуце гісторыі ўсесаюзнай акадэміі! У Мінску нашы гісторыкі даўно яго з'елі б... Ці колькі мы выйгралі б, калі б у свой час Пётр Міронавіч не загінуў, а кіраваў намі, як пагаворвалі, з Масквы...

И Алесь Адамович вскоре действительно переехал во всесоюзную столицу. Но часто приезжал в Минск к семье, заходил в институт. И мы сообща вспоминали начало начал.

...Впервые мы встретились в сентябре 1953 года, когда я был на третьем курсе отделения журналистики БГУ. Молодой и подвижный, пришел он читать нам спецкурс лекций по стилистике, предложил писать по ней курсовые работы. Я выбрал темой язык статей журнала «Беларусь». И после доказательно упрекнул в курсовой редакцию за чрезмерное выхолащивание, почти бюрократизацию стиля. Очевидно, работа запомнилась руководителю, ибо он здоровался со мной, встречаясь в университетских коридорах. Радовался, когда я на «отлично» защитил у доцента БГУ Давида Факторовича не совсем обычную (даже для поляков, а тем более для белорусов) дипломную работу «Адам Мицкевич — публицист», сетовал, что меня не оставили в аспирантуре, а распределили секретарем радошковичской районной газеты «Сцяг Ільіча».

В Радошковичах (или, как на месте выговаривали, Радашкавичачах) я с головой окунулся в прошлое района и шире — Молодечненщины. Познакомившись с вдовой Бронислава Тарашкевича Ниной Нижанковской, ездил в Вильнюс изучать материалы суда над «Грамадой», попутно доказал, что Михал Клеофас Огинский жил в белорусском Залесье, что неинтересных мест в Беларуси нет — есть только неизученные.

И вот в 1959 году узнаю, что Радошковичский район делится между Молодечненским и Воложинским. Кочевать дальше не хотелось, и я поехал в академический Институт литературы проситься на работу: буду, мол, заниматься изучением литературных взаимосвязей.

— А як я змагу прапісаць вас у Мінску?! — сразу же возразил мне директор института Василь Васильевич Борисенко. — Ваши артыкулы ў «Літаратуры і мастацтве» я чытаў. Тэматыка такая для інстытута патрэбная. Таму... Таму паступайце ў аспірантуру. Праз сем дзён уступныя экзамены.

— Дык жа, Васіль Васільевіч, не паспею падрыхтавацца...

— Не наеўся, то не наліжашся! Едзьце ў свае Радашковічы і хутчэй прывозьце дакументы.

Когда хозяин кабинета вывел меня, прощаясь, в коридор, нас заметил стоявший у окна Адамович. Узнав меня, подошел поближе:

— Здароў, Адам!

— Вы знаёмы? — удивленно спросил Василь Васильевич.

— Так, ён пісаў у мяне курсавую.

— То будзе пісаць і кандыдацкую. Па чым збіраецеся?

— Мусіць, па сувязях з польскай літаратурай. У XIX стагоддзі, на пачатку абноўленага шляху нашага пісьменства, яны былі плённымі і шматбаковымі.

— То і добра. Чакаем.

Потом я убедился, что руководители диссертациями бывают разные: одни только мешают, навязывая свою точку зрения, другие пишут за диссертанта (особенно за диссертантку). Третьи же, Адамович как раз относился к таковым, сообща обсуждают концепцию и не вмешиваются в детали. Алесь Михайлович посоветовал: «Только не поддаваться вульгаризаторам, отождествлявшим тогда все польское с панским, и ориентироваться скорее на Ленина, который утверждал, что польское освободительное движение было революционным в целом». После Адамович хлопотал, чтобы я поехал в научные командировки в Варшаву, Краков, Вроцлав, Познань. Радовался моим находкам, особенно в Англии, куда я отправился

осенью 1982 года с легкой руки заведующего отделом культуры ЦК КПБ Ивана Ивановича Антоновича.

Впрочем, после той двухмесячной юнесковской командировки Алесю Адамовичу пришлось меня активно защищать. Дело в том, что, вернувшись, я начал печатать с продолжением свои очерки «За Ла-Маншам, сярод беларусаў: 3 «Англійскага дзённіка» на страницах газеты «Голас Радзімы». И вдруг где-то под конец обещанное продолжение не появилось, а Алексей Карпюк позвонил мне из Гродно и тревожно спросил, не сушу ли я сухари. Мол, в их город приезжал на семинар атеистов лектор из отдела пропаганды и агитации ЦК КПБ и спросил у слушателей, знают ли они, какой «фокус отмочил их землячок», ибо, поехав в «логово империалистов», этот Мальдис вместо того, чтобы описывать эту эмиграцию одной черной краской, употребил все цвета радуги...

И тут началось. Из издательства вернули мне рукопись. Браковали статьи, не имеющие к Англии никакого отношения. Вызвал в академический президиум, посоветовали отказаться от издания книги и на пару лет «тихо залечь на дно», пока все забудется. Я отказался, ибо тем самым доказал бы, что в чем-то виновен.

Оказавшись в такой, казалось, тупиковой ситуации, я, естественно, пошел за советом к Алесю Адамовичу. А он успокоил меня: идет обыкновенное противостояние двух соперников, мол, один из них послал за границу явно не того человека и должен понести за это ответ. И обещал организовать мне встречу «с самим Кузьминым», который мог повлиять на дальнейший ход событий. Александр Трифонович принял меня, внимательно выслушал и, подумав, вздохнул:

— А что я смогу сделать? Вон и меня тут, — последовал кивок рукой в определенном направлении, — попытались сделать троцкистом. — И, помедлив еще, добавил: — Что в вашей книге самое ценное? Находки. Вот и оставьте только их, сократите всю публицистику, светлую и черную. Не дразните гусей.

Узнав о таком совете, Алесь Адамович подписал мне свою книгу «Каратели. Радость ножа, или Жизнеописание гипербореев»: «Адаму Мальдзісу, якому жыць весялей, чым нам, бо ён

у XVIII-м!» Имелись в виду мои описания повседневной жизни наших далеких предков.

А через семь лет вышла из печати самая тонкая моя книга: «З літаратуразнаўчых вандраванняў: Нарысы, эсэ, дзённікі». «Англійскі дзённік» был сокращен более чем наполовину.

Хочу вернуться к блогу Алеся Чайчица. Там сообщается, что в Москве разработана целая программа сохранения памяти о, несомненно, классике нашей литературы: издаются посвященные ему книги, в годовщину его смерти были возложены цветы к установленной ему мемориальной доске. Ничего такого в Минске пока нет... А жаль. Ведь имя Алеся Адамовича историей ставится рядом с именем его соратника и друга Василя Быкова.

| СБ. Беларусь сегодня. — 2014. — 19 февр.

Паломнік у будучыню, або Сяброўства даўжынёй у чвэрць стагоддзя

Як і многія яго сучаснікі, я ўдзячна лёсу за цудоўныя моманты шматлікіх зносін на перакрываваннях агульных інтарэсаў. Ведаю Адама Іосіфавіча Мальдзіса, здаецца, усё сваё прафесійнае жыццё — яшчэ да нараджэння «Чатырох чвэрцяў», а ім у 2018 годзе спаўняецца дваццаць пяць гадоў. З цікавасцю прачытвала навуковыя і мастацкія публікацыі ў перыёдыцы, «Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча» ды і «Восень пасярод вясны», якія шырока абмяркоўваліся ў культурным асяроддзі.

Сапраўды, Адам Мальдзіс — сучасная легенда. Менавіта ад такіх дзеячаў з інтэлектуальнай эліты грамадства і залежыць аўтарытэт нашай эпохі. Па выніках яго дзейнасці нашчадкі будуць меркаваць пра тое, як жыў XX век і што трэба з яго браць, каб рухацца ў будучыню.

Размовы нашыя з ім былі вельмі сур'ёзнымі — гаварыць было пра што. Многія выдавецкія праекты тычыліся глыбокай гісторыі краіны, выбітных асоб нацыянальнай культуры. Паўставала заўсёды вялікая адказнасць перад чытачом за дакладнасць і праўдзівасць. Але былі ў нас і іншыя, «асабістыя», тэмы. Напрыклад, пра беларуска-шведскія стасункі. У той час я бывала ў Швецыі і вельмі захаплялася скандынаўскай культурай. І Адам Іосіфавіч многа чаго ведаў. Як суразмоўца ён вельмі цікавы — дасведчаны, высокаадукаваны.

Канешне, імклівы час шмат чаго прыбірае з памяці. Але некалькі найбольш значных эпизодаў сумеснай рэдакцыйнай дзейнасці няцяжка ўзгадаць. Напрыклад, як шчыльна працавалі разам, рыхтуючы выданне матэрыялаў да V Міжнароднага кангрэса беларусістаў, што адбыўся ў маі 2010 года. Вынікам сталі аж тры важкія тамы пад агульнай назвай «Новае слова ў беларусістыцы». Беларускія вучоныя, навукоўцы з Расіі, Украіны, Літвы, Польшчы, Чэхіі, Швейцарыі, ЗША і Вялікабрытаніі прадэманстравалі свае дасягненні ў галіне літаратуразнаўства і фалькларыстыкі, мовазнаўства, а таксама гісторыі і культуралогіі. Адным словам, тады нам разам з ганаровым старшынёй Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў удалося па-новаму адкрыць здабыткі нацыянальнай і сусветнай навукі перад міжнароднай навуковай грамадскасцю.

Але найбольш хацелася б адзначыць удзел Адама Іосіфавіча ў вялікім выдавецкім праекце, звязаным з імем Міхала Клефаса Агінскага, які распачаўся больш за дваццаць гадоў таму. Тады і пераступіў прафесар упершыню парог рэдакцыйных пакояў. Гэта быў 1997 год... Супрацоўнікі вы-

давецтва падступаліся да тэмы, дзе былі першапраходцамі на ўсёй постса-
вецкай прасторы — пра жыццё, дзейнасць, творчасць выбітнага палітыка,
дыпламата, музыканта, кампазітара. Сутыкнуўшыся з нечаканымі
цяжкасцямі — вялікай колькасцю супярэчнасцей у матэрыялах, атрыма-
ных ад яго нашчадкаў — братоў Анджэя і Іва Залускіх з Вялікабрытаніі,
пашукалі дапамогі доктара філалагічных навук. Мальдзіс жыва на пра-
панову адгукнуўся і ўдзельнічаў у працы як навуковы рэдактар. А калі
ў выдавецтве было прынята рашэнне да 250-годдзя Агінскага (у 2015 г.)
рыхтаваць больш маштабны праект, замахнуўшыся нават на пераклад
з французскай яго «Мемуараў...», Адам Іосіфавіч быў побач.

Складанасці ў працы над тэкстамі былі рознага кшталту, але мы
імкнуліся ўлічваць парады Мальдзіса асабліва ў тым, што Агінскі не
аддзяляў сябе ад адзінага тады цэлага — Рэчы Паспалітай, і што сёння
кожная з краін — Літва, Польшча і Беларусь, лічыць яго сваім. Нам разам
трэба было аргументавана паказаць, што асоба Агінскага непадзельная, як
і Міцкевіч, Касцюшка, Манюшка, Ваньковіч і іншыя дзеячы культурнага
памежжа другой паловы XVII — першай паловы XIX стагоддзя. Гэта агуль-
ны скарб трох народаў. Дарэчы, Адам Іосіфавіч адзін з тых, хто ўсёй сваёй
дзейнасцю даказваў, што беларусы далі свету мноства знакавых асоб. Ён
сам, не стамляючыся, вышукваў іх за мяжой, складаў картатэку, наладжваў
стасункі. У нашым праекце вучоны ўпэўнена разважаў пра рэчы, якія
прышлося б глыбока даследаваць. Яго феноменальная памяць здзіўляла,
а меркаванні становіліся асновай для прыняцця рэдакцыйных рашэнняў
па праблемных пытаннях. Удалося з поспехам завяршыць праект, які
стаў добрым унёскам у кнігавыдавецкую галіну Беларусі. Больш за тое,
унікальныя выданні ўпісалі новыя старонкі ў гісторыю трох краін. Заслуга
Адама Іосіфавіча ў гэтым відавочная.

Як помнік пры жыцці вядомаму вучонаму, цудоўнаму чалавеку
расцэньваю гэтую сціпую кнігу. Аб выданні яе мы ўжо гады два таму
пачалі думаць. Тады Адам Іосіфавіч і пачаў збіраць свае артыкулы,
апублікаваныя ў «Голасе Радзімы», «СБ. Беларусь Сёння». Падаецца,
што кніга «Ад Скарыны і Фёдарова — у XXI стагоддзе» замацуе чарговую
цаглінку ў фундамент нацыянальнай гісторыі і культуры. Спадзяюся, што
сумесны шлях у адным напрамку перастварыў наша знаёмства ў шчы-
рае сяброўства, і таму ад усяго сэрца жадаю шаноўнаму Адаму Іосіфавічу
здараўя і творчага плёну.

Ліліяна Аницук

Содержание

<i>Час Адама Мальдзіса. Алесь Карлюкевіч</i>	3
I. Карані беларускага пісьменства	5
Корень и крона истории	5
Книга-памятник	28
Сколько нам лет?	32
Ягамосць рукапісны дакумент	40
В 1392 году в Новогрудке повенчались католик Владислав Ягайло и православная Софья Гольшанская, единственная королева-белоруска	42
Возможен ли общий взгляд историков?	50
II. Шматгалоссе веравызнанняў	55
Шляхам згоды і святла	55
Няхай абраз зноў творыць цуды	57
Талерантнасць, моцная дыялогам	63
Дапаможам нашым суродзічам	65
III. Першадрукары	68
Дык якой жа веры быў Францыск Скарына?	68
Францыск Скорина: бесспорное и спорное	82
Иван, сын Фёдораў — родам з Вілейшчыны	96
IV. Кнігатворцы	99
Канцлер Хрептович возвращается в Щорсы	99

Палітык. Дыпламат. Кампазітар. Мемуарыст	104
Гениальный сын земли Новогрудской	108
Запаветы, адрасаваныя нам Ігнатам Дамейкам	116
Правда интереснее мифов	120
Загадки и отгадки, связанные с Винцентом Дуниным-Марцинкевичем	131
А был ли Павлюк Багрим поэтом?	137
Посланник в Японию Иосиф Гашкевич	146
«Яснавяльможная пані Арэшчыха»	151
Династия Ельских	159
По маршруту Сморгонь – Новая Зеландия	164
«Свояки» Казимира Свояка	169
Шматгранны талент ссыльнага камісара Язэпа Дылы	177
Веніямін Фабрыкант, перш за ўсё паэт... ..	180
Эталон ветлівасці	182
Разуменне прыгожага, памножанае на працавітаць Уладзіміра Конана	185
Запаветы Уладзіміра Караткевіча наступным пакаленням	187
Мыслитель и патриот	198
<i>Паломнік у будучыню, або Сяброўства даўжынёй у чвэрць стагоддзя. Ліліяна Аницух</i>	204

Навукова-папулярнае выданне

МАЛЬДЗІС Адам Іосіфавіч

**АД СКАРЫНЫ І ФЁДАРАВА —
Ў XXI СТАГОДДЗЕ**

Зборнік эсэ

На беларускай і рускай мовах

На вокладцы выкарыстаны фотаздымак з архіва аўтара

Рэдактар *Л. Ф. Анцух*

Дызайн вокладкі *Я. А. Мальдзіс*

Камп'ютарная вёрстка *Г. А. Макрыцкая*

Карэктары *К. С. Голуб, М. Д. Ліпніцкая*

Камп'ютарны набор *Я. А. Мальдзіс, Ж. Ю. Клімянок*

Падпісана ў друк 22.01.2018.

Фармат 60×84/16. Папера афсетная. Друк лічбавы.

Ум. друк. арк. 12,09. Ул.-выд. арк. 9,05.

Наклад 200 паас. Заказ 530.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

ТДА «Выдавецтва «Чатыры чвэрці»».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі

выдаўца, вытворцы, распаўсюдніка друкаваных выданняў

№ 1/139 ад 08.01.2014, № 3/219 ад 21.12.2013.

Вул. Б. Хмяльніцкага, 8-215, 220013, г. Мінск.

Тэл./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by

Нарадзіўся ў вёсцы Расолы Астравецкага раёна. Скончыў аддзяленне журналістыкі БДУ (1956). Працаваў сакратаром радашковіцкай раённай газеты «Сцяг Ільіча» (1956–1959). У 1962 годзе скончыў аспірантуру пры Інстытуце літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР. Займаў розныя пасады: у Інстытуце літаратуры АН БССР быў навуковым супрацоўнікам, з 1981-га — загадчыкам аддзела беларускай дакастрычніцкай літаратуры, пасля — дырэктар Нацыянальнага навукова-асветніцкага цэнтра імя Ф. Скарыны. З 1987 года — старшыня камісіі «Вяртанне» Беларускага фонда культуры, у 1991–2005 гадах — прэзідэнт (з 2010-га ганаровы старшыня) Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў, у 1996–2006-х — кіраўнік аддзела культуралогіі Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі.

Доктар філалагічных навук (1986). Прымаў удзел у 45-й сесіі ААН (дэлегацыя БССР, 1990). Член Саюза пісьменнікаў СССР (1965), Беларускага ПЭН-цэнтра (1989).

Жыве ў Мінску.

ISBN 978-985-581-087-3

9 789855 181087 3

АДДАМ МАЛИБДИС
ад Эксарбыны! Дедарова

У ХХХІ стогоддэ